

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIII

(43)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Б. А. РЫБАКОВ

РУССКИЕ ЗЕМЛИ ПО КАРТЕ ИДРИСИ 1154 ГОДА

География средневековой Руси очень полно представлена русскими летописями и грамотами. Описывая любое событие, любой, даже самый далекий, поход, летописец смело называет различные реки и речки, города и деревни, предполагая, что его читатели хорошо знакомы с географией своей родной страны и сопредельных с ней земель. К сожалению, до нас дошло очень мало специальных географических сочинений XI—XII вв., но, судя по «Хождению игумена Даниила», русские географы точно и неуклонно отмечали все пройденные расстояния от порта до порта, от города до города, скрупулезно измеряли древние здания и в то же время не забывали о природе, о людях, о способах передвижения. В общих работах, обращенных к более или менее широкому кругу читателей, русские историки и публицисты нередко щеголяли своими знаниями географии тогдашнего мира, говоря о пути вокруг Европы, описывая Британию и Африку, упоминая об Индии и народах далекого Востока, вплоть до островитян Малайского архипелага и китайцев, «живущие на конец земля».

Восточные источники о русских землях, имеющие такое большое значение для эпохи зарождения Киевского государства в VIII—IX вв., постепенно утрачивают его, а в XIV—XV вв. становятся безнадежно устаревшими, повторяя в эпоху Ивана Калиты запоздавшие на пять столетий рассказы о русах, почерпнутые из книг современников Игоря и Ольги (например, Абульфеда). Однако среди позднейших арабских географов был один замечательный ученый, имя которого несправедливо соединяют с именами бесполезных компиляторов. Это — Идриси, на карте которого причудливо сочетаются воспоминания о трех древних центрах Руси IX в. с точными данными купеческих маршрутов XII в. (рис. 1). При всей разработанности отечественной географии древнерусскими авторами, интересно знать, как представляли себе Русь иноземные современники Юрия Долгорукого, какое место занимала она в общей системе географических воззрений, а также важно знать, как преломлялась в уме мавра вся совокупность исторических сведений о более ранней Руси, как понимал и как истолковывал он запутанные и неясные рассказы Джейхани, Масуди, Ибн-Хаукаля — ведь его отделяло от них только два столетия, тогда как мы отделены от этих авторов тысячелетием.

Идриси не посчастливилось в русской исторической литературе. Несмотря на то, что арабский текст был переведен Амедеем Жобером еще в 1840 г., а карта издана в латинской транскрипции Иоахимом Лелевелем в 1849 г., восточноевропейская часть его труда не пользовалась вниманием историков,

не подверглась ни разбору, ни строгой источниковедческой критике, а просто была взята под сомнение, как недостоверная и фантастическая¹.

Френ, Хвольсон, Гаркави, Розен в своих работах обошли молчанием географию Идриси, лишь изредка ссылаясь на отдельные разночтения². Вполне понятно, почему картой Идриси не занялись востоковеды-норманисты, вроде Куника и Франца Вестберга, ведь на этой карте Скандинавия показана сильно искаженной в своих очертаниях и безлюдной, а Русь раскинулась на огромных пространствах.

Не заинтересовался Идриси и крупнейший знаток восточного мира — В. В. Бартольд.

К данным Идриси изредка обращались за разрешением отдельных частных вопросов, не изучая источник в целом. Таковы работы Д. Расовского, сопоставлявшего «Хинова» «Слова о полку Игореве» с городом Киниов у Идриси³, и объемистый труд П. П. Смирнова, в котором привлекаются в числе других и данные Идриси, но в результате получается совершенно невероятная картина размещения «русского каганата» IX в., якобы находившегося на верхней Волге: Куяба — Балахна, Славия — около Ярославля, а Артания — Ардатов⁴. Фантастическое построение П. П. Смирнова основано на неправильном истолковании отдельных мест у Идриси и на неверных расчетах расстояний.

Картой Идриси занимались в отношении Западной Европы, Востока, Прибалтики, но русские области обычно не рассматривались. Исключение составляет капитальная, но очень примитивная по методам исследования работа Конрада Миллера, посвященная арабской картографии⁵. Предпринятые К. Миллером попытки перенесения данных Идриси на современную карту по своей неправдоподобности близки к построениям П. П. Смирнова и даже совпадают с ними в отдельных положениях.

Не считаясь с исторической географией средневековой Восточной Европы, К. Миллер отводит Руси только узкую полосу вдоль Днепра, а все остальные пространства — Кумании. Кумания Внутренняя размещена от Десны до Ростова Великого, а Кумания Внешняя расположена севернее Западной Двины, в бассейне Ловати и Мсты, подходя почти к Новгороду Великому. От Тулы до Костромы и далее, в заволжской тайге, показана Русия-Тюрк, севернее которой, близ Великого Устюга, К. Миллер разместил печенегов⁶.

Однако при самом беглом взгляде на карту Идриси мы видим, что она не допускает таких крайностей: Кумания на ней прилегает к Черному морю. Внимательно анализируя карту Идриси и сопровождающий ее текст, мы, во-первых, открываем способ ее составления, а во-вторых, находим ряд интереснейших деталей.

¹ Aiméde J a u b e r t. Géographie d'Edrisi. Paris, 1840. Vol. II. Géographie du Moyen âge, étudiée par Joachim Lelewel. Bruxelles, 1849. Лелевель сделал первую попытку истолкования карты и текста Идриси. Схематизированный французский перевод карты был сделан Д. Антовым. См. Atlas de géographie historique. Paris, 1896, карта 18.

² F g a e h n. Veteris memoriae Chazarorum... «Mem. Acad. Sci. de St.-Petersb.», т. VIII; Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен-Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 43; А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. М., 1870.

³ Д. Расовский. «Хинова». «Sem. Kond.», т. II, Praha, 1928.

⁴ Павло Смірнов. Волзький шлях і стародавні руси. Нариси з руської історії VI—IX вв. Київ, 1928, стр. 168—173 и 203.

⁵ Konrad Miller. Arabische Welt- und Ländkarten. Stuttgart, 1927—1931, ч. I (атлас), вып. 2, табл. V; ч. II (текст), стр. 150—156. Последними по времени являются работы польского ученого Т. Левицкого, несравненно более серьезные, чем К. Миллера. T. Lewicki. La voie Kiev—Vladimir d'après ab-Idrisi. Rocznik Orientalistyczny, t. XIII, Lwow, 1937. Tadeusz Lewicki. Polska i kraje sasiednie w swietle «Księ Rogera», Kraków, 1945.

⁶ К. Миллер. Указ. соч., ч. II, стр. 153, рис. 38 (карта).

Буржуазная европейская наука в лице Конрада Миллера оказалась бессильной расшифровать сложную средневековую карту и объявила ее составителя недобросовестным фантазером.

В нашу задачу сейчас входит определение источников сведений Идриси, тщательное рассмотрение всех его данных о русских землях и попытка объективного перенесения их на современную карту.

* * *

Абу-Абд-Аллах Мохаммед Идриси (1099—1166) родился в Сеуте (Африка), в семье мавританского владельца Малаги из рода Хаммудитов. Образование он получил в знаменитой Кордовской школе; много странствовал по Европе, посетил Францию и Англию, путешествовал по Малой Азии. В середине XII в. Идриси был придворным норманского короля Рожера II, владевшего Сицилией, этой «жемчужиной западного ислама». Норманны в Сицилии целиком подпали под влияние арабской цивилизации; это сказывалось во всем, в том числе и в географической науке: сицилийский король изучал географию по карте, составленной для него арабом Идриси¹.

Обладая широкими возможностями, Идриси мог рассылать своих агентов во все концы известного тогда мира. В Палермо привозили закупленные для него на Востоке старые географические сочинения, купцы сообщали ему свои маршруты, снабженные точными расстояниями между городами. Мы знаем, что в руках Идриси были следующие книги, поименованные им самим:

«География» Клавдия Птолемея,
«Книга путей и государств» Ибн-Хордадбе (866—874 гг.),
«Книга стран» Ахмеда аль-Якуби (891 г.),
«Книга путей для познания стран» Джейхани (ок. 900 г.),
«Книга податей» Кодами аль-Басрия (ок. 902 г.),
«Золотые луга и рудники драгоценных камней» Масуди (середина X в.),
«Книга путей и государств» Ибн-Хаукаль (976 г.),
Ахмед-бен-аль-Андрий,
Джаган Ибн-Хакана аль-Кимакия,
Аль-Кардия,
Астрономическое сочинение Исак бен-аль-Гасан².

Мы видим, что сицилийский географ собрал важнейшие классические труды арабо-персидской географической литературы и получил даже рукопись Джагана, сына хана Кимакии, из степей на восточном краю известного тогда мира. Одним из важнейших географических трудов, повлиявшим на научное мировоззрение Идриси, был труд Птолемея, снабженный картой мира.

В январе 1154 г. Идриси закончил свои пятнадцатилетние картографические работы, выразившиеся в подробной карте на 70 больших листах (*Charta Rogeriana*), сопроводительном тексте к ней и схематической круглой карте, изображавшей весь Старый Свет в иной проекции, чем на основной. Размеры большой карты 300 × 147 см. На ней помещено около 2500 названий, а в тексте около 7000.

Наибольший интерес представляет подробная карта, разделенная на семь широтных зон — «климатов» и на десять меридиональных членений. Обе карты ориентированы югом вверх. Вероятнее всего, что круглая карта являлась первой черновой попыткой графического синтеза землеведческих пред-

¹ А. Мюллер. История ислама с основания до новейших времен. Т. 4, СПб., 1896, стр. 212; В. Carra de Vaux. Les penseurs d'Islam. Т. 2, Paris, 1921; И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники. «Изв. Геогр. об-ва», т. 69, вып. 5, 1937.

² А. Jaubert. Указ. соч., т. I, стр. XIX. В дальнейшем ссылки на жоберовский перевод Идриси делаются: Идриси, стр. (подразумевается 2-й т. Жобера).

ставлений; она менее точна, в ней много ошибочных начертаний, частично исправленных в большой карте. Считать ее упрощением большой карты нельзя, ее нужно рассматривать как подготовительный этап. Заслуга Идриси заключается в том, что он сумел освободиться от геометрического схематизма арабской картографии и воспринял сущность античных методов, воплощенных в карте Птолемея. У Идриси очень подробно и сравнительно точно показаны средиземноморские земли, Западная Европа, Англия, Балканы, Северная Африка, Малая Азия, Аравия, Иран, Северная Индия и Средняя Азия (рис. 2).

Окраины известного тогда мира даны менее подробно, Африка на юге показана до Судана и истоков Нила включительно, на юго-востоке нанесен Малайский архипелаг и Китай (Sin). На северо-востоке знания Идриси обрываются на тюрко-монгольских племенах прибайкальских степей. Северо-западную границу составляет Море Мрака (под которым понимался Атлантический океан), Немецкое и Балтийское моря и Ледовитый океан. Вопреки ожиданиям, карта, составленная при дворе норманского короля, дала крайне мало сведений о скандинавских землях, отражая действительно скромное место их в культурной жизни Старого Света.

На карте дана следующая нагрузка: суша и моря, острова, реки, озера, горы, города, народы, области, государства (без границ). Пути, так подробно обозначенные в тексте, на карте, к сожалению, не показаны.

Общее впечатление от такого капитального труда, как «Charta Rogeriana», — максимальная добросовестность, стремление с возможной полнотой и точностью, без сказочных вымыслов, передать сведения об известных землях.

Основным недостатком этого свода различных сведений является неизбежная на этом этапе несогласованность между собой сведений, полученных из разных источников. Чем ближе к берегу моря, тем точнее взаимное положение стран и городов, это связано с каботажным плаванием средневековых мореходов. Чем дальше в глубь материка, тем труднее географу примирить разнородные сведения и тем больше неточностей. Многие сведения получались от разных информаторов, имевших различные исходные точки наблюдения. Поэтому на карте некоторые области как бы перекошены и вытянуты вдоль тех путей, по которым шли в свое время путешественники, сообщавшие сведения Идриси. При перенесении данных Идриси на современную карту ясно бросается в глаза неравномерная осведомленность его: города указаны на морских и сухопутных дорогах, а то, что находилось в стороне от путей, географу было недоступно. Объем неизвестного не всегда можно было измерить; согласно с традицией средневековых картографов, Идриси старался на своей карте сократить пространство неизвестных земель и как бы сплющить карту за счет неизведанного. Поэтому, если мы видим у Идриси некоторое пространство густо усеянным городами, то на современной карте города подтянутся ближе к морским берегам и путям, а промежутки останутся пустыми. Так, например, Индия очень сильно сокращена в меридиональном направлении и вытянута вдоль побережья океана; центральная Индия, населенная дравидическими племенами и недоступная путешественникам, совершенно не дана на карте. Сильно сокращены внутренние земли Китая. Хорошо известная Идриси Сицилия показана непропорционально большой, Англию Идриси знал, очевидно, из французских источников (Anklitara), но преимущественно южную ее часть; мало известная ему Шотландия показана непропорционально малой. Богемия описывалась в связи с одним из континентальных маршрутов, шедшим вдоль Европы в широтном направлении, а побережье Адриатики — с моря; при сведении их воедино на карте альпийская область, лежавшая между маршрутами, оказалась сильно сокращенной, а Богемия — расположенной почти на берегу моря. Таких примеров можно привести много.

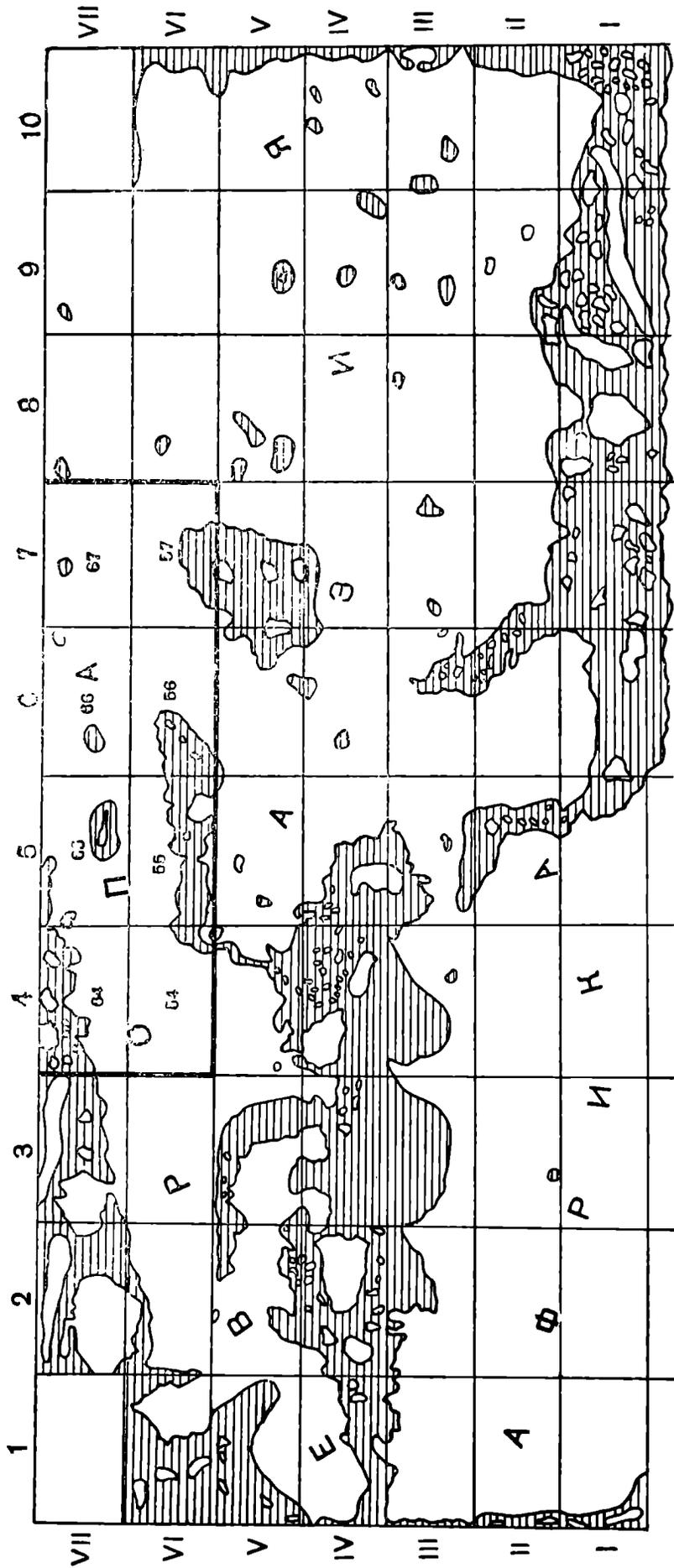

Рис. 2. Схема большой карты Идриси 1154 г. с разделением на 7 климатов и 10 разделов. На подлиннике юг обозначен наверху, листы 54—57 и 64—67, посвященные Восточной Европе, обведены жирной чертой

Ясно, что при анализе данных Идриси мы должны прежде всего исходить из круга известных в XII в. земель и из тех способов, какими получались сведения о них сотрудиниками Идриси, т. е. преимущественно из наезженных купеческих маршрутов. Ошибка К. Миллера заключалась в том, что он считал необходимым распространить данные Идриси на всю известную нам теперь площадь Старого Света, не считаясь с тем, что на карте 1154 г. безусловно были значительные пробелы, искусственно устраненные составителем, сблизившим известные ему области за счет неизвестных промежутков между ними. Листы карты 1154 г. не представляли в отдельности самостоятельного целого, они являлись частями общей карты, и ряд данных (реки, горы, моря) переходят с листа на лист; но в некоторых случаях мы наблюдаем, что рисовальщики придерживались в своей работе краев отдельного листа. Мы найдем много горных хребтов, расположенных именно на стыках листов. Таковы горы Тибета, Ферганские горы, Альпы, Карпаты. Очевидно, какая-то часть работы картографов производилась с отдельными листами.

В процессе изучения сведений о Восточной Европе мы должны поставить перед собой следующие вопросы: 1) взаимоотношение карты и текста Идриси; 2) источники сведений Идриси; 3) методика составления карты 1154 г.; 4) принципы перенесения данных Идриси на современную карту.

* * *

Восточная Европа помещена на карте в нижней ее части (карта ориентирована на юг) на средних листах VI и VII «климатов». Распределение листов видно на следующей схеме:

		Юг				
Восток	57 Прикаспийские земли	56 Восточное Причерноморье	55 Южное и Северное Причерноморье Нижнее Поднепровье	54 Западное Причерноморье Прикарпатье Подунавье	VI климат	
					Запад	
	67 Башкирия	66 Волжская Болгария Верховья Северского Донца	65 Верхнее Приднепровье	64 Прибалтика	VII климат	
		Север				

Для того чтобы не путать в дальнейшем читателя, я буду разбирать карту Идриси, ориентируя ее по-современному, т. е. севером наверх, и все отсчеты вверх и вниз или в стороны буду производить, исходя из современных представлений.

Перенести географические координаты Идриси на современную карту необычайно трудно. Во всяком случае полученные результаты могут быть лишь весьма приблизительными. На карте рис. 3 сделана подобная попытка, обоснование которой будет дано далее в ходе изложения. Листы карты 1154 г. выглядят на современной основе очень причудливо: они неравномерны, сложены по форме и иногда даже заходят друг на друга (рис. 3).

Прежде чем приступить к систематическому рассмотрению отдельных деталей карты 1154 г. и сопровождающего ее текста, считаю необходимым изложить метод подхода к географии Идриси и те основные положения, из которых я исходил при перенесении данных Идриси на современную карту. Доказательствам этих положений посвящено дальнейшее изложение.

1. Из старой географической литературы IX—X вв. Идриси перенес на свою карту незначительное количество сведений, касающихся наиболее удаленных от Сицилии областей (например, Поволжье, Прикаспье).

2. Основным источником Идриси были итинерарии — дорожники купцов и путешественников, освещавшие небольшую часть Восточной Европы, только узкие полосы вдоль морских берегов и вдоль трансевропейской торговой магистрали Галич — Киев — Волжские Болгары (рис. 4).

3. Карту 1154 г. необходимо рассматривать не как целостное и равнозначное во всех своих частях отображение действительности, а как изображение отдельных маршрутов, искусственно распределенных по всему пространству карты за счет отброшенных картографом неизвестных ему пространств.

4. При перенесении данных карты 1154 г. на современную основу должны получиться неизбежные разрывы между областями, известными Идриси, за счет областей, не обследованных путешественниками и не учтенных картографом (рис. 5).

5. В тексте Идриси часто указаны очень точные расстояния, но на карте принцип единого масштаба не выдержан и отдельные части ее даны в разных масштабах.

6. В первоначальных записях Идриси (которые обрабатывались им впоследствии по «климатам» и «разделам») не всегда согласованы между собой сведения различных дорожников об областях и городах: один и тот же город, упоминаемый в нескольких дорожниках в разной транскрипции, воспринимался Идриси как разные города и дважды помещался на карте. Например: Кано и Киниов (Канев), Берислав, Березула, Слава (Переяславль), Матраха, Матрика, Матлуха (Тмутаракань), Алеска, Молса (Олесье).

7. Гидрография Идриси в большинстве случаев отличается точностью, но нам неизвестны источники его сведений в этой области, так как в приведенных им выписках из дорожников некоторые реки и озера только упоминаются, но подробно не описываются. Очевидно, в руках Идриси были какие-то материалы, не включенные им в книгу, но позволившие дать в ряде случаев очень правдивое изображение крупных рек Восточной Европы.

8. Размещение городов на карте 1154 г. не всегда согласовано с текстом. Идриси не всегда ясно представлял себе связь разных дорожников между

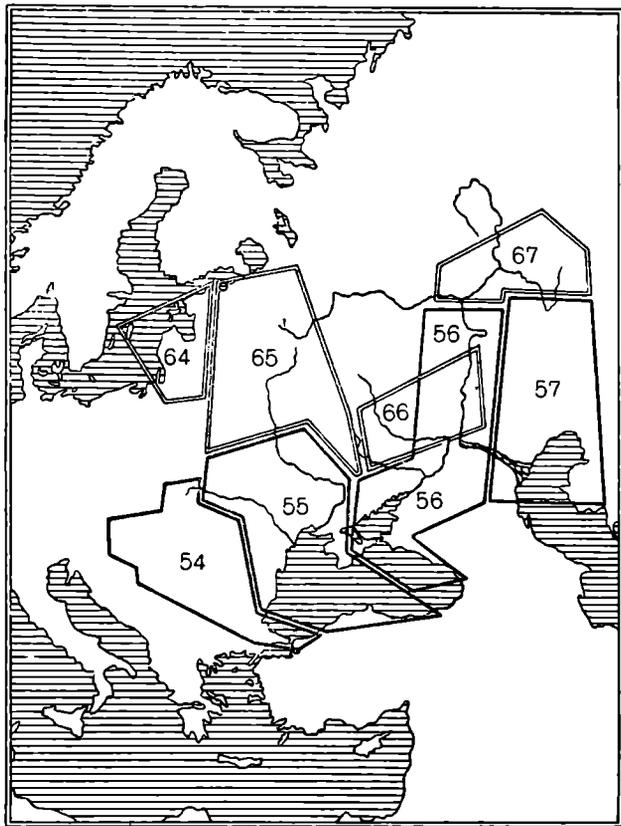

Рис. 3. Размещение листов 54—57 и 64—67 карты Идриси на современной карте

собой, и поэтому целые серии городов оказались не на месте. Иногда название страны принималось за название города (например, Алания, Хазария, Кумания). При изучении дорожников, с точно указанными расстояниями между городами, карта 1154 г. может в ряде случаев дезориентировать и запутать исследователя.

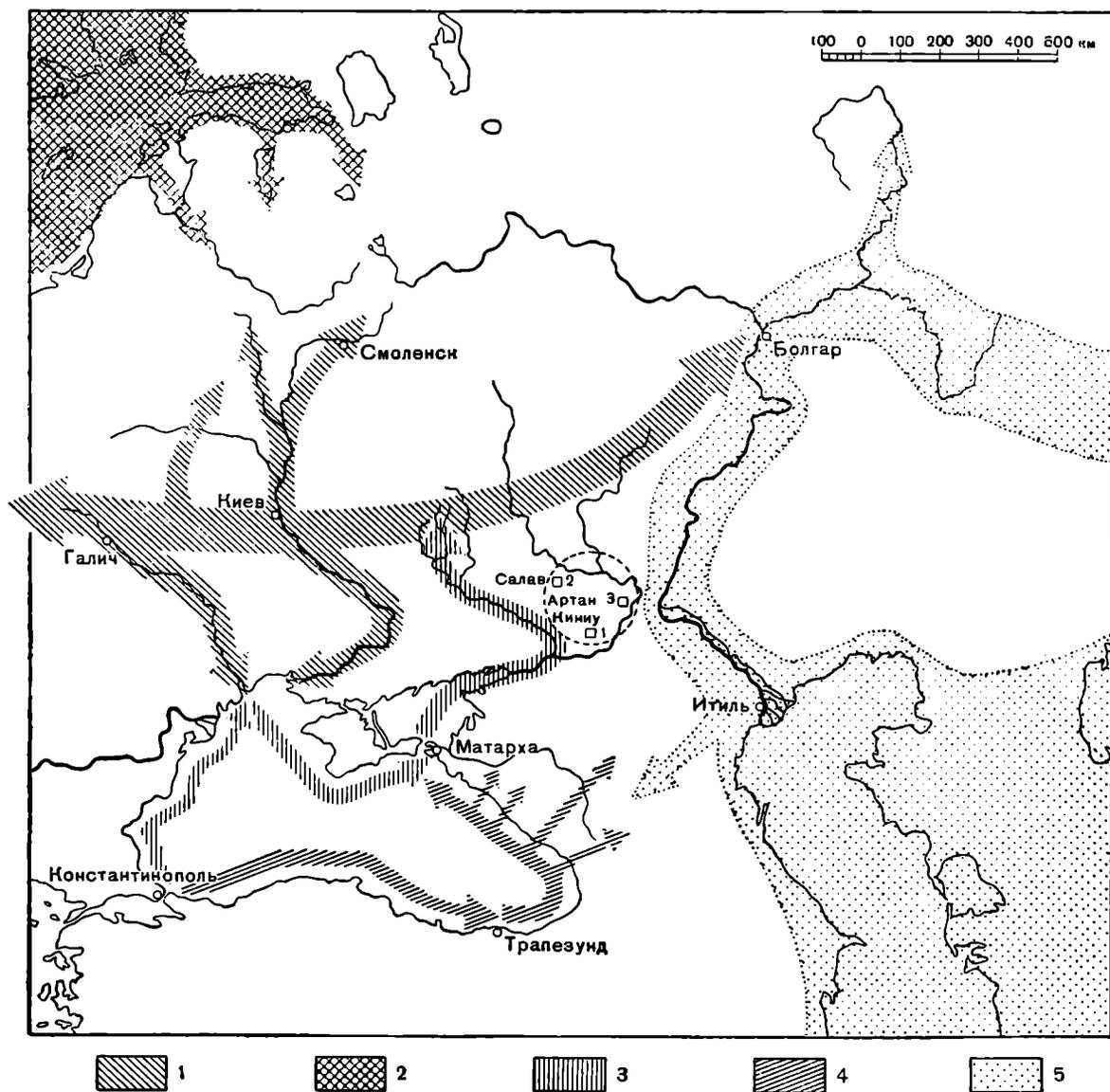

Рис. 5. Перенесение географических данных Идриси, связанных с разными маршрутами путешественников (см. рис. 4), на современную карту (изученная территория разделена значительными неизученными пространствами)

1 — Группа маршрутов XII в., связывающих Киев с Западной Европой, Причерноморьем и Поволжьем; 2 — Балтийские маршруты; 3 — Маршрут Константинополь — Тмутаракань — Северский Донец (XI—XII вв.); 4 — Маршрут Константинополь — Трапезунд — Тмутаракань; 5 — Каспийско-Волжские маршруты по географическим сочинениям IX—X вв.

При составлении карты Идриси использовал более полные списки городов, чем те, которые включены в книгу; это явствует из наличия на карте названий, не упомянутых в тексте (например, города в области Нибарии, город Малиса в Крыму).

9. В распоряжении Идриси были ценнейшие географические материалы как литературного характера, так и заново собранные им от путешественников середины XII в.

Систематизаторская работа Идриси сначала над текстом, а потом над картой обнаруживает в отдельных случаях непонимание им некоторых деталей собранного материала, но все это искупается уникальностью его данных.

После этих предварительных методических замечаний, основанных на сравнительном изучении текста и карты, вернемся к рассмотрению географии Идриси и подвергнем анализу интересующие нас восемь листов карты 1154 г., после чего сопоставим их с текстом.

Восточная Европа ограничена с юга Черным морем, Кавказом и Каспийским морем. На северо-западе границей служит Балтийское море, а на севере по самому обрезу карты идет загадочная горная цепь Кукайа (Куфайа), из которой вытекают реки, впадающие в Черное море. Эта горная цепь — предел знаний сицилийского географа.

На востоке показана река Атиль, не совпадающая ни с одной современной рекой, а являющаяся, очевидно, в истоках рекой Белой («Белая Воложка» русских летописей XVI в.), в среднем течении — Камой, а от Камского устья до моря — Волгой.

На западе интересующее нас пространство открывается истоками Днестра, долина которого является как бы дорогой в глубь Руси и Кумании. Необычайная растянутость Днестра и Дуная в широтном направлении указывает на происхождение карты от итинерариев, для которых всегда характерна такая вытянутость. Истоки Днестра приходится на одном меридиане с Пелопоннесом — так далеко в глубь центральной Европы древний картограф продлил путь, лежавший вдоль Днестра. В истоках показаны горы. Внутри очерченных границ — горы, озера, реки и города. Часть этих данных расшифровывается легко, часть же приходится определять гадательно.

В залив Балтийского моря впадает река Нартагу, вытекающая из северного края небольшого озера, в которое с южной стороны впадает другая река. В этой системе нетрудно узнать р. Великую, Чудское озеро и р. Нарову (Нартагу). Городов в этой области нет.

Система Ловать — Ильмень — Волхов — Нева, возможно, отразилась схематично в другой реке, вытекающей с высот близ истоков Днепра (Березины?) и также впадающей в залив (Финский). Эта река названа «Марката».

Река Днабр показана так, что в нижнем течении она очень близка к нашему Днепру, но верхнее течение ее, значительно отклоняясь к северо-западу, идет по руслу Березины. В тексте Идриси действительно сказано: «верховья реки Днабрус носят название Бельтес»¹.

На карте верховья Днепра показаны в виде четырех небольших озер, около них есть специальная надпись: «верховья реки Днабр». Очевидно, перед нами не Днепр в нашем смысле, а древний Борисфен, топонимическими пережитками которого являются Березина и «Бельтес», он очень точно изображен на карте 1154 г. (рис. 6).

На запад от Днепра помещено огромное озеро Терми с островом посредине. С соседних высот, окружающих озеро, текут реки: семь с севера, четыре с запада, четыре с юга. В этом озере, почти примыкающем к Днепру, нельзя не узнать Припятских болот, вбирающих в себя реки с севера, запада и юга. В тексте Идриси сказано: «На севере население редкое. Многие реки впадают в озеро Терми. Посреди озера есть возвышенности, заселенные зверем, называемым фебер»².

В бассейне Припяти было множество бобровых гонов, и неудивительно, что информаторы Идриси отметили изобилие этого ценнейшего зверя «фебер»³.

¹ Идриси, стр. 434.

² Там же.

³ Диалектологически хорошо известна древнерусская форма «беберь». Вспомним «бебрян рукав» в «Слове о полку Игореве». В другом месте у Идриси так и написано «беберь» (стр. 435). Переводчик Идриси А. Жобер почему-то перевел это слово «*sorte de tigre*» (!).

У устья Днестра показан город Мулиса (Олешье), а против устья, в море, — остров Андисера (может быть, остров св. Елевферия — Березань?). Сопоставление Днестра и Припятских болот на карте Идриси с современной убеждает в очень большой точности сведений, умело положенных на карту.

Восточнее Днестра — Борисфена на карте 1154 г. расположена река «Русия», текущая с севера на юг. Шесть ее истоков вытекают из гор Кукайа и сливаются вместе; река проходит через область Внешней Кумании и впадает в Черное море близ Матрахи. Рядом с этой рекой впадает в море другая — «Сакир» или «Сагину», которая названа притоком реки Атиль и на карте очень напоминает нижнее течение Дона от «Переволоки» до устья.

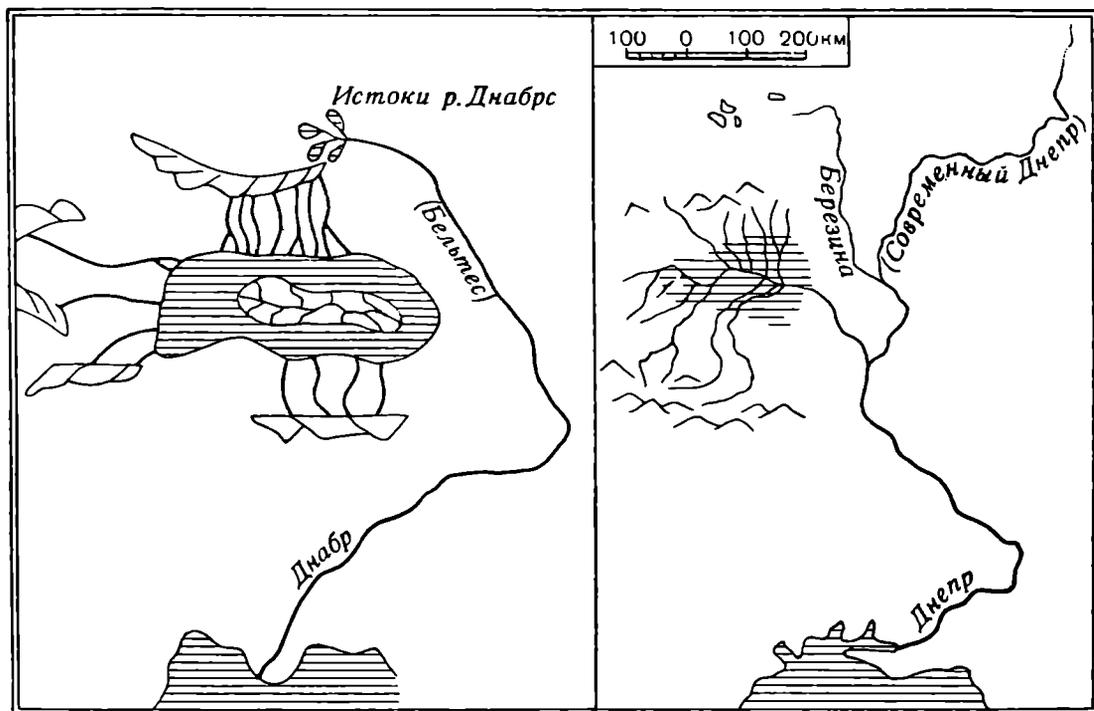

Рис. 6. Сопоставление бассейна «реки Днабр» на карте Идриси с бассейном Днепра на современной карте

Сопоставляя эти две реки, можно предположительно сказать, что Русия — Северский Донец, а Сагину — Нижний Дон, взятые, очевидно, из разных источников, не согласованных друг с другом. Вспомним, сколько недоумений было у Масуди по поводу рукава Меотиды.

Небольшая река, впадающая в море восточнее Дона, очевидно, Кубань; она вытекает из гор Батера. На левом ее берегу указана Черная Кумания, на правом — Белая Кумания.

Восточнее реки Русия и севернее р. Сагину показана сложная и малопонятная водная система: озеро Ганун, куда с севера впадают две речки, с юга — три, а с востока впадает большая река Шерви, или Шалви, истоки которой идут и из гор Кукайа, и из гор у излучины Атиль, и из каких-то печенежских гор. Думаю, что Шерви следует искать среди левых притоков Дона. Признать ее Сурой мешает направление течения — от Волги, а не к Волге.

Река Атиль частично уже описана выше. В одном из ее притоков, текущем с севера из гор Айани, может быть, следует видеть Каму в ее верхнем течении, до впадения реки Белой.

Черное море нарисовано на карте неточно; особенно удивляет отсутствие Крымского полуострова и Азовского моря, хотя крымские города даны

подробно и в правильной последовательности. Очевидно, информаторы Идриси плавали по Черному морю, не заходя в Азовское, а Керченский пролив принимали за устье реки, подтверждение чему находим в тексте. Наименее точно дан на карте восточный берег Черного моря.

Северный Кавказ и Нижнее Поволжье представляются на карте наиболее искаженными и перекошенными. Здесь, по всей вероятности, сходились сведения причерноморских, русских и малоазийско-закавказских источников, и Идриси не сумел их надлежащим образом согласовать. Не согласованы Дон и Донец, Дон и Волга (город Булгар помещен ниже Переволоки), Серир и Трапезунд, Северный Кавказ и восточное побережье Черного моря.

Дон — Танаис недаром считался рекой, отделявшей Азию от Европы, древние плохо знали его; для жителей Греции и Италии он был где-то далеко на востоке, а для жителей Согды и Бактрианы — так же далеко на северо-западе. Координировать сведения, шедшие из отдаленных друг от друга пунктов было трудно, чем и объясняется путаница относительно Танаиса у древних и относительно Дона у Масуди и Идриси¹.

Чувствуется, что Северный Кавказ и Подонье были очень плохо известны информаторам Идриси, что и не позволило географу согласовать сведения, освещавшие этот край с разных географических точек.

Такова в общих чертах эта интересная карта. Как и все арабские карты, она лишена масштаба и даже самого понятия о масштабности, что, разумеется, сильно усложняет для нас пользование ею. На ней есть очень точные данные, но есть и много несогласованностей и отдельных неточностей.

Последний вопрос, подлежащий разбору при рассмотрении карты 1154 г., — это вопрос об областях и городах. Некоторые из них очень легко отождествить с реальными историческими городами. Таковы Галисия на Днестре (Галич), Берислав на Днепре (Переяславль), Карсуна, Солтата, Матраха на побережье Черного моря (Херсонес — Корсунь, Сольдая — Судак, Тмутаракань), но количество их невелико. Многие города как бы блуждают по карте, оторвавшись от своих рек. Так, Киев (Киуа) и Канев (Киниов) оказались далеко на восток от Днепра. Гидрография Идриси, несмотря на свою разномасштабность, оказалась значительно точнее размещения городов. Кроме того, нужно отметить, что положение городов на карте далеко не всегда соответствует точным указаниям текста Идриси о взаимном их расположении, что мы увидим при детальном ознакомлении с текстом.

* * *

Кроме двух вариантов карт мира, Идриси оставил и книгу, посвященную всемирной географии: «Услада путешествующих вокруг света», в которой есть и общие описания стран и отдельные маршруты. Географическая номенклатура книги в три раза подробнее номенклатуры карт. Описания в книге ведутся по климатам, а внутри их — по разделам. Нас интересуют VI и VII климаты (разделы 4—7). Третий раздел VI климата посвящен Польше, Сербии, Болгарии и отчасти Византии.

Раздел, посвященный Руси, начинается описанием обширных пространств и воинственности ее жителей².

¹ Возможно, что именно этот взгляд на Дон (и его продолжение — Меотиду и Боспор) как на рубеж между двумя материками и побудил русского князя Глеба Святославича зимой 1068 г. заняться топографическим измерением ширины Керченского пролива и оставить торжественную запись об этом на мраморной плите.

² Идриси, стр. 390.

Воротами в русские земли Идриси считает долину Днестра. Первые русские города, которые упомянуты в книге Идриси, это:

Сермели — город на Днестре, в северной его части;
 Сана — Днестр течет на запад на 12 дней пути до города Сана;
 Бармуния — до этого города 9 дней пути [откуда?];
 Галисия — от Бармунии отстоит на 200 миль.

Попробуем расшифровать эти данные (рис. 7). Сермели — по всей вероятности, древний Перемышль, находящийся на север от верховий Днестра, на реке Сане, первый город, с которым сталкивались купцы, шедшие в Русь сухопутным из Центральной Европы¹. Город Сана — вероятно, древний Са-

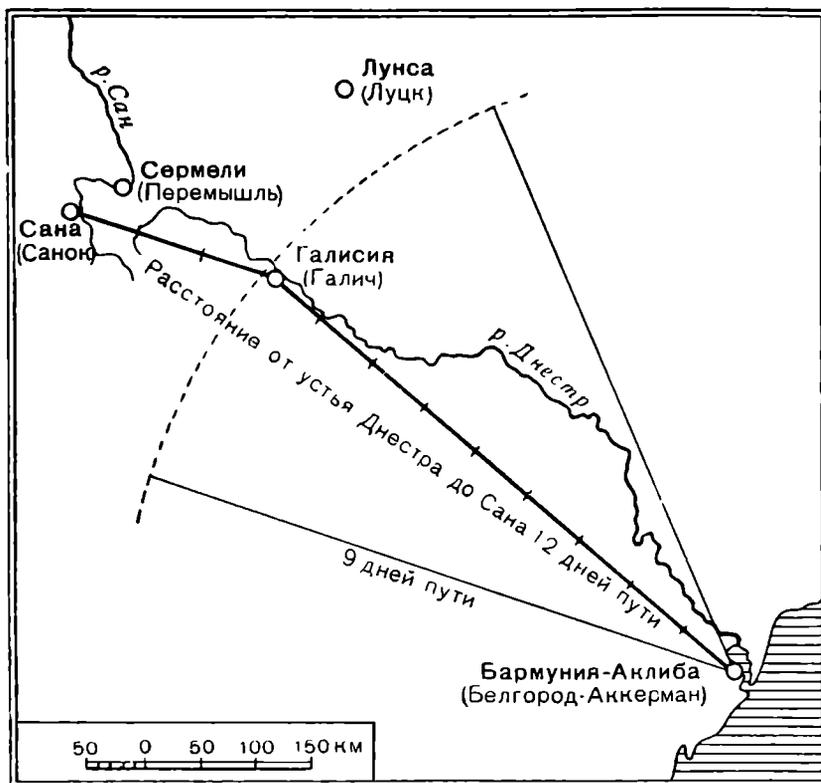

Рис. 7. Данные Идриси о Поднестровье, перенесенные на современную карту

нок, расположенный близ самых верховий Днестра. Когда Идриси пишет, что Днестр «течет на запад», то это нужно понимать не в смысле направления движения (на карте Днестр указан верно; он вытекает из гор и впадает в море), а лишь в смысле протяженности. Фразу следует перевести так: от устья Днестра на запад до города Сана 12 дней пути.

Как показывает анализ «Книги большому чертежу», расстояния, указанные по рекам, нужно брать не по фарватеру, а по береговой дороге, спрямляющей мелкие излучины реки. Обращаясь к современной карте, мы находим, что расстояние от Днестровского лимана до Санок приблизительно равно 700 км, следовательно, один день будет равен 58 км².

Город Галисия — вне всяких сомнений Галич на Днестре. Труднее определить Бармунию. Мы знаем, во-первых, что этот город отстоит от Галича

¹ Б. А. Рыбаков. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках, «История культуры древней Руси», т. I. 1948.

² Для этих мест русская летопись указывает примеры и более скорого передвижения, например по 70 км в день, правда на более короткие расстояния.

на 200 миль (но неизвестно, вверх или вниз по реке), а во-вторых, что Бармуния отстоит на 9 дней пути от неизвестного пункта. Таким пунктом естественнее всего признать или Санок, или Галич, но расстояние между последними невелико сравнительно с длиной реки — она равна примерно 190 км, т. е. трем с половиной дням пути. Следовательно, Бармунию надо искать вниз по реке от Галича. Обратим внимание на соотношение дней пути:

Санок — устье Днестра — 12 дней (по данным Идриси).

Санок — Галич — $3\frac{1}{2}$ дня (по современной карте, принимая за один день пути $\frac{1}{12}$ расстояния Санок — Устье).

Галич — Бармуния — 9 дней.

Отсюда вывод, что расстояние Санок — Бармуния равно $12\frac{1}{2}$ дням пути; исходя из этого соотношения, мы должны искать Бармунию где-то в устье Днестра. Это, по всей вероятности, древний Белгород в Днестровском лимане (Аккерман).

Двести арабских миль равны 394,56 км (одна миля равна 1972,8 м); расстояние же от Галича до Белгорода около 540 км. Возможно, что информаторы Идриси вообще несколько ошиблись в определении расстояния от Санок до Устья, преуменьшив его. Если принять, что 200 миль равны 9 дням пути, то один день равен 43,8 км, а не 58 км, как получилось при нашем расчете.

Естественно, что Идриси начал описание Руси с Галицкого княжества, ближайшего к Западной Европе. Далее в книге следует описание южного берега моря «Понт»: Амастрида, Синоп, Трапезунд.

От Трапезунда до Константинополя 9 дней морского плавания,

от Трапезунда до устья Дуная 9 дней морского плавания,

от Трапезунда до Русского моря 5 дней морского плавания¹.

Пути эти различны по своей природе; так, путь Трапезунд — Константинополь, несомненно, каботажный (подробно и точно описаны все гавани), а путь Трапезунд — Дунай пересекал наискось все Черное море, так как только в таком случае может получиться равное число дней пути.

Для нас особенно важно определить местоположение «Русского моря», но для этого следует рассмотреть еще один дорожник, включенный в книгу Идриси, также имеющий исходной точкой Трапезунд, а конечной — Тмутаракань и город Русию. Трапезундско-Тмутараканский маршрут, указанный первоначально только направлением на Русское море, несколько подробнее развит Идриси при описании шестого раздела:

От Трапезунда к востоку до устья р. Рушиу, вытекающей из гор Кабк 70 миль,

от устья Рушиу (Риона) до города Аскизии, крепости аланов . . . 150 миль,

от Аскизии до Аскалы 20 миль

от Аскалы до Истиберии ?

от Истиберии до Аллании 24 мили

от Аллании до Козарии, большого города 45 миль

от Козарии до Киры 25 миль

от Киры до Кумании 25 миль

Этот город носит название Черной Кумании. Он отделен от Киры крутыми горами и рекой с водой черной, как сажа.

От Кумании до Матлуки (Белой Кумании) 50 миль

Матрика, называемая также Матраха, расположена на реке Сакир, которая ответвляется от реки Атиль.

От Матлуки до Матрахи — один день плавания, или 100 миль

от Матрахи до Русии, большого города (расположенного на берегу большой реки, происходящей из гор Кукайа), жители которого находятся в продолжительной войне с Матрахой 27 миль

От Русии до Бутера 20 миль²:

¹ Идриси, стр. 394.

² Там же, стр. 401.

Все перечисленные в маршруте «города» показаны на карте именно как города — небольшими кружками, с шестью радиальными линиями. А между тем несомненно, что исходный текст информатора Идриси подразумевал страны: Ист-Иберию, Аланию, Хазарию. Очевидно, что непосредственно через эти земли он не путешествовал, а плыл пять дней из Трапезунда к Тмутаракани морем и очень суммарно описал берега, мимо которых шел корабль.

В описании нет ни одного города-гавани, которые действительно существовали в XII в. на Черноморском побережье Кавказа, нет реальных гор; острова показаны преувеличенно большими¹.

Несомненно, что автор дорожника понаслышке знал кое-что о народах Кавказского побережья; хорошо же он знал только общее расстояние от Трапезунда до Тмутаракани.

Сумма всех расстояний между отдельными «городами» — 409 миль, или 807 км. Каботажный путь вдоль Кавказского побережья (без захода в гавани) от Трапезунда до Тамани как раз и составит около 800 км. Значит, в общем определении морского пути Идриси располагал очень точными сведениями. Возможно, что его информатор описал страны и народы Кавказа с борта корабля.

Сопоставляя расстояние в 409 миль с указанием, что весь путь морем проходили за пять дней, для одного дня получаем 82 мили. Это — второе точное совпадение, так как в другом месте Идриси говорит: «1 день плавания, или 80 миль»². Следовательно, конец пятидневного пути, завершившегося у берегов «Русского моря», приходится на Керченский пролив, или, говоря политическим языком XII в., на Тмутараканское княжество. Из текста Идриси неясно, что понимать под Русским морем — Азовское или северо-восточный угол Черного моря, прилегающий к Керчи (Русия) и Тмутаракани. Отмечу, что Азовского моря нет ни на карте, ни в тексте. Как бы то ни было, но Русское море омывало берега Тмутаракани.

Размещение «городов» на побережье Кавказа свидетельствует о приблизительном соблюдении масштаба картографом: там, где в тексте указано большее протяжение пути, там и на карте «города» отстоят дальше друг от друга. Но вообще доверять этой части карты и текста нельзя, так как, кроме точного указания общего протяжения пути, все остальное описание с большими погрешностями. Создается впечатление, что у составителя был в руках текст с беглым описанием народов, а он, картограф, по-своему перенес его на карту, произвольно разделив общее расстояние на части.

В районе Кавказа автору приходилось соединять различные сведения, что делалось не всегда умело. Границы недостоверной части определяются областью Серир, помещенной на карте юго-западной Трапезунда, и «городами» Белая и Черная Кумания, размещенными на берегу Понта, по сторонам реки, похожей по местоположению на Кубань. Плохая согласованность источников видна и из того, что здесь трижды упомянута Тмутаракань в разных произношениях и каждый раз принята за особый город: Матрика, Матраха, Матлука, и далее указаны расстояния в один день плавания, или 100 миль (197 км). Очевидно, в районе Таматархи — Тмутаракани сходились разные маршруты, плохо согласованные в тексте.

И действительно, после описания пути в Трапезунд в книге Идриси помещен интереснейший дорожник Константинополь — Тмутаракань. Начало его совпадает с путем древних русов, красочно описанным в свое время Константином Багрянородным; это — путь вдоль западного берега Понта. «Чтобы дойти от Константинополя до Матрахи на Северной реке, нужно

¹ Ряд островов в северо-восточном углу Понта указывает и Константин Багрянородный.

² Идриси, стр. 395.

плыть вокруг берега»¹. Далее в тексте указаны многие города, гавани и реки западного побережья, мимо которых плыли корабли, направлявшиеся в Матраку — Тмутаракань.

Если в античное время крайним восточным пунктом морских путешествий был Фасис, «где корабли поворачивают свой бег», то теперь этим поворотным пунктом стала русская Тмутаракань. Двигаясь на север, корабли достигали Варны, доходили до Дуная:

От Дуная до Аклибы 1 день плавания.
от Аклибы до устья Днестра 1 миля,
от устья Днепра (Днестра?) до Херсонеса 1 день плавания, или 80 миль,
от Херсона до Джалиты в земле Команов 30 миль,
от Джалиты до Гарзуни (цветущего города на берегу моря) 12 миль,
от Гарзуни до Бертабити, городка небольшого, но населенного, на берегу моря, 10 миль,
от Бертабити до Лебады, красивого города, 8 миль,
от Лебады до Шалусты морем 10 миль,
от Шалусты до Солдайи морем 20 миль,
от Солдайи до Бутра 20 миль,
от Бутра до устья реки Русов 20 миль,
от этого устья до Матрахи 20 миль.

Матраха — очень древний город. Имя его основателя неизвестно. Он окружен возделанными полями и виноградниками. Его князья известны под названием Олуабас и прославлены благодаря силе, смелости и их воинственности и являются очень грозными для своих соседей. Этот город — очень населенный и цветущий. Здесь есть эмпорий и ярмарка, куда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев. Шесть больших рек сливают свои воды в реку Русию. Истоки их идут из гор Кокая, которые простираются до Моря Мрака, до пределов обитаемой земли. Эти горы идут до области Гога и Магога. Они недоступны по причине холода и постоянного снега. Долины [этих рек] обитаемы народом, называемым Нивария (Сивария), который владеет шестью крепостями, настолько хорошо укрепленными, что [жигели Ниварии] во время своих отступлений знают, что они становятся недоступны [врагу]. Они необычайно воинственны и привыкли никогда не расставаться со своим оружием. Мы вернемся к ним при описании седьмого климата².

Далее Идриси снова возвращается к Черному морю, описывая острова, и приходит к Дунайским гирлам.

Разберем по порядку интереснейшие данные этого дорожника. Первым городом после устья Дуная названа Аклиба, город, расположенный в лимане Днестра, в одной миле от устья. По местоположению это соответствует Белгороду (Аккерману), но Белгород назван при описании Галицкой земли Бармунией, а здесь город Бармуния не упомянут. Не было ли у Белгорода уже в то время второго тюркского названия? Константин Багрянородный пишет, что на правом берегу Днестра «имеются опустевшие города; первый город называется у печенегов Белым, вследствие того, что камни его кажутся белыми»³. В записи Идриси четко читается начальный слог «Ак», обозначающий «Белый». Возможно, что Идриси сохранил нам то печенежское (или половецкое) название Белгорода, которое Константин дал в греческом переводе. Я склонен отождествить Бармунию и Аклибу и считать этот город Белгородом.

Следующий вопрос, возникающий у нас, — был ли автор итинерария в устье Днепра? Во-первых, здесь не указано расстояние от Аклибы до Днепра, во-вторых, в его низовьях не упомянуто Олешье, известное из других разделов текста, а в-третьих, карта свидетельствует о незнакомстве с береговой линией, в частности с Каркинитским заливом. Создается впечатление, что корабли, шедшие в Тмутаракань, не всегда заходили в Днепровское устье, запрятанное в глубине лимана; очевидно, Днепровский путь был настолько наезженным, имел настолько важное самостоятельное значе-

¹ Идриси, стр. 394.

² Там же, стр. 396.

³ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. 1934, стр. 16.

ние, что купцам, плывшим к Керченскому проливу, в этом не было надобности. Местом разветвления днепровского и керченского путей мог быть Белгород с его прекрасной гаванью.

После Херсонеса указан ряд легко определимых крымских городов. На карте между Херсонесом и Джалитой (Ялтой) есть город Малиса, который можно отождествить с мысом Мелас близ Фороса, на южной оконечности Крымского полуострова. В тексте Малиса пропущена. Джалиту — Ялту Идриси назвал половецким городом. «Слово о полку Игореве» определяло границы половецкой земли вплоть до Корсуня. Почему именно Ялта из всего списка выделена как город команов? Очевидно, здесь сказалась близость луговых степей плоскогорья Яйлы, связанных с Ялтой отлогими спусками к морю. Узкая полоса степей тянется от Меласа до Ялты¹.

Рассмотрим другие города: Гарзуни — Гурзуф, «небольшой городок Бертабити» — Партенит, расположенный за Аю-Дагом, Лебада — Ламбат, Шалуста — Алушта, Сольдаи — Судак, Бутар — очевидно, Феодосия. Расстояния между городами указаны неточно. Так, например, от Ялты до Гурзуфа около 12 миль, а у Идриси указано 6 миль; от Гурзуфа до Партенита — 4 мили, а указано 10 миль; от Партенита до Кучук-Ламбата 1 миля, а указано 8. Но если суммировать весь путь от Херсонеса до Матрахи, то получается полное совпадение измерений: по данным Идриси, этот путь равен 150 милям, а по современной карте (если предполагать плавание вдоль берега) — примерно 300 км, т. е. тем же 150 милям.

Из всех городов этого маршрута особенно подробно описана Тмутаракань — Матраха, расположенная на берегу реки Руси, под которой может подразумеваться только Керченский пролив. Как было ясно из предыдущего, берега Тмутаракани омывались Русским морем.

Важное значение Тмутаракани как крупного черноморского торгового порта явствует прямо из текста и из того, что здесь сходились, как в древнем Фасисе, южный и северный пути в глубь Понта.

Загадочным является название правящей в Тмутаракани династии князей — Олуабас. Возможно, что в этом имени мы должны видеть русских Ольговичей, родоначальник которых Олег Святославич княжил в Тмутаракани с 1074 по 1079 г. и с 1083 по 1094 г. Русские летописные известия о Тмутаракани обрываются на 1094 г., когда Олег покинул город ради своей отчины Чернигова, и наши сведения о Тмутаракани в XII в. очень отрывочны.

То, что Идриси говорит о князьях Олуабас во множественном числе, как о династии, представляет большой интерес, так как может указывать на продолжавшуюся и после 1094 г. связь Ольговичей с Тмутараканью. Недаром в 1185 г. именно Ольговичи, северские князья, мечтали о том, чтобы «поискати града Тмутараканя». «Продолжительная война» Тмутаракани с Русией может быть связана с длительным конфликтом между Олегом и хазарами. Восточная часть Крыма носила в средние века название Хазарии, Керчь — Хазарский Самкрц. Возможно, что Идриси знал об отголосках событий 1079—1083 гг.

Информатор Идриси, наблюдательный путешественник, доплывший от Константинополя до Тмутаракани, описавший многие города и удивительно точно измеривший протяжение береговой линии, не ограничился только побережьем. Вслед за Тмутараканью он описал реку Русию, впадавшую, по его мнению, между Матрахой и городом Русией в Черное море. Русия — это Керчь, древний Корчев, носивший, как мы знаем по византийским данным 1169 и 1192 гг., имя Росия. Не подлежит сомнению, что устьем реки Руси путешественники, знавшие лишь побережье Понта, называли Керченский

¹ Карта растительности европейской части СССР. М.—Л., 1950; Карта Южного Крыма. Л., 1936.

пролив. Идриси получил свои сведения не от местного жителя, который разумеется, знал бы о существовании Азовского моря, а от заезжего купца приехавшего в богатую торговую Матраку. Представления Идриси о верховьях реки Руси раздваивались: трапезундский путешественник сообщает о городе Матрике, расположенном на реке Сакир, а константинопольский — о Матрахе на реке Руси. В описании трапезундского маршрута нашли отражение оба представления. Река Сакир, упомянутая в маршруте и изображенная на карте, — по всей вероятности, тот «рукав моря Найтас», о котором писал Масуди в X в.: «В верховьях Хазарской реки есть устье (приток), соединяющееся с рукавом моря Найтас, которое есть Русское море; никто, кроме русов, не плавает по нем, и они живут на одном из его берегов»¹. На Нижнем Дону находился сильный хазарский гарнизон. В Тмутаракани всегда знали о том, что оттуда можно проплыть Доном и через Переволоку попасть в Волгу. Дон был важен только в качестве пути, подводящего к Волге, которая в районе Переволоки ответвляет от себя Ахтубу, а в представлении древних путешественников ответвлением Волги — Атилы являлся и Дон. Безлюдное течение Дона выше волго-донской переправы (станция Качалинская — Дубовка) не интересовало ни географов X в., ни Идриси.

Трудно объяснить название реки «Сакир» — «Сагину». Нужно предполагать или какое-то искажение слова Танаис — Танаид, или производное от Саркела (река Саркела?).

Реки Сакир и Русия имеют общее «устье», на западном берегу которого стоит город Русия, а на восточном — Матарха. Но Сакир течет на северо-восток к излучине Волги, а Русия — на север, с уклоном к ССЗ, в страну крепостей — Ниварию. По своему положению р. Русия совершенно совпадает с Северским Донцом.

Северский Донец вытекает со Среднерусской возвышенности; его настоящее полноводное течение начинается лишь тогда, когда он принимает в себя воды рек Уды, Лопань, Харьков, Мож, Оскол с Валуем. Из слияния этих рек и образуется Донец, называвшийся в эпоху «Слова о полку Игореве» «Великим Доном». Здесь, в верховьях Донца и Уд, начиналась Русская земля, стоял русский город Донец; где-то здесь находился русско-половецкий город Шарукань.

Если мы взглянем на конфигурацию р. Руси на карте 1154 г. (рис. 8), то заметим необычайное сходство с Северским Донцом, так же как выше мы могли отметить большую точность изображения на карте Днепра и Припятских болот. Но как р. Днабр не является Днепром в нашем современном смысле слова, а воскрешает древний Борисфен, так и р. Русия соответствует не современному Донцу, а «Великому Дону» XII в., впадавшему в море и в свою очередь, возможно, восходившему к древнему Танаису. Донец в низовьях шире Дона, и поэтому даже с чисто географической точки зрения логично рассматривать Северский Донец как основную реку, а Дон — в качестве притока. К сожалению, античные авторы не дают бесспорных указаний на то, как понимался ими Танаис.

Впрочем и в древней Руси не было единого мнения насчет Дона и Донца. Главное препятствие против признания реки Руси Донцом заключается в том, что она впадает в море, а Донец впадает в Дон. Но это препятствие устраняется наличием в древней Руси представлений о реке «Великий Дон», являющейся сочетанием Донца с нижним Доном вплоть до его устья.

О реке Руси Идриси, очевидно, получил сведения из двух разных источников: автор одного из них знал только устье реки, не зная об Азовском море, а другому хорошо был известен весь верхний бассейн Донца и

¹ Гаркави. Сказания..., стр. 130—131.

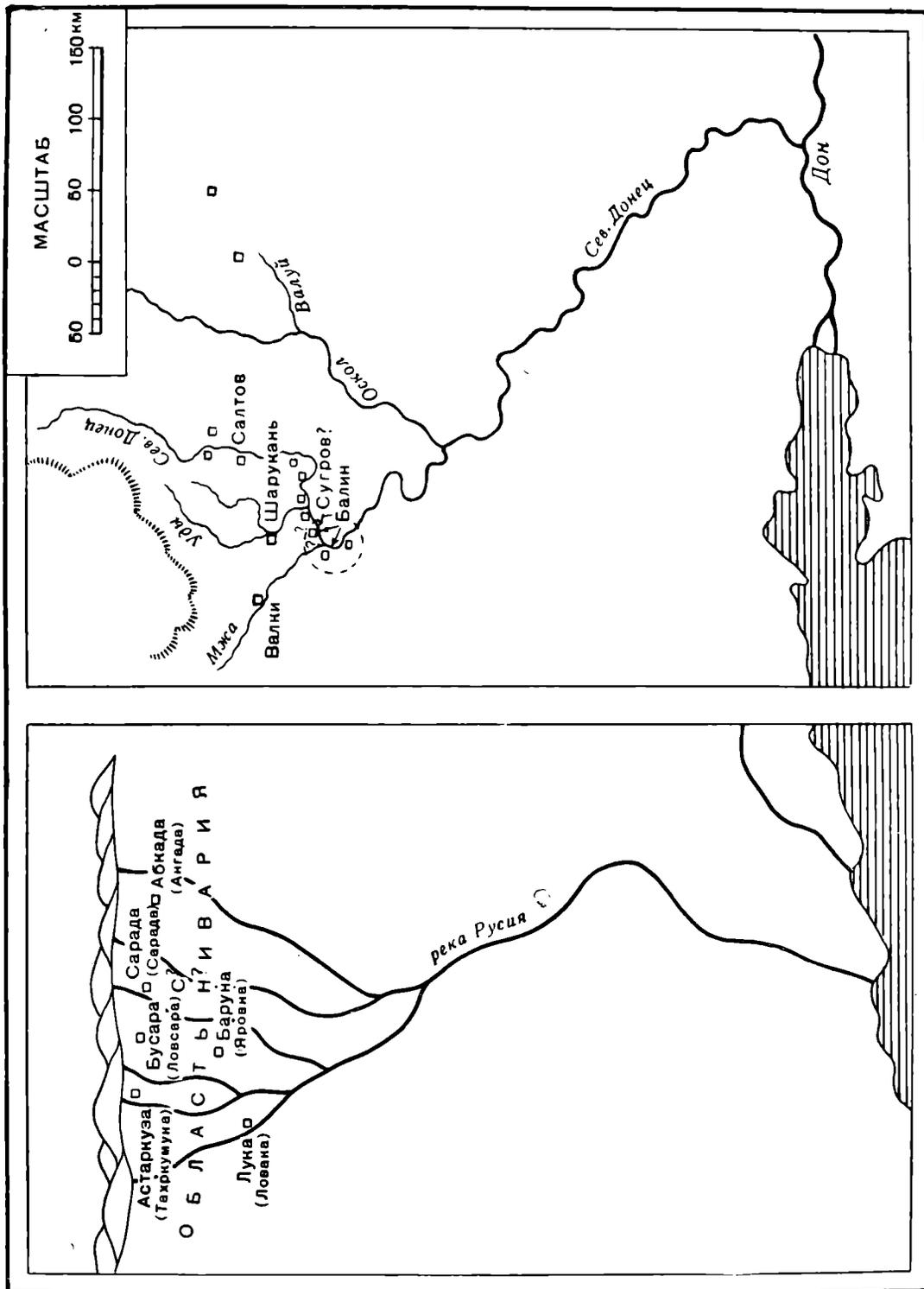

Рис. 8. Река Русия на карте Идриси (слева) и Северский Донец на современной карте (справа).
 На карту Северского Донца нанесены городища VIII—XII вв.

общее направление его течения. Названия шести крепостей в тексте не приведены; они есть только на карте. В верховьях реки Руси находится страна (народ) Нивария. К. Миллер считает ее полумифической или совсем мифической и помещает в мордовских лесах, отождествляя шесть крепостей с такими городами, как Лукоянов, Саранск, Темников, Инсар, Ардатов, а самую страну считает видоизменением наименования Пензы; Беназия — Нивария¹.

Подобное приурочение не выдерживает критики ни с географической, ни с исторической точек зрения. Если область Нивария находилась в бассейне Суры, то почему о ней говорится одновременно с Тмутараканью? Разве играли сколько-нибудь значительную роль в XI—XII вв. примитивные мордовские лесные поселки Среднего Поволжья?

Мы будем значительно ближе к исторической действительности, если обратим внимание на мощные городища с белокаменными стенами — остатки городов эпохи салтово-маяцкой культуры IX в. Основная область их размещения — верховья Северского Донца и его притоков Уд, Можя, Оскола. Два городища известны на Тихой Сосне. Эти величественные крепости, часть которых просуществовала до XII в., впоследствии обратили на себя внимание составителей «Большого чертежа», описавших из всех древних городищ именно эти. Некоторые из них, как, например, Салтов, послужили основой новых городов, поставленных на старых каменных стенах в 1660-х годах.

Размещение городов на карте 1154 г. и группировка их в верховьях рек соответствуют действительной топографии каменных крепостей салтово-маяцкого типа: три города связаны со средним протоком (в котором можно видеть Донец), два — с западными (Уды, Мож), а один расположен на крайнем восточном притоке. Большинство каменных городищ группируется вокруг Донца (Нежеголь, Салтов, Гомольша, Мохнач), часть на правых притоках (Кабаново, Донец) и далеко на отлете, на восток от основной области, уже за Осколом, на Тихой Сосне — городища Ольшанское и Маяцкое. Крепости в земле Ниварии названы с запада на восток на карте Идриси так:

По Лелевелю

1. Ловака
2. Тахркумука
3. Яровна
4. Ловсара
5. Сарада
6. Ангада.

По Миллеру

- Лука
- Астаркуза
- Баруна
- Бусара
- Сарада
- Абкада

Транскрибированные арабские наименования городов выглядят различно в передаче Лелевеля и Миллера. Лишь одно название не вызвало разногласий — это город Сарада на главной, стержневой реке, которую мы отождествили с Северским Донцом. В его верховьях, выше основных притоков (так и на карте 1154 г.), расположен город Салтов, возникший в VIII в. и являвшийся в VIII—IX вв. центром так называемой салтовской культуры. Здесь была мощная белокаменная крепость. В середине XVII в. на запустелом городище еще сохранялись каменные стены высотой в сажень. На этой древней основе были поставлены в 1660 г. дубовые стены русского города; в нем было 5 башен глухих и 2 проезжих, с воротами. Рядом с Салтовым в VIII—IX вв. существовало огромное многотысячное дружинное кладбище, где в глубоких подземных камерах было похоронено много воинов и князей с разнообразным оружием и пышным убранством коней; мужские погребения сопровождалась женскими, причём многие хоронились в богатых одеждах.

¹ К. Миллер. Указ. соч., стр. 153.

Мне кажется, что мы имеем все основания отождествить: Сарада — Салтов.

Географически это подтверждается сопоставлением реки Руси Идриси с Северским Донцом. Город Сарада размещен на р. Руси там же, где на Донце, при сличении карт, мы находим Салтов (рис. 8).

Лингвистически сближение Сарада — Салтов вполне оправдано; основное различие здесь в буквах «р» и «л», которые, как известно, очень часто взаимно заменяют друг друга в одном и том же языке. Приведу в качестве примера записанные двумя авторами названия одних и тех же половецких племен:

По Ан-Нувейри
Бурды
Карабароглы

по Ибн-Халдуну
Эл-Були
Калабаалы¹

Исторически вполне закономерно, что существование каменных крепостей, частично заселенных и в XII в. (например, Шарукань), должно было отразиться в рассказах путешественников, пересекавших бассейн Донца. По всей вероятности, во времена Мономаха и Юрия Долгорукого в этих местах возвышались белокаменные стены крепостей и была жива память о воинственном народе, их построившем. В 1116 г., когда Ярополк Владимирович воевал на Донце, в окрестностях Сугрова, Шаруканя и Балина, он полонил «жену красну вельми, ясьского князя дщерь»².

Слава о воинственности русского населения этого юго-восточного угла Руси в XII в. дошла до нас при посредстве «Слова о полку Игореве»:

А мои ти куряни свѣдоми кѣмети:
Подъ трубами повити,
Подъ шеломи възлѣлѣяни.
Конецъ копия възкрѣмлени;
Пути имь вѣдоми,
Яругы имь знаеми;
Луци у нихъ напряжени,
Тули отворени,
Сабли изъострени;
Сами скачуть, акы сѣры вльци въ полѣ.
Ищучи себе чти, а князю славѣ,

Верховья Северского Донца с городом Донцом и Салтовом были заселены в XII в. русскими и относились, по всей вероятности, к Курскому уделу Северского княжества, так как Всеволод Святославич в 1185 г. собирал «воев» и по Осколу. Приведенная выше поэтическая характеристика курян вполне соответствует тем сведениям, которые собрали о жителях этой страны информаторы Идриси: «Они необычайно воинственны и привыкли никогда не расставаться со своим оружием». Народ «Нивария (Сивария)» — почти несомненно племя «Севера» русской летописи, по имени которого и Донец получил имя Северского. Отождествление города Сарада с Салтовским городищем несколько не противоречит тому, что область Ниварии следует сближать с Севером, так как археологические памятники северян вплотную подходили к городищам салтовской культуры и вся эта область, как Северянская, так и Салтовская (Ясская), носила общее название Северской земли, Северской Украины.

В тексте и на карте Идриси страна шести крепостей названа Ниварией, но мы должны учесть особенности арабской графики, различающей звуки «н» и «с» (th) только по количеству диакритических точек: н = i, с = i.

¹ В. Г. Изенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, 1884, стр. 540—541.

² Ипатьевская летопись, 1116 г.

Поэтому вполне закономерно предположить, что в оригинале, вместо Ниварии, могло быть написано Сивария.

Эти же графические особенности много раз запутывали прочтение русских названий в арабских и персидских текстах. Так, например, русский корень дън, входящий в название Дона, Донца, Днестра, Днестра и Дуная, передавался в арабской графике так, что зачастую транскрибировался словом Рута или Руса¹.

Загадочное название реки Руси на карте 1154 г. мы можем понять, исходя из изложенного выше: «Дон» (современный Северный Донец) вытекает из русских областей; на берегу Керченского пролива, который рассматривался как устье реки «Дон», находится город Русия (Керчь в XII в.); начертания «Дон» и «Русия» в арабской графике очень близки между собой. Очевидно, по этим причинам Идриси и выбрал форму «Русия». Река «Русия» вытекает из гор Кукайа, под которыми нужно понимать Среднерусскую возвышенность, откуда берут начало все притоки Донца.

В «Книге большому чертежу» мы знаем в верховьях Оскола «Кужолов лес». Выйдя из области Сиварии, река делает поворот, изгибаясь в восточном направлении. Вот здесь-то, в среднем и нижнем течении Северского Донца, и помещена на карте 1154 г. надпись «Кумания Внешняя». На современной карте она должна быть около Изюма и Сухого Торца, что вполне соответствует реальным половецким кочевьям в степях у р. Тора.

Итак, изображенная на карте Идриси р. Русия, с ее шестью истоками, с крепостями на них, с областью Ниварией (Сиварией) в верховьях и Куманией в среднем течении, может быть отождествлена с Северским Донцом, Нивария — с Северской землей, а одна из крепостей — со знаменитым Салтовским городищем. Труднее связать с определенными пунктами остальные пять городов области Ниварии. Исходя из их размещения, самый западный, на западном притоке Руси, город Лука (Ловака) следует искать скорее всего в бассейне реки Можы. В ее верховьях есть город Валки, близ которого несколько городищ. Предположительно Валки можно связать с Ловакой (Лукой).

Крайний восточный пункт — Абкада не поддается отождествлению. Искать его нужно где-то западнее Оскола.

Три города, расположенные восточнее Ловаки и западнее Сарады, вдоль среднего протока реки и на правых ее притоках, должны привлечь особое внимание, хотя, кроме рабочей гипотезы, ничего предложить нельзя. Это: Тахркумука (Астаркуза), Яровна (Баруна), Ловсара (Бусара).

Во время похода в верховья Северского Донца в 1111 г. Владимир Мономах овладел городами Шаруканем и Сугровым, отстоящими друг от друга меньше чем на один день пути. В 1116 г. сын его Ярополк взял в этих же местах три города: Шарукань (вариант: Торукань), Балин, Сугров².

Город Шарукань можно отождествить с Донецким (или Хорошевским?) городищем IX—XII вв. на притоке Донца Удах³. Сугров должен находиться поблизости от Шаруканя, восточнее его, в направлении к Северскому Донцу или на самом Донце; в 1111 г. русские войска, переночевав со вторника на среду в Шарукане, «завтра, в среду, поидоша к Сугрову и пришедше зажгоша и»⁴. Следовательно, Сугров отстоял от Шаруканя

¹ Худуд-ал-Алем. Изд. В. В. Бартольда; V. Minor sky. Hudud-ā'-Alam London. 1938.

² Ипатьевская летопись, 1116 г.

³ В. Е. Данилевич. Донецкое и Хорошевское городища. Сб. Ист.-филол. о-ва, т. 13. Харьков, 1902. В. А. Городцов. Донецкое городище. Труды XII археолог. съезда, т. I, М., 1905.

⁴ Ипатьевская летопись, 1111 г.

не более чем на один переход, так как в среду успели до него дойти и взять его.

Думаю, что половецкий Сугров нужно отождествлять или с Кабановым (Кабаковым) городищем близ устья Уд, или с Мохначевским на Донце. Расстояние от Хорошева до каждого из этих городищ около 30 км, что меньше дневного перехода XII в.

Для определения летописного города Балина у нас нет, к сожалению, никаких данных.

Предположительно можно сделать следующие сопоставления:

Идриси		Летопись	
Тахркумука (Астаркуза)	Город на правом притоке Русии На запад от Сарады На север от Ловаки	Шарукань (Торукань)	Город на правом притоке Донца — «Дона» На запад от Салтова На северо-восток от Вал- ков
Бусара	Город, соседний с Тахр- кумукой, восточнее ее на р. Русии Западнее Сарады	Сугров	Город на «Дону» в одном переходе от Шаруканя, восточнее его (юго-за- паднее Салтова)
Баруна	Город южнее Бусары на р. Русии	Балин	Город на «Дону» близ Шаруканя и Сугрова*

* В русской топонимике мы наблюдаем сибилантное произношение, тогда как у Идриси — спирантное: Салтов — Сарада, Балин — Баруна. Иногда в тексте Идриси оба варианта произношения: Матлука — Матрика.

Подробное описание верховьев р. Русии, присоединенное к Тмутараканскому дорожнику, может свидетельствовать или о пути, связывавшем Тмутаракань с верховьями Донца, или же о том, что какой-то другой путь пересекал верховья Северского Донца. О пути по Донцу, ведущем еще в VIII—IX вв. из Руси в Хазарию, писал П. Г. Любомиров, проследивший его по нумизматическим данным¹.

О втором пути, проходившем через верховья Северского Донца, косвенно говорит сам Идриси, заканчивая свое описание области Ниварии словами: «мы вернемся к ним при описании седьмого климата»². К сожалению, географ не исполнил своего обещания, в описании седьмого климата нет области Ниварии. Возможно, что до нас дошел дефектный текст, ведь на карте есть названия городов, отсутствующие в описании шестого климата. Очевидно, названия городов попали на карту из не дошедшего до нас повторного описания верховьев Северского Донца в связи с каким-то другим маршрутом. Таким маршрутом мог быть старый путь, связывавший Киев с Болгаром на Волге.

Река Волга — Атиль (рис. 9) была хорошо известна восточным географам задолго до Идриси, и сицилианский ученый вполне удовлетворился сведениями, которые он нашел у Ибн-Хаукаля и Джейхани. У него нет

¹ П. Г. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Уч. зап. Саратов. ун-та, слав.-истор. отд. педагог. фак.», 1923, т. I, вып. 3.

² Идриси, стр. 396.

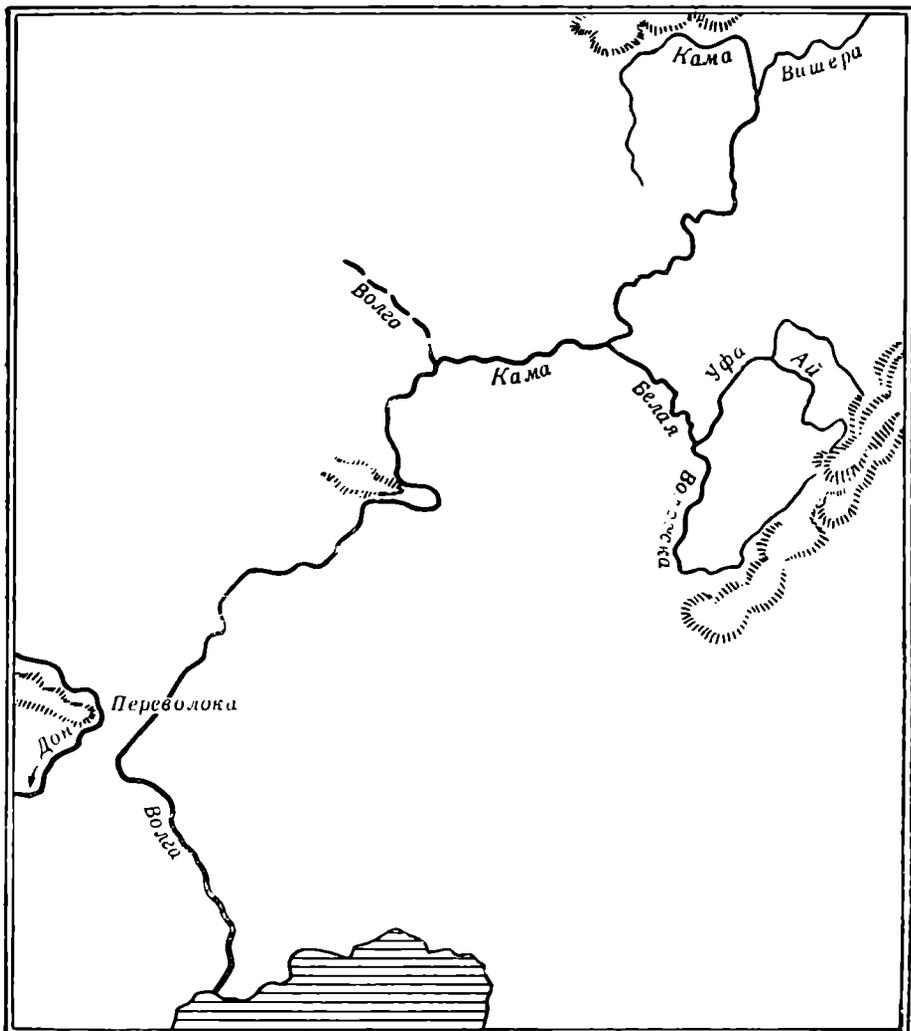
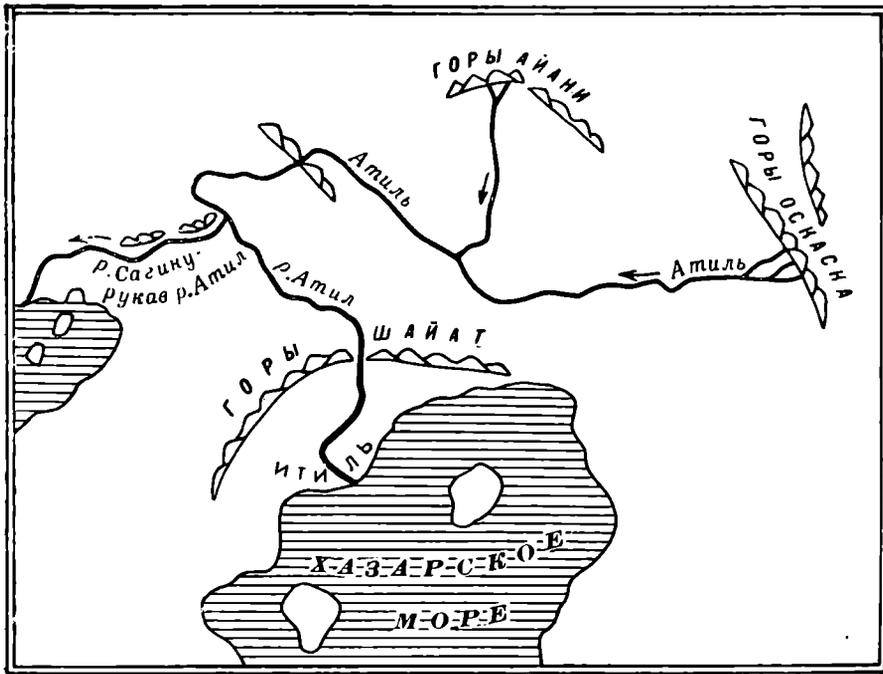

Рис. 9. Река Атиль на карте Идриси (сверху) и соответствие ей на современной карте (Белая Воложка — Кама — Волга)

никаких дополнений к сведениям этих авторов. Но карта Идриси дает точное представление о том, какую речную систему объединяли под именем реки Атиль, и объясняет многие непонятные, на первый взгляд, места в восточных географических сочинениях. Так, например, у Ал-Истахри начало реки описывается следующим образом: «Что же касается реки Итиль, то она вытекает вблизи Хархиза (Киргиз), течет между Каймакией и Гузией; затем она выходит к западу по верхнему Булгару»¹. Верхнее течение реки Атиль очень далеко от наших представлений о Волге. На карте Идриси река Атиль точно обозначена четырьмя надписями в разных разделах ее течения. Вытекает она тремя истоками из гор «Оскаска» и течет на запад.

Для выяснения вопроса о том, какую реку мы должны отождествить с верховьями реки Атиль, следует обратиться к русским летописям, в которых река Белая названа «Белой Воложкой»².

Три истока р. Атиль — это, очевидно, реки Белая, Уфа и Ай, вытекающие из Южного Урала. Правый приток р. Атиль, изображенный на карте Идриси между ее истоками и поворотом на юг, — почти несомненно Кама в ее верхнем течении. От Елабуги до устья она входила в понятие реки Атиль, и лишь после Камского устья древняя Атиль совпадала с нашей Волгой.

Карта Идриси яснее, чем схематические чертежи его предшественников, обрисовала р. Итиль.

Особенно интересны приведенные в тексте Идриси расчеты водных и береговых путей, взятые им, по всей вероятности, из книги Джейхани (900 г.), имевшейся в его библиотеке³ (рис. 10). Эти расчеты были известны по сокращенному персидскому переводу, сделанному в X в. в Бухаре с труда самого Джейхани или кого-либо из его подражателей (Аль-Балхи, Ал-Истахри или Ибн-Хаукаль). Приведу этот текст:

«Расстояния. От Абезгуна до Хазарии правой стороной 300 фарсангов; от Абезгуна левой стороной до Хазарии тоже 300 фарсангов, так что кругом всего моря 600 фарсангов.

От Атиля до Семендера 8 дней пути.

От Атиля до начала земли Буртасов 15 дней пути.

От Буртасов до гор 4 дня пути.

От Атиля до гор месяц пути.

От Атиля до Булгара дорогою через степи один месяц пути, водою — два месяца пути.

От Булгара до границы государства Рум 10 остановок.

От Булгара до Кузабе (Куябе) 20 остановок.

От Гор до Внутренних Башхирт 10 дней.

От Внутренних Башхирт до Булгар 25 дней»⁴.

Текст Идриси дает ряд очень важных уточнений. Очевидно, в его руках был более надежный источник, чем у бухарского переводчика.

¹ Гаркави. Указ. соч., стр. 192—193. Карта, составленная Ал-Истахри, дает конфигурацию реки Итиль, сходную с тем, что есть на карте Идриси.

² В 1468 г. русские воеводы завоевали казанские земли и в том числе Белую Воложку, географическое положение которой определяется тем, что она, во-первых, приток Камы, во-вторых, выше устья Вятки и ниже Перми, а в-третьих, находится между Вотяцкой землей и Башкирской (ПСРЛ, т. VIII, стр. 153 и 156; т. XII, стр. 119 и 122).

Всем этим условиям удовлетворяет современная р. Белая. Еще точнее положение Белой Воложки определено в «Книге большому чертежу»: «А на Белой Воложке город Уфа... А река Белая Воложка вытекла от реки Юрюк — Сакмара, от Аральтовыя горы (Урал-тау) от реки Яика» («Книга большому чертежу». Под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 138).

³ Идриси, стр. 403.

⁴ Doignon. Auszüge aus vierzehn Morgenländischen Schriftstellen. «Bull. Acad.», т. XIX. СПб., 1874, стр. 296.

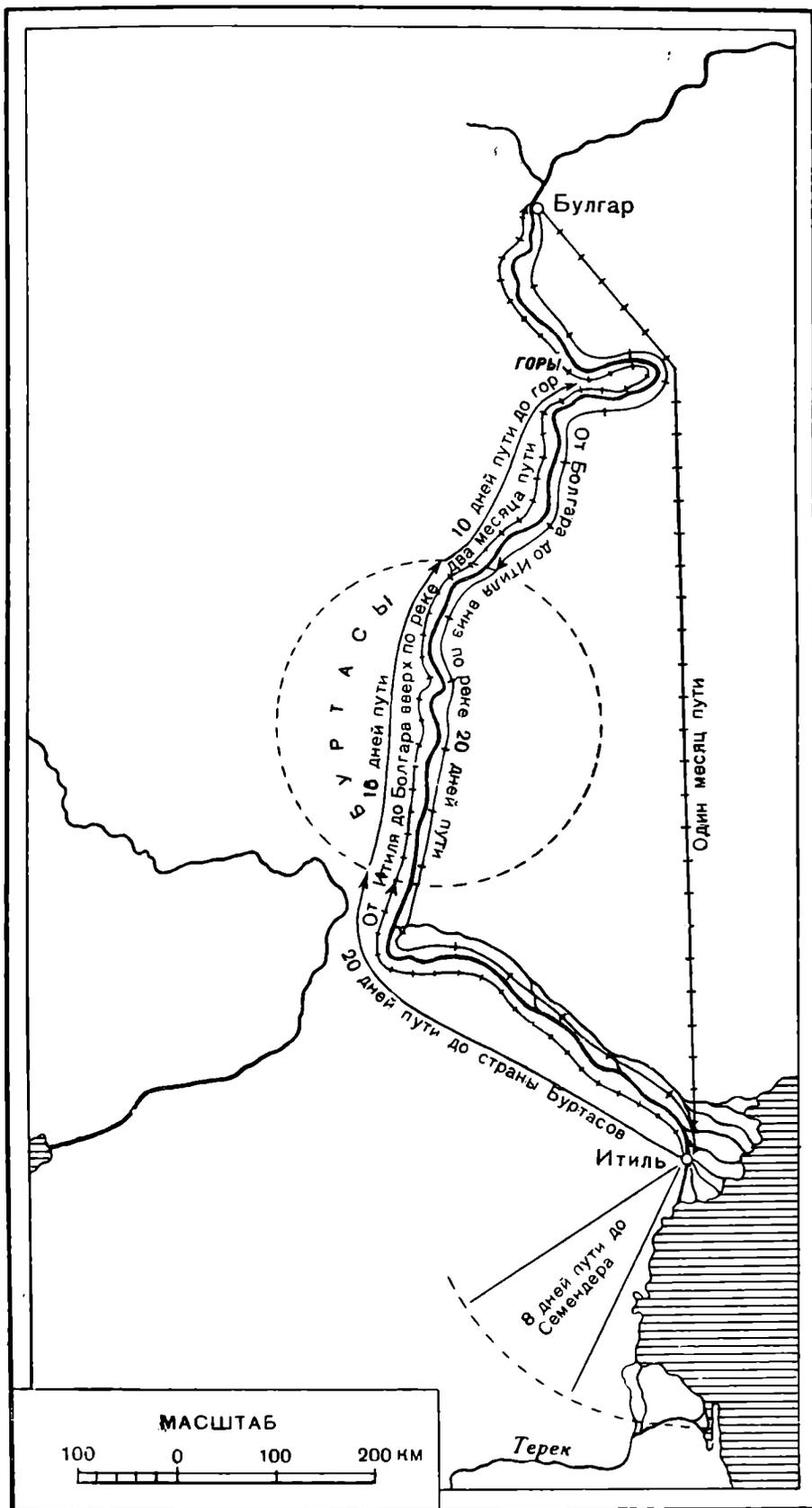

Рис. 10. Поволжские маршруты IX—X вв. по карте Идриси. Один день пути по степи — около 35 км; один день пути вверх по реке — около 25 км; один день пути вниз по реке — около 75 км

Приведу разночтения, отличающие текст Идриси.

1. От Атиля до Буртасов 20 дней пути [а не 15].
2. Страна Буртасов — 15 дней пути [этого нет в персидском переводе].
3. От Буртасов до Печенегов считают 10 дней пути [а не 4].
4. От Атиля до Булгара по степи около 1 месяца пути, по воде 2 месяца пути, по течению около 20 дней пути [последняя фраза отсутствует в персидском переводе].
5. Расстояние в 10 остановок указано не до границы Рума (Византии), а до Руси.
6. Вместо Куябы у Идриси написано Кокьяна.
7. Слово «горы», имеющееся в рукописи, изданной Дорном, заменено у Идриси именем Печенегов.
8. Расстояние от Печенегов до Башкир исчислено не в 10 дней пути, а в 10 остановок¹.

Перенесем точные указания Идриси на современную карту. Легче всего это сделать для водного пути по Волге от Итиля до Болгара. Приняв условно за Итиль современную Астрахань, мы получим: один день пути вверх по Волге равен 25 км, один день пути вниз по Волге равен 75 км. Сложнее обстоит дело со степным путем Итиль — Болгар, так как мы не знаем, как далеко он отстоял от Волги и насколько сокращал расстояние. Впрочем, расхождения здесь незначительны. Кратчайший путь Астрахань — устье Самары — Болгар равен 1000 км, что дает 35 км в один день пути. Путь, лежащий ближе к Волге, равен 1200 км, и тогда один день пути будет равен 40 км. Следовательно, один дневной переход в условиях приволжских степей не мог быть меньше 35 км и едва ли превышал 40 км. Проверка этих данных на упомянутых выше примерах подтверждает правильность моего расчета².

В сведениях Джейхани — Идриси особенно интересен путь от Болгара до Киева, являющийся частью магистрального трансевропейского средневекового пути. Важен, во-первых, самый факт существования такого пути, во-вторых, известность его среднеазиатским географам и, в-третьих, его протяженность, исчисленная в особых путевых мерах — «остановках».

Исследователи, приравнивавшие «остановку» (в переводе Жобера — station) к одному дню пути («journée»), совершали ошибку, а совершив ее, упрекали древних географов в недобросовестном указании расстояний³.

Расстояние от Киева до Болгара по прямой линии равно 1360 км, что уже исключает возможность приравнивания «остановки» к «дню». Если бы Джейхани и его последователи подразумевали одну и ту же величину, то непонятно, почему они употребили различные термины.

¹ Идриси, стр. 403.

² Расстояния до земли Буртасов указаны, очевидно, в водных днях пути против течения, так как счет идет от Итиля вверх. За двадцать дней плавания вверх по Волге путешественник IX—X вв. достигал примерно района современной Дубовки (выше Сталинграда). Здесь кончались важные стратегические узлы «переволоки», находившиеся в руках Хазарии, и действительно могла начинаться новая земля, земля Буртасов. Протяжение Буртасии на 15 дней пути (по Волге) дает примерно район Увека или устья реки Мечетки. Ровно через десять дневных переходов от северного рубежа Буртасии путешественник оказывался у Жигулевских гор, в которых, очевидно, следует видеть горы Печенегов (Баджнук). В результате получается следующее: Итиль — Буртасия — 20 дней по 25 км = 500 км; Буртасия (от Дубовки до Мечетной) 15 дней = 375 км; Буртасия — «Горы», или «Печенеги», — 10 дней. Всего 45 дней. Эта цифра подтверждает правильность того, что выбраны именно дни плавания вверх по Волге. 45 дней такого плавания — это три четверти пути от Итиля до Болгара. Но, с другой стороны, в тексте Идриси сказано: «от Итиля до Печенегов — один месяц пути». Кажущееся противоречие устраняется, если мы примем сухопутную дорогу вдоль Волги; тогда действительно путь от Итиля до Жигулей потребует почти целого месяца пути. Этот же сухопутный расчет применен, очевидно, и к расстоянию до Семендера. Если мы проведем циркулем дугу (из Итиля, как из центра) радиусом в 8 дневных переходов по 35 км, то эта дуга пересечет дельту Терека, где и предполагают древний Семендер.

³ Павло Смирнов. Вользкий шлях і стародавни Руси. Київ, 1928, стр. 198. День пути — арабское «мархала», остановка — арабское «мензель».

Нам нужно разобрать здесь три вопроса: 1) наиболее вероятный вариант пути Киев — Болгар, 2) расстояние от одной «остановки» до другой и 3) загадочный рубеж страны Рум, или Рус, лежащий как бы на полпути между Болгаром и Киевом.

Судя по тому, что весь путь исчислен в одинаковых мерах, следует думать, что он был весь сухопутным. Кратчайший путь из Киева в Болгар мог идти следующим образом: Киев — водораздел Сейма и Сулы — верховья Северского Донца — Дон (между Воронежем и устьем Тихой Сосны) — верховья Цны и Хопра — водораздел Мокши и Суры — Болгар.

Указанный маршрут выбран не произвольно, а с учетом особенностей средневековых сухопутных дорог (тяготение к водоразделам) и географических условий местности. Весь путь лежит в лесостепной зоне, не выходя нигде в открытую степь и огибая значительные лесные массивы. Из крупных рек на этом маршруте нужно было переправляться только через Дон и Суру, все остальные реки пересекались маршрутом в самых верховьях. Путь был сравнительно безопасен, так как был закрыт со стороны степи рядом лесных полос, расположенных к югу от него. Протяжение этого пути, учитывая неизбежные зигзаги, можно исчислить в 1700 км¹.

Двадцать «остановок» на протяжении 1700 км дают расстояние в 85 км между двумя остановками. Это, разумеется, не дневной переход купеческого каравана в условиях длительного маршрута по лесостепи. Расстояние в 85 км приблизительно соответствует двум с половиной дням пути, исчисленным на основании данных этого же источника о пути из Итиля в Болгар.

Что же это за «остановка»?

Разгадка этого способа измерения пути окажется очень простой, если обратиться к истории войсковых маршей. В XVIII и XIX вв., когда общая длительность пути исчислялась неделями, марш совершался следующим образом:

два дня марша, дневка отдых;
три дня марша, дневка;
два дня марша, дневка;
три дня марша, дневка и т. д.

В среднем одна дневка приходилась на два с половиной дня пути. Если принять, что один день сухопутного движения покрывал 35 км, то мера длины — «остановка» должна быть равной 87 км, что удивительно точно соответствует величине «остановки» на пути от Болгара до Кокияны — Куявы. Частые остановки каравана неудивительны, так как путь был очень длителен; купцы шли не налегке, а «с бремены тяжести». Расстояние от Киева до Болгара проходило примерно за 50 ходовых дней. Прибавив к этому 20 дней отдыха в пути, получаем 70 дней, необходимых для путешествия, маршрут которого пересекал почти всю Восточную Европу. Если согласиться с изложенным выше маршрутом пути из Киева в Болгар, то можно предположительно истолковать ту часть карты Идриси, которая расположена восточнее Донца. Здесь, в соседстве с землей Печенегов, изображены озера, горы, реки и города, которые в тексте обобщены как находящиеся в современной части Кумании².

¹ Другие варианты пути менее вероятны. Можно предположить, что путешественники шли от Дона к Увекской переправе и далее уже следовали степным левым берегом Волги, по северному отрезку пути из Итиля в Болгар. Этот путь был очень опасен из-за далекого выдвижения в степь. Можно допустить, что из Болгара в Киев попадали, идя сначала вверх по Волге и по Оке, а затем от Старой Рязани сухопутьем через верховья Оки на Сейм и Киев. Этот окольный путь мог использоваться случайно, когда не ставили себе целью попасть в Киев. Против такого комбинированного водно-степного пути говорит и исчисление всего расстояния в одних мерах сухопутного движения — в «остановках» (station). Возможно, что отрезок пути от Киева до Дона проходил через район летописного города Донда.

² Идриси, стр. 435.

Таковы озеро Ганун со впадающей в него рекой Ш-рви (Шалви) и пятью безымянными реками, город Табуни и озеро Сарил. К. Миллер отнес это все к далекому северу. Озеро Ганун отождествлено им с Онежским, близ которого на схеме Миллера расположена «Кумания Внешняя». Будем держаться ближе к источнику, и если в тексте сказано о Кумании, а на карте близ этого озера помещены печенеги, то попытаемся и искать его где-то на юге, близ печенежско-половецких степей, не выходя за пределы лесостепи.

Точное измерение пути Киев — Болгар свидетельствует о его наезженности, изученности. Географические сведения о пространстве между Донцом и Волгой могли быть получены именно от купцов, ходивших по этому 70-дневному пути. Позволю себе сопоставить топонимику карты Идриси с топонимикой, встречаемой на предполагаемом маршруте Киев — Болгар, который пересекал две крупные полноводные реки — Дон и Суру; на этом участке карты есть два озера — Ганун и Сарил. Не являются ли они своеобразной передачей переправ через реки? Город Табуни напоминает Тамбов, где известен древний могильник VIII—X вв. и мимо которого должен был следовать путь к Болгару. Река Шерва, текущая с востока на запад, не является ли Хопром, один из притоков которого в верховьях (т. е. там, где и проходил маршрут) называется Шербедин?

Надпись на карте «Печенеги» как будто бы указывает на то, что все эти географические подробности должны находиться в сравнительной близости от Печенежских (Жигулевских) гор, что и есть в действительности. Эти области описаны в тексте как лесистые, изобилующие бобрами и рыбой, что вполне подходит к мордовским лесам севернее «Печенежских» гор, где путь пролегал по степным прогалинам близ Пензы, Саранска и Парамзина городища.

Нельзя настаивать именно на этом варианте расшифровки 6-го раздела VII климата карты Идриси, но мне хотелось лишь указать на возможность сопоставления этой части карты с маршрутом Киев — Болгар.

Свидетельство Идриси, что от Болгара до границ Руси десять остановок, вполне соответствует предложенному выше варианту пути — середина его приходится на левый берег Дона, где начинались русские земли, где известны русские археологические памятники IX—X вв.¹ Исследователи, опирающиеся на тексты других авторов, у которых вместо Руси стоит Рум, совершают ошибку. От Волжской Болгарии не может быть десяти остановок до Византии, даже если под словом Рум подразумевать византийский Херсонес в Крыму. До границы же Руси было действительно десять остановок, т. е. 850 км.

* * *

Ряд маршрутов, описанных в тексте Идриси, связан с Приднепровьем. Подвергнем анализу список городов с указанием расстояний между ними.

Список помещен в тексте, после того, как описаны последовательно Крым, Тмутаракань, острова Черного моря, низовья Дуная. В начале параграфа о русских городах идет общий список без определения их взаимной связи, а затем — с указанием путей.

Русские города: Лонза, Зала, Секлахи, Галисия, Синоболи — большой город на западном берегу Днепра, Бармонза — красивый город на берегу Днепра, Армен, Нарасаноа, Луджага, Саска, Авсия, Кав, Беризула, Беризлав, Кано, Тивер, Алеска, Молса.

От Бармонзы до Синоболи 6 дней пути,
от Бармонзы на Днепре до Кава на той же реке 6 дней,

¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, т. 8.

от Кава до Беризулы (город на север от реки) 50 миль,
от Беризулы до Авсии (маленького, но населенного города) сухопутьем 2 дня,
от Авсии до Барасансы сухопутьем 2 дня,
от Барасансы до Луджаги к северу 2 дня,
от Луджаги до Армен к западу 3 дня небыстрого пути,
от Армена по направлению к востоку до Барасансы 4 дня,
от Барасансы до Молса на устье Днепра 5 дней,
от Алеска, красивого города в устье Днепра, до города Кано считают 4 дня,
от Беризулы, который уже упоминался, вниз по течению реки до Берицлава 1 день,
от Берицлава вниз по течению до Кано 1½ дня,
от Кава до Нан, команского города, 6 дней¹.

В шестом разделе текста, после вторичного описания Тмутаракани и города Руси упомянуты города в Комании:

Кирах,
Нарус,

Нуши в 50 милях к северу от Белой Кумани, окружен орошаемыми пашнями, Киниов — большой город у подножья высокой горы,
от Нуши до Киниова в северо-восточном направлении 4 дня пути, или 100 миль,
от Нуши до Наруса, маленького торгового города к северо-западу, 100 миль,
от Наруса на восток до Славы 135 миль,
от Наруса до Кираха (Фираха) к западу 50 миль,
от Кираха до Наи к западу 25 миль,
от Славы до Кокианаха, близкого к Болгарам, 8 дней, Кокианах обитает тюрками, известными под названием Руса².

Далее в тексте идет описание трех племен русов: «Одно из них называется Беравы, их царь живет в Кокианахе; другое племя Славия, царь живет в городе на горе; третье племя Артания, царь живет в городе Артан. Это — красивый город, построенный на крутой горе между Славией и Кокианахом в четырех днях пути от того и от другого. Мусульманские купцы ездят в Кокианах. Как говорит Ибн-Хаукаль, артанцы убивают чужеземцев»³.

Во всех этих списках и маршрутах очень мало городов, которые можно распознать сразу, без дополнительных расчетов. Таковы города:

Кав — Киев.

Кокианах — тоже Киев (в рассказе о трех племенах и в описании пути из Булгара).
Берицлав — Переяславль Русский.

Кано — Канев.

Алеска — Олешье.

Галисия — Галич.

Города, упомянутые в первом списке, без указания на соседние с ними пункты, едва ли стоит разыскивать на карте древнерусских городов, так как созвучие может увести нас далеко от верного решения. Карта 1154 г. лишь изредка может нам помочь: возможно, что Сана (Зала) — это Санок на Сане, Лонза — Луцк, Луческ. На карте эти города показаны близ Днестра, что соответствует истине. Города Секлахи и Тивер определить не берусь.

Возьмем за исходную точку город Кав — Киев и попытаемся произвести расчет расстояний от него.

Город Синуболи «на западном берегу Днепра» (так он помещен и на карте 1154 г.) — это, очевидно, Смоленск, древнее место которого Гнездово расположено на правом берегу. Загадочный город Бармонза расположен тоже на Днестре, на равном расстоянии от Синуболи и от Киева. Это почти несомненно — устье реки Березины с городком Речицей, известным с XIII в. Устье Березины (Бармонза) находится действительно посредине между Смоленском и Киевом. Один день пути в этих местах соответствовал 42 км,

¹ И д р и с и, стр. 397—398.

² Там же, стр. 401.

³ Там же. Далее следует разобранный выше текст о волжских путях и о пути из Булгара в Кокиану.

если двигались напрямик Киев — Речица — Смоленск, и 50 км, если путь лежал вдоль берега Днепра.

По счастью текст Идриси сохранил нам драгоценное уравнение, определяющее дневной переход в точных мерах длины: «4 дня пути, или 100 миль». Отсюда один день пути равен 25 милям, или 50 км (точнее, 49,3 км). Следовательно, путь из Киева в Смоленск по берегу Днепра вполне соответствует нормам информаторов Идриси. Кроме Синуболи — Смоленска в верховьях Днепра помещен город Муниска, не упомянутый в тексте; в нем естественно видеть Минск — Менеск, известный с XI в. В 50 милях (100 км) от Киева указан город Беризула: отсчитаем от Киева сухопутной дорогой 100 км и находим Переяславль Русский, расположенный к северу от Днепра (рис. 11). Здесь и расстояние указано очень точно и созвучие Беризула — Переяславль значительное. Переход Киев — Переяславль должен был занять два дня. Еще в двух днях пути (очевидно, в другом направлении) лежал «маленький город» Авсия. Общее направление описания несомненно шло вниз по Днепру, так как от Барасансы указано расстояние до устья Днепра. Отложив от Переяславля вниз по Днепру двухдневное расстояние, окажемся недалеко от устья реки Сулы, где были русские города Вони и Желни. Ни одно из известных нам древнерусских названий в этом районе не напоминает слова Авсия. Не скрывается ли под ним русское слово «устье»?¹ Примем пока условно Авсию за устье Сулы и произведем следующие расчеты: «От Авсии до Барасансы сухопутьем — 2 дня». Откладывая вниз по Днепру двухдневное расстояние, получаем устье реки Ворсклы (летописный Ворьсколь). Далее маршрут делает петлю в сторону от Днепра и снова возвращается к исходному пункту: Барасанса — Луджага — Армен — Барасанса. Город Луджага находится на север от Барасансы на расстоянии двух дней пути.

От устья Вороскола (отождествленного нами с Барасансой) отложим величину двухдневного пути вверх по этой реке, текущей на этом участке почти в меридиональном направлении; ровно на расстоянии 50 арабских миль от устья Ворсклы находится Полтава, летописная Лтава², город, существующий, судя по археологическим данным, с IX в. Это совпадение укрепляет нас в правильности двух предыдущих предположительных отождествлений.

Следующий по порядку город Армен отстоит на запад от Луджаги — Лтавы на три дня пути. Строго на запад от Полтавы мы не находим на этом расстоянии никакого города. Очертим дугу радиусом в 150 км (три дня) с центром в Полтаве; дуга пересечет древнерусский город Ромен (современные Ромны), расположенный на северо-запад от Луджаги — Лтавы. Ромен упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха, а судя по археологическим данным, существовал уже в IX—X вв.

Отождествление города Армен с городом Ромен столь же надежно, как и Луджаги с Лтавой³.

¹ В русских летописях дважды упоминается город Устье, расположенный в устье Трубежа (см. Лаврентьевскую летопись, 1096 и 1136 гг.). Этот город под расчеты Идриси не подходит.

² «Игорь же слышав то, поеха противу половцем и перееха Ворьсколь у Лтавы» (Ипатьевская летопись, 1174 г.)

³ Т. Левицкий совершенно произвольно считает этот маршрут соединяющим Киев с Владимиром Вольнским, по его мнению:

Беризуля — Триполье
Авеня — Уша
Барасаня — Пересопница
Армен — Владимир.

См. Т. Lewicki. Le voie Kiev — Vladimir. Rocznik. Orientalistyczny, t. XIII, Lwów, 1937, стр. 97—103.

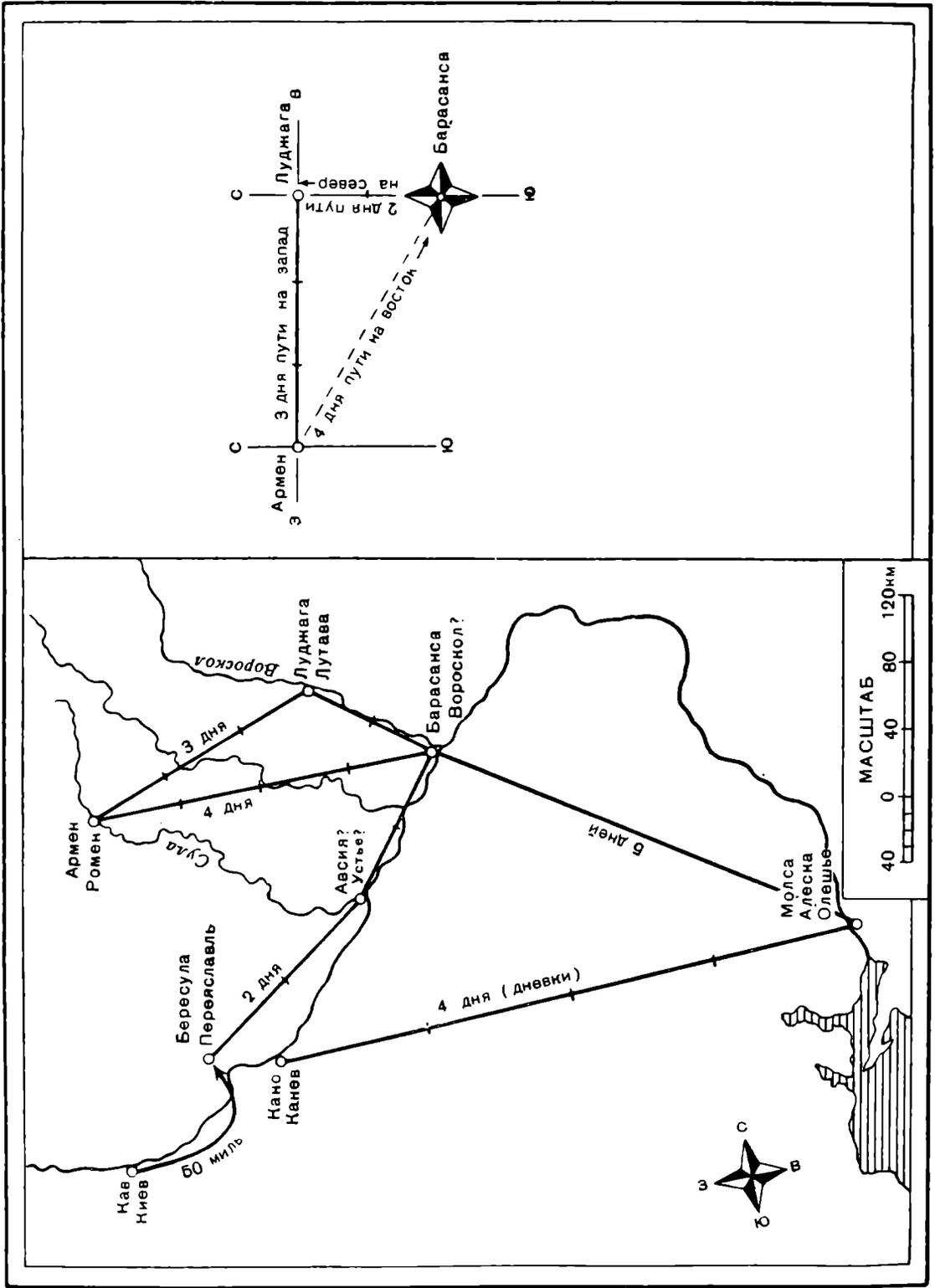

Рис. 11. Среднее Приднепровье, по данным Идриси, перенесенным на современную карту (слева). Справа — схема пути Барасанса — Луджага — Армен (составлена по тексту Идриси)

Обратный путь путешественника, сообщившего Идриси сведения о Приднепровье, шел от Армена прямо к Барасансе (не через Луджагу) и отнимал четыре дня (фактическое расстояние 220 км). Указано, что этот путь шел «по направлению к востоку», на самом же деле — на юго-юго-восток. Если вычертить геометрическую схему путешествия в районе Барасанса — Луджага — Ромен, станет очевидным, что сведения Идриси не согласованы между собой по странам света. Линии Барасанса — Луджага и Луджага — Армен образуют прямой угол; обратный путь из Армена в Барасансу никак не может идти так, как он описан в тексте. Следовательно, ориентировка маршрутов у Идриси не особенно точна. Тем меньше оснований сомневаться в отождествлении Армена и Ромена, Луджаги и Лтавы, Барасансы и Вороскола. Путешественник, вернувшийся из Ромена к устью Ворсклы, больше уже не встречал на пути русских городов; дальше указывался путь к морю: «от Барасансы до Молса на устье Днепра — 5 дней».

Город Молса нужно рассматривать как двойник города Алески. Этот важный торговый пункт, наверное, упоминался в нескольких разных маршрутах (как и Матрика — Матраха), отчего и получилось удвоение его в разной транскрипции. И Молса и Алески обозначают русское Олешье, известное с IX в.

Молса,
Алеска,
Ольшье
Ольшия
Алешки (современная карта)

Пять дней пути от устья Ворсклы до Олешья могут соответствовать только степной дороге через современный Кривой Рог. День пути обозначает здесь несколько большее расстояние — около 56 км¹. Искусственное соединение двух маршрутов видно не только в разночтении названия города, но и в том, что устье Днепра упомянуто здесь дважды: «От Алеска, красивого города в устье Днепра, до города Кано считают 4 дня».

От Олешья до Канева — около 360 км. Применить в данном случае нормы «Большого чертежа» нельзя, так как путь шел не чистой степью, а перемежался многими лесами. Вероятнее всего, что в этом месте Идриси смешал день и «дневку» («остановку», station). Расстояние 360 км очень близко к четырем «остановкам», вычисленным выше для маршрута Киев — Болгар. Там «остановка» равна 85—87 км, здесь — 90 км, что составит 36 км в один день пути.

Сшивка двух маршрутов чувствуется далее в описании Березулы и Берицлава, отстоящих друг от друга якобы на один день пути вниз по реке². «От Берицлава вниз по течению до Кано — 1½ дня». Фактическое расстояние от Переяславля до Канева несколько меньше обычных для Идриси дневных расстояний — 38 км.

Рассмотренные выше приднепровские маршруты отличаются наибольшей точностью и ясностью. Они допускают взаимную проверку отдельных определений и основаны на точных измерениях пути в милях или днях.

¹ В «Книге большому чертежу» говорится о скорой езде по степи, когда в день проезжали около 90 км (Указ. изд., стр. 67).

² М. К. Каргер, в результате архивных и археологических разысканий, недавно установил, что древнерусское Лыто, место смерти Бориса Владимировича, соответствует современному Борисполю. Если допустить, что название Борисов, или Борисово, могло предшествовать Борисполю XVII в., то, может быть, данное место у Идриси мы должны истолковать так: «от Борисова на Альте вниз по течению реки до Переяславля — 1 день пути». Расстояние это (48 км) действительно очень точно совпадает с 25 арабскими милями (49,3 км), равными одному дню пути. При таком понимании текста сшивка двух маршрутов все равно будет ощущаться, но иначе: очевидно, Идриси один раз назвал Переяславль Березулой (50 миль от Киева), а другой раз его же назвал Берицлавом, а Березулой ошибочно назвал Борисов — Лыто.

В последнюю очередь разберем еще одну группу приднепровских маршрутов, но менее ясных, чем предыдущие. Речь идет о русских городах, расположенных к северу от Белой Кумании. Самый южный город этой системы — Нуши находится на 50 миль севернее Белой Кумании. Другой город, лежащий на западном краю системы, Наи — отстоит на шесть дней пути от Киева. Очевидно, всю эту взаимосвязанную систему городов мы должны искать в Среднем Приднепровье, в лесостепной полосе, севернее каких-то половецких кочевий.

Обращение к карте Идриси здесь бесполезно, она находится в таком противоречии с текстом самого Идриси, что может только запутать. Белая и Черная Кумании на карте — это два городка в низовьях Кубани, данные так же условно, как и «города» Хазария, Алания, Иберия и т. д.

Вычертив схему расположения городов, строго исходя из буквального понимания текста, попытаемся совместить ее с картой древнерусских городов XI—XII вв. (рис. 12). Самая южная точка — город Нуши, окруженный орошаемыми пашнями в 100 км от половецкой степи. На северо-восток от него, на расстоянии 4 дней, или 100 миль (200 км), — город Киниов у подножья высокой горы. На северо-запад от Нуши — маленький торговый городок Нарус, от которого идет отсчет и на запад (Кирах — 50 миль; Наи — 75 миль) и на восток — до города Славы 135 миль. От Славы отсчет идет еще далее на восток — 8 дней до Кокианы.

На чертеже Киниов и Слава оказываются в ближайшем соседстве и оба восточнее Киева и севернее половецких степей. Всем этим условиям удовлетворяют Канев и Переяславль, расположенные менее чем в дневном переходе друг от друга, оба юго-восточнее Киева и севернее половецких кочевий.

Что же представляют собой Нуши, Нарус, Кирах и Наи? Определение их представляет значительные трудности, так как названия городов настолько искажены, что не представляется возможным сблизить их с названиями древнерусских городов Киевской и Галицко-Волынской земель. Придется ограничиться одними расчетами расстояний, не придавая, впрочем, безусловного значения румбам, указанным Идриси, так как мы уже убедились в их условности.

Проведем вокруг Канева дугу радиусом в 100 миль, чтобы определить город Нуши. В юго-западном направлении эта дуга на значительном протяжении от Брацлава до Первомайска соприкасается с долиной Южного Буга. Если учесть, что Нуши отстоит от степи на 50 миль, то мы получим дополнительные данные: Нуши должен находиться на Буге примерно около Гайворона; это довольно точно соответствует направлению на юго-запад от Канева¹. В окрестностях Гайворона есть четыре древних городища, расположенных близко друг к другу².

На исторической карте Галицкого княжества, составленной И. А. Голубцовым, именно здесь помещен предположительно русский город Колодяжен³. Район Гайворона и окружающих его городищ защищен со стороны степи «змеевыми валами».

Приняв пересечение двух линий (50 миль от степи и 100 миль от Канева) у Гайворона за условное местонахождение города Нуши, продолжим сопоставления. Дуга радиусом в 135 миль (от Переяславля) пересечется с

¹ Карта растительности европейской части СССР. Изд. Ботан. ин-та под ред. Е. М. Лавренко, 1948.

² Археологічні дослідження на території БОГЭСУ. Київ, 1933, стр. 95, карта.

³ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. 1950. Карта. На этой же карте указано и другое предположительное местоположение Колодяжена — на реке Случи, где существует современное село с таким названием.

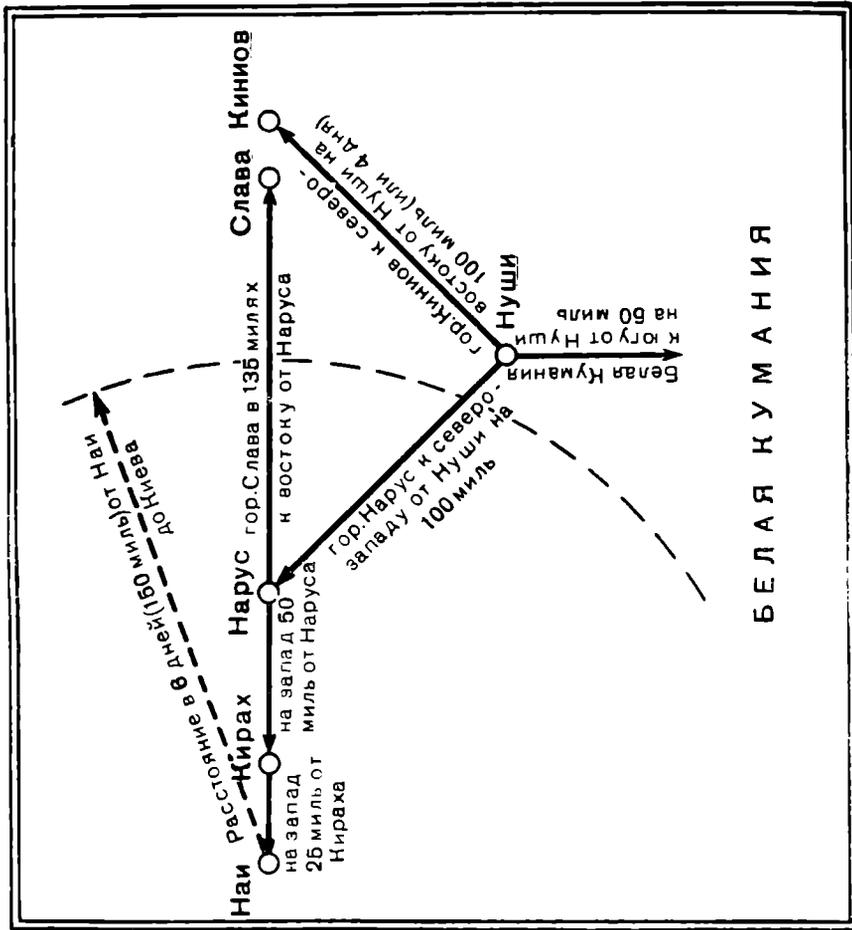
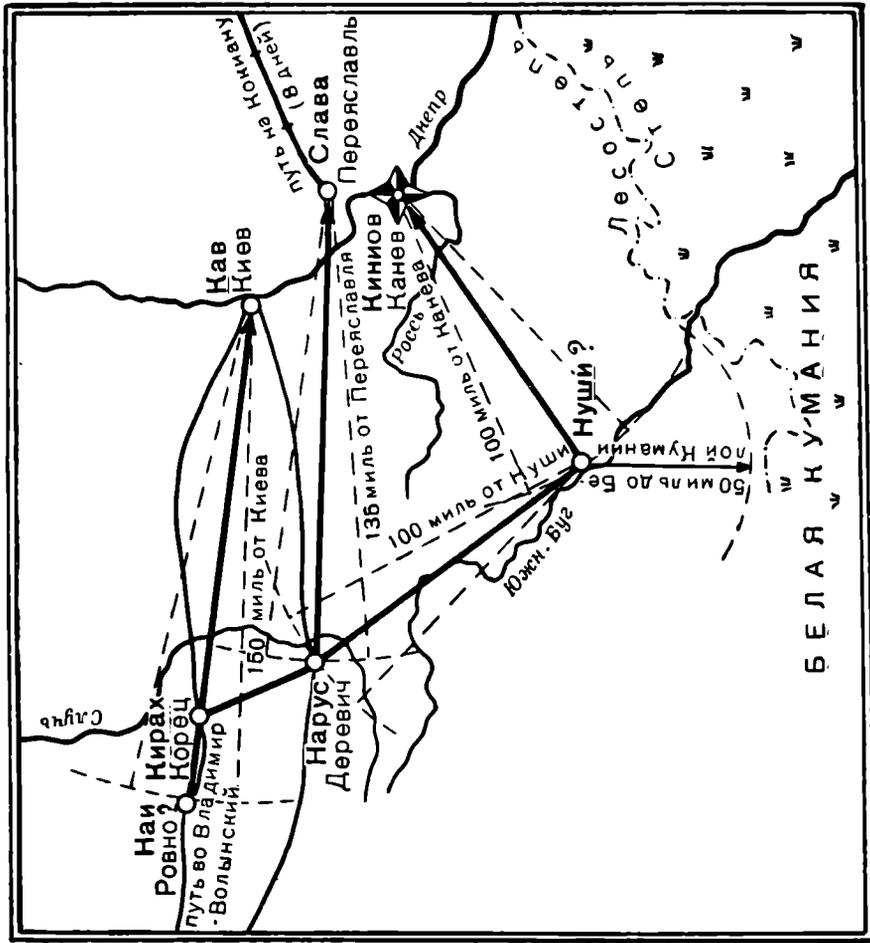

Рис. 12. Схема расположения городов на западе Днепра (составлена по тексту Идриси). Попытка перенесения правобережных маршрутов в Среднем Приднепровье на современную карту

дугой радиусом в 100 миль (от Нуши) около древнерусского города Деревича, близ которого и следует искать «маленький торговый город» Нарус.

Город Кирах, в 50 милях от Наруса,— это, возможно, городок Корец на северо-запад от Деревича, упоминаемый в летописях с 1150 г. Оба города лежат на торговых путях. Особенно часто в качестве перепутья из Волыни в Киев упоминается Корец. Название его, варьирующее в летописях как Корчев, Корческ, Корецк, Корец, вполне соответствует арабскому Кирах.

Последний пункт этого маршрута, город Наи лежит в 25 милях от Кираха, в 75 милях от Наруса и в 150 милях от Киева. Произведем соответствующие засечки на карте; все они сойдутся в районе Ровно.

Город Ровно (как и Корец) лежит на торговом пути из Киева во Владимир¹, в 30 милях от Корца, 75 милях от Деревич и 150 милях от Киева. Поскольку название города Ровно никак не может быть сопоставлено с Наи, приходится думать, что подразумевался какой-то иной город поблизости.

Итак, из семи городов этого маршрута нами определены с известной долей достоверности только Киниов — Канев, Слава — Переяславль, Кирах — Корец; три города определены географически, но не связаны с известными нам городами.

Самый маршрут рисуется так: путешественник шел с юга, из степей Белой Кумании (очевидно — низовья Буга и Днестра), зная точное расстояние от степи до русского городка (Нуши), окруженного орошаемыми пашнями, и отсюда он направился на северо-запад, по самой границе Киевского и Волынского княжеств. По пути, почти из каждого города, он сообщал о расстояниях до больших известных городов Приднепровья. Так, из Нуши он сообщил о расстоянии до Канева, из Наруса — до Переяславля. Дойдя до Корца, путешественник оказывался на наезженном пути Киев — Владимир и из Наи сообщил расстояние до Киева.

Теперь нам осталось рассмотреть последний город этой системы — Кокиана, отстоящий от Славы на восемь дней пути, т. е. на 200 миль, или 400 км (рис. 13). Несмотря на то, что Идриси в дальнейшем путает Кокиана с Куябой и относит к нему сведения Джейхани-Ибн-Хаукаля о Киеве, в данном отрывке едва ли мы можем отождествить Кокиана с Киевом. Такая путаница свойственна не только Идриси, но и многим позднейшим географам. Начиная с XII в. в арабской географической литературе появляются рядом со старым наименованием Киева, близким к русскому (Куяба, Кунаба, Кав, Киу), новые, мало похожие на прежние; Идриси был как бы на рубеже двух эпох — у него есть и Кав, Киу и Кокиана. Позднее утверждается новое, более громоздкое слово: Димешки (со ссылкой на Идриси) — Каракартия; Ибн-ал-Варди — Каркаяна, Каркаяния; Ибн-Аяс — Каркабан².

Разгадка, как кажется, кроется в том, что ко времени Идриси появился новый город с названием, записанным арабами, как Каркабан, и т. п.; его-то и путали с Киевом. Где находится этот город, нам поможет узнать текст Идриси: «От Славы до Кокиана, близкого к Болгарам (зависящего от Болгар?), 8 дней пути. Кокианах обитаем тюрками, известными под названием Руса»³. На карте Идриси этого города нет. В тексте не указано направление от Славы, но мы можем его определить методом исключения: запад и север исключаются, так как в тексте говорится о каком-то смешанном русско-кочевническом населении, а это могло быть только на юге или на востоке от Переяславля. В южном направлении как раз в восьми днях пути находится Олешье, уже дважды описанное Идриси.

¹ В. Т. Пашуто. Указ. соч. Карта.

² Гаркави. Указ. соч., стр. 198.

³ Идриси, стр. 401.

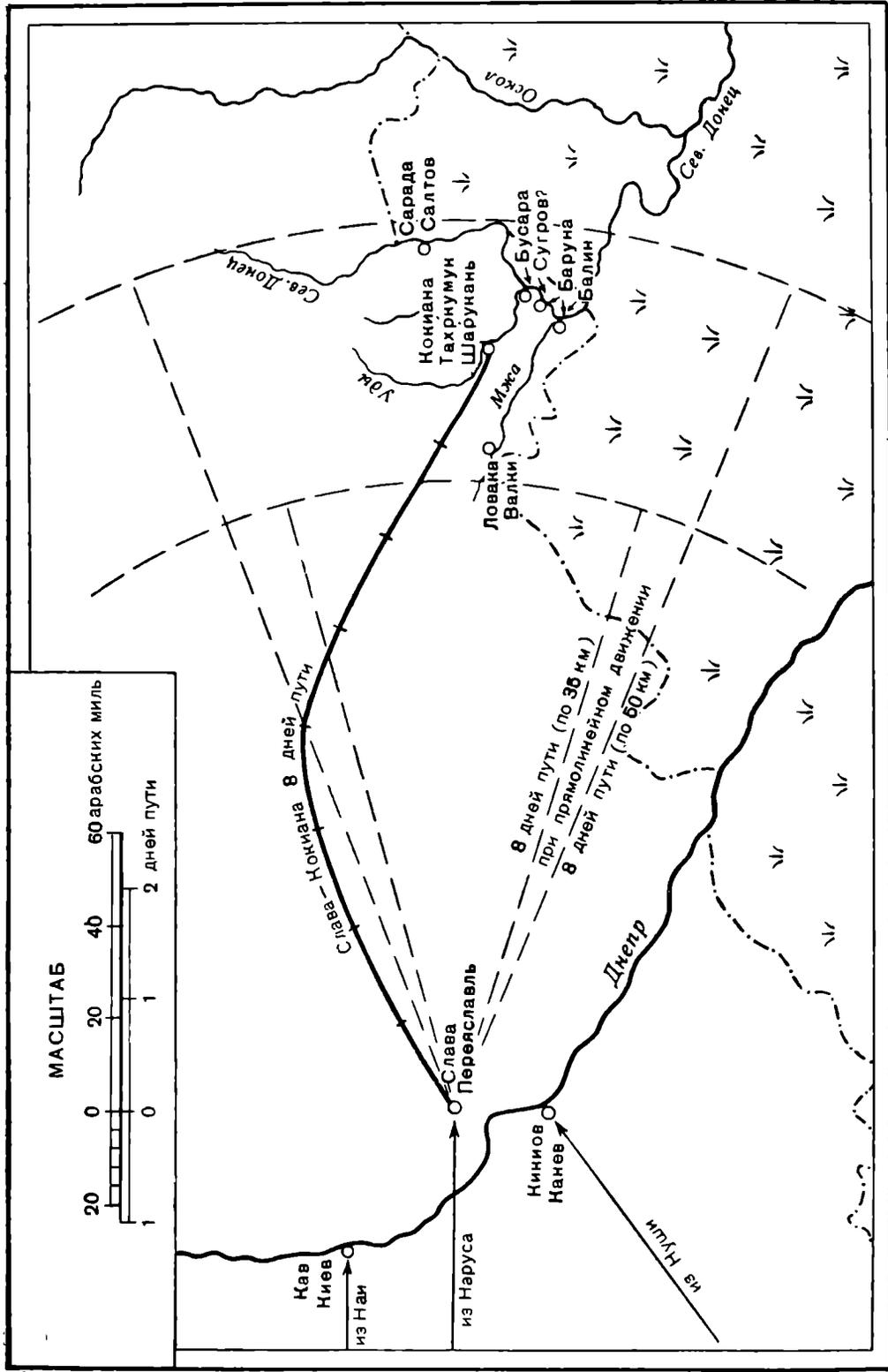

Рис. 13. Путь из Славы в Кокхиану (попытка восстановления)

В восточном же направлении путешественник, отправившийся из Переяславля (Славы), через восемь дней пути достигнет верховьев Северского Донца, где нам известен город Шарукань, давно уже отождествленный со знаменитым Донецким городищем близ Харькова¹. Такая локализация Шаруканя вполне согласуется с летописными данными о походе 1111 г., когда Владимир Мономах овладел Шардканем, сжег Сугров и прошел далее к Сальнице².

Едва ли можно допустить, что движение от Переяславля к Донцу производилось совершенно прямолинейно. Трудно также взять за основу и походы на Донец, так как их маршруты преднамеренно слишком выдавались на юг, чего нельзя предполагать для купеческих маршрутов.

Средневековые дороги пролегали обыкновенно вдоль рек или по водоразделам (уменьшающим число переправ), поэтому наиболее вероятным следует признать маршрут от Переяславля на Малотин (XII в.) — Прилук (XII в.) — Ромен (XI в.) — Лебедин — Богодухов — Шарукань (Донецкое городище на юге от Харькова). Длина маршрута по этому варианту около 390 км, что очень точно соответствует восьми дням пути, которые информатор Идриси, составивший этот раздел, приравнивает к 200 милям (394,4 км). Косвенным подтверждением существования пути через Ромен является расчет дней до этого города, разобранный выше³.

Город Шарукань существовал уже в XI — XII вв. На рубеже XI и XII столетий он получил временное название по половецкому хану Шарукану, владевшему восточными ордами половцев. После серии сокрушительных ударов, начатых походом Владимира Мономаха 1111 г., воспетым в специальной повести⁴, область Шаруканя становится русской; половцы откочевали на Северный Кавказ. Шарукань становится русским Донцом.

Информатор Идриси знал, что город Кокианак — Каракартия наполовину русский, наполовину тюркский, что и отразилось в его характеристике. Он верно отметил и наибольшую близость его к Болгарам Волжским. Город Шарукань лежал поблизости от пути Киев — Болгар и был на этом пути почти самым восточным пунктом. Анализ текста и карты Идриси показывает, что верховья Северского Донца были местом разветвления двух магистральных путей: один из них связывал Киев (а через него и Западную Европу) со Средним Поволжьем, а другой — Киев с Тмутараканью, Нижним Поволжьем и Причерноморьем. Именно поэтому и были так подробно показаны на карте Идриси верховья Северского Донца — р. Руси, с шестью крепостями. Часть крепостей удалось предположительно отождествить с древними городищами IX—X вв. и городами, упоминаемыми в летописи. Сейчас мы должны вспомнить те сопоставления, которые делались выше:

¹ В. Е. Данилевич. Донецкое городище и город Донец. «Археологическая летопись южной России», 1904, № 4—5; В. А. Городцов. Донецкое городище. «Труды XII археол. съезда», т. I, М., 1905. Н. Сибилев высказал предположение (развитое впоследствии К. В. Кудряшовым), что город Шарукань находился около Изюма. (См. М. В. Сибилев. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. «Археологія», 1950, т. IV, стр. 99—114).

Для расшифровки данных Идриси безразлично, в какой точке р. Донца находился Шарукань, но мы не имеем права игнорировать местные преданья, связывающие Шарукань с Донецким городищем.

² Анализ похода 1111 г. и определению местоположения Шаруканя мною посвящена специальная статья, поэтому здесь я опускаю подробную аргументацию.

³ Возможно, что существовал и Полтавский вариант пути Переяславль — Шарукань; его удобнее было использовать зимой или тогда, когда была надежно обеспечена безопасность со стороны степи.

⁴ «Възвратишася русьстии князи въсвои си со славою великою, яже к своим людем и ко всем странам дальним, рекуше ко Греком и Угром и Ляхом и Чехом. Донде же и до Рима проиде». Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет». М.—Л., 1950, стр. 195.

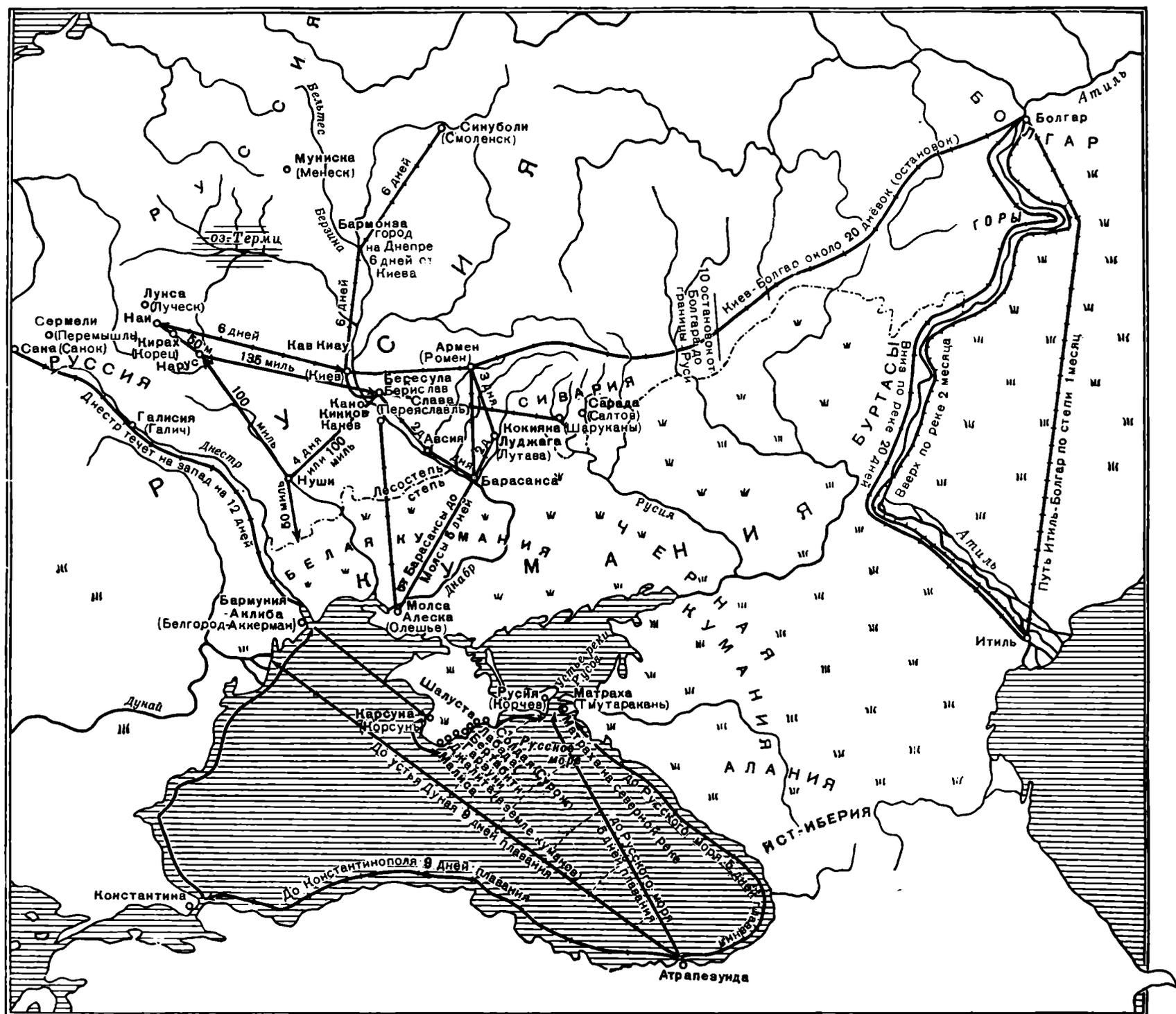

Рис. 14. Попытка перенесения данных Идриси (1154 г.) на современную карту (схема Б. А. Рыбакова)

Астаркуза — Тахркумука, одна из западных крепостей страны Сиварии, расположенная между двух протоков, это, очевидно, Шарукань — Кокиана — Каркабан, расположенный у слияния Харьковы и Лопани.

Очень жаль, что в тексте Идриси нет списка городов на реке Руси и что он не выполнил своего обещания подробнее рассказать об этих городах при описании VII климата. Впрочем, именно в описании VII климата Идриси и рассказал нам о Кокиане, обитаемом русо-тюрками. Но далее в тексте Идриси реальное для XII в. (Шарукань — Кокиана) смешалось с литературным преданием, и он стал говорить о Киеве (называя и его Кокиана) и о трех пресловутых центрах Руси.

Для решения последнего вопроса данные Идриси не дают ничего интересного, так как размещение на карте трех городов Киниу, Салав и Артан условно и произвольно. Они отнесены географом к наименее ясному для него самому отрезку карты, к шивке двух разных кусков, из которых один наносился по данным Ибн-Хаукаля и Масуди, а другой — по сведениям путешественников начала XII в. Перенести три центра древней Руси с карты 1154 г. на современную карту не представляется возможным, как и большинство городов континентальной части Восточной Европы, так как все они резко и непримиримо расходятся с текстом самого Идриси.

* * *

Рассмотрев в отдельности различные части карты и текста Идриси, мы можем прийти к выводу, что текст его книги содержит значительно больше интересных точных данных, чем карта. Текст составлялся на основании огромного архива разнородных сведений. Часть материалов взята у старых географов IX и X вв., которых Идриси добросовестно цитирует. Основная же масса сведений собрана через купцов и путешественников XII в.¹ (рис. 14).

В руках Идриси были точные дорожники по Руси. Некоторые расстояния поражают точностью измерения. Анализируя текст Идриси, мы получаем целую шкалу дневных переходов:

день пути в степи (на дальние расстояния) — 35 км;
день пути в лесостепной полосе (при коротких переходах) — 50 км;
«остановка» — расстояние от дневки до дневки, при дальнем пути — 85 км;
день пути вверх по реке — около 25 км;
день пути вниз по течению — около 75 км;
сутки плавания по морю — от 100 до 160 км.

Карта 1154 г. удивительна по точности своей гидрографии. Отдельные реки или речные системы даны с большой верностью, но без масштаба, и размеры изображений не согласуются с действительностью. Некоторые детали карты объясняются тем, что информаторы Идриси описывали маршруты, не зная всего протяжения тех рек, которые приходилось лишь пересекать; так, некоторые реки превратились на карте в озера. Города на карте Идриси размещены в противоречии с его же текстом. И текст и карта свидетельствуют о большой трудности для палермского географа разобраться в отдельных маршрутах и координировать их. Отсюда и повторения одного и того же города на карте.

Весь материал по Восточной Европе можно разбить на следующие разделы: Прибалтика, Среднее Приднепровье (несколько маршрутов), Галицкое княжество, путь Киев — Болгар, путь Константинополь — Крым —

¹ В том, что точные маршруты с указанием расстояний современны самому Идриси, нас убеждает наличие Шаруканя — названия, возникшего в XII в. или не ранее конца XI в.

Тмутаракань, путь Трапезунд — Тмутаракань, путь из Приднепровья — Северская земля — Тмутаракань. На приложенных двух картах мною сделана попытка показать, какие части Восточной Европы были действительно известны Идриси и как он сжал на своей карте неизвестные ему области.

К. Миллер в попытке истолковать карту Идриси неправомерно расширил пределы Кумании (рис. 15а). Получилось так, что вся Восточная Европа почти до Новгорода Великого и Устюга была занята половцами и печенегами. Это — результат полного непонимания принципа построения

Рис. 15а. Восточная Европа по данным Идриси (схема Конрада Миллера)

средневековых карт, непонимания того, что обилие материала, отсутствие личного знакомства со страной и непривычка к масштабу не позволили Идриси создать карту, близкую к современной.

Превращение К. Миллером всей Руси в половецкую землю не вытекает из данных самого источника, а является произвольным и тенденциозным толкованием, таким же далеким от исторической действительности, как «держава Германариха» в IV в. по Иордану или «Хазарский каганат» по письму царя Иосифа.

Карта и текст Идриси очень точно обозначают размещение половцев только на юге, в степях Причерноморья. Крайне интересно наличие у Идриси трех обозначений для частей Кумании: Белая, Черная и Внешняя. Де-

ление племен на черных и белых обычно у тюркских народов. Черная Кумания у Идриси указана по соседству с Тмутараканью, а Белая Кумания упомянута дважды — один раз как антитеза Черной Кумании, в плохо скомпонованном описании черноморских маршрутов, а другой — в значительно более достоверном отрывке, где указано, что Белая Кумания отстоит от Канева на 150 миль (ок. 300 км) к юго-западу. Как мы видели выше,

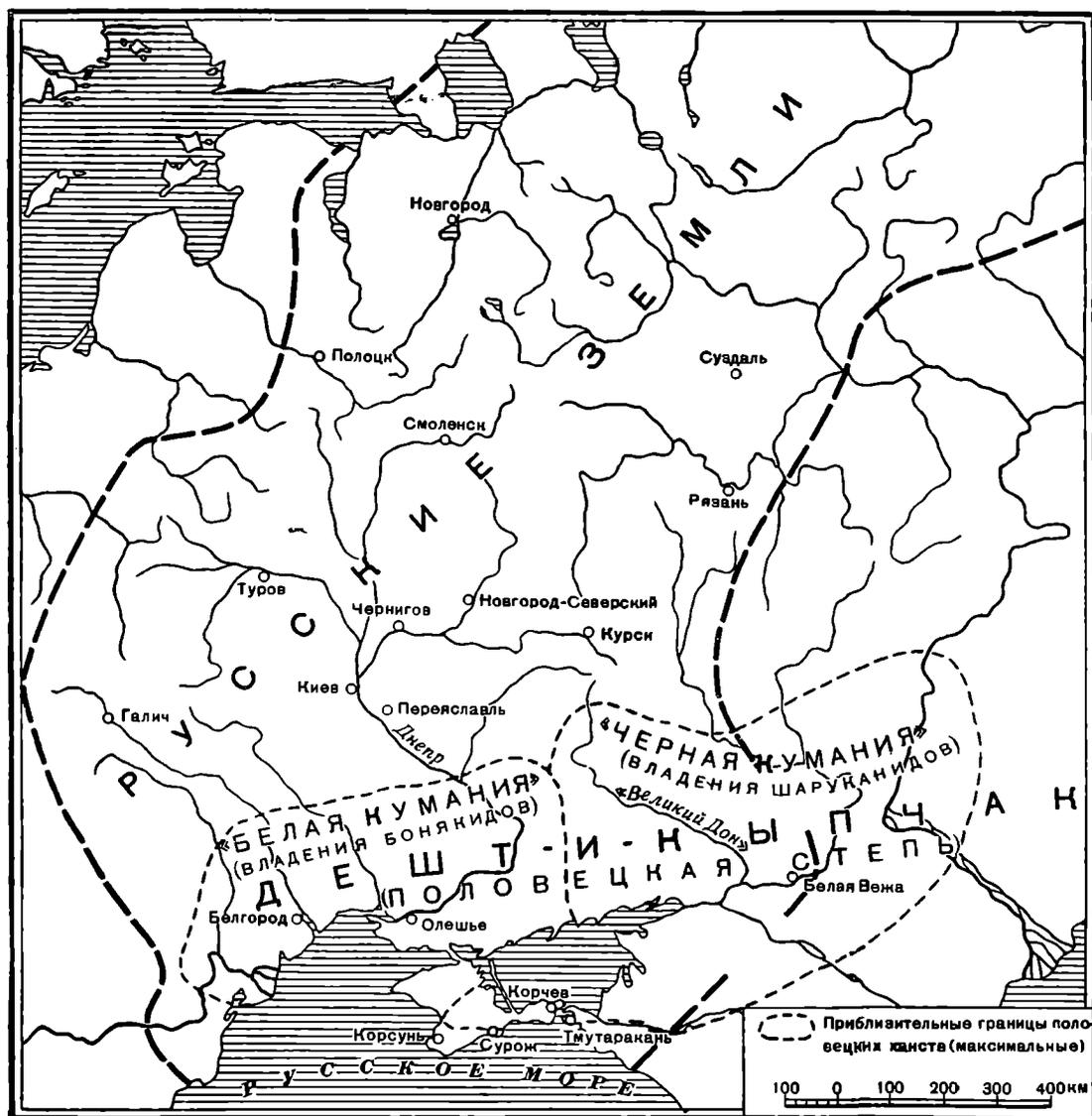

Рис. 15б. Русь и Кумания по данным русских летописей, «Слова о полку Игореве» и книги Идриси (Схема Б. А. Рыбакова).

это расстояние точно соответствует русской границе и началу ковыльной степи. Таким образом, Белая Кумания — это половецкие кочевья правобережья Днепра.

В русских летописях нет такого четкого разграничения восточной и западной половин половецкой земли; историки обычно рассматривают ее суммарно. Попытка К. В. Кудряшова дать географию половецкой степи привела лишь к определению отдельных пунктов, где русские войска встречались с половецкими¹; ни вопроса о сезонных перекочевках, ни, тем более, о

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.

политической географии половецкой земли этот автор не ставит. А между тем источники содержат интереснейшие данные о двух половецких группах.

«Слово о полку Игореве» определяет «землю незнаемую» следующими географическими ориентирами: Волга, Поморье, Посулье, Сурож, Корсунь, Тмутаракань; стержнем этой земли является «Великий Дон» (Северский Донец). Это — далеко не вся половецкая земля — ни Днепр, ни Дунай, ни Лукоморье сюда не входят; это — владения Шарукана Старого и его потомков (Атрак, Кончак), которые можно отождествить с Черной Куманией. Белая Кумания — это владения Бонякидов, половецкие кочевья в низовьях Днепра и далее на запад до Дуная. Граница между Белой и Черной Куманией шла, очевидно, по водоразделу Днепра и Донца. Подобное разделение степей на две половины существовало и у сорока печенежских племен в середине X в. Наличие у Идриси на карте надписи «Кумания Внешняя», может быть, следует сопоставить с «дикими половцами» русских летописей (упом. с 1146 г.), в которых нужно видеть остатки половецких орд, разбитых под Шаруканем на Донце в 1111 — 1120 гг.

География Абу-Абд-Аллаха Мохаммеда Идриси дает нам много интересных сведений о Руси эпохи Юрия Долгорукого, о ее городах, торговых путях, соседях; кроме того эта география помогает нам уяснить, как понимались географом XII в. работы его предшественников, писавших свои обзоры в IX и X вв. География Идриси ярко свидетельствует о том, что Русь в XII в. была богатой страной, часто посещавшейся путешественниками и купцами, где было много наезженных путей и где иностранец всегда мог путем расспросов узнать точное расстояние от города до города. Идриси рассказал о важном международном значении Тмутаракани, ставшей, как древний Фасис, поворотным пунктом черноморских маршрутов.

Глубокое знание Руси, проявленное сицилианским географом, — свидетельство ее важного международного значения.

В. И. МОШИНСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ КАМЕННЫХ СКУЛЬПТУРАХ ПРИИРТЫШЬЯ

*(Доклад, прочитанный на заседании Сектора первобытной археологии
ИИМК АН СССР в феврале 1951 г.)*

П. П. Славниным опубликован каменный жезл с головкой коня из собрания музея при Томском университете. Жезл был найден близ ст. Бухтарминской на правом берегу р. Бухтармы (приток Иртыша) Усть-Каменногорского района Казахской ССР¹. По сообщению Славнина, эта находка не единственная в Прииртышье. В местных музеях есть еще такие же каменные предметы, украшенные скульптурой. Их целесообразно при рассмотрении разбить на две группы — с зооморфными и с антропоморфными изображениями.

В первую из них, кроме жезла, входят следующие находки:

1) Близкая к бухтарминской скульптурная голова коня из талькового сланца (рис. 16—1), обнаруженная на пашне близ пос. Волчьего, Омского округа, и доставленная гр. Степановым в Омский краеведческий музей, где и хранится в коллекции Археологического отдела (№ 1134). Голова коня трактована в реалистической манере, однако очень сухо и скупно, без разработки деталей. Грива и уши даны без моделировки поверхности; глаза и ноздри изображены выступающими площадками; губы едва намечены углубленной линией. Несмотря на сухость изображения, скульптура производит впечатление высокохудожественного произведения. Нижняя часть ее представляет массивный стержень, как бы сходящий на конус; в верхней половине сечение конуса овальной формы, которая приблизительно с середины, после довольно заметного уступа, переходит в округлую. Поверхность тщательно обработана.

2) Голова верблюда (рис. 16—2), так же как и голова коня, несмотря на некоторую обобщенность трактовки, поражает правдивостью передачи характерных черт животного. По манере исполнения обе вещи близки друг к другу. Детали морды, глаза и ноздри переданы такими же площадками. Нижняя часть скульптуры отбита. Голова верблюда сделана из кварцевого песчаника, очень твердого материала, плохо поддающегося обработке, что особенно заставляет оценить мастерство. Место и обстоятельства находки неизвестны. По определению П. Л. Драверта, кварцевый песчаник, из которого сделано изображение, происходит из Северного Казахстана, так же как и материал большинства каменных изделий, известных с территории южной и средней части Омской области. Голова верблюда хранится

¹ П. П. Славнин. Каменный жезл с головкой коня. КСИИМК, вып. XXV, стр. 125—126.

в Археологическом отделе Омского краеведческого музея, куда она попала из коллекций Западно-Сибирского отдела РГО.

Во вторую группу входят следующие находки:

1) Круглая скульптура, изображающая мужскую голову, сделанная из темнозеленого змеевика, тщательно отшлифованная (рис. 17а). Найдена случайно на берегу р. Туй (правый приток Иртыша) на северной окраине

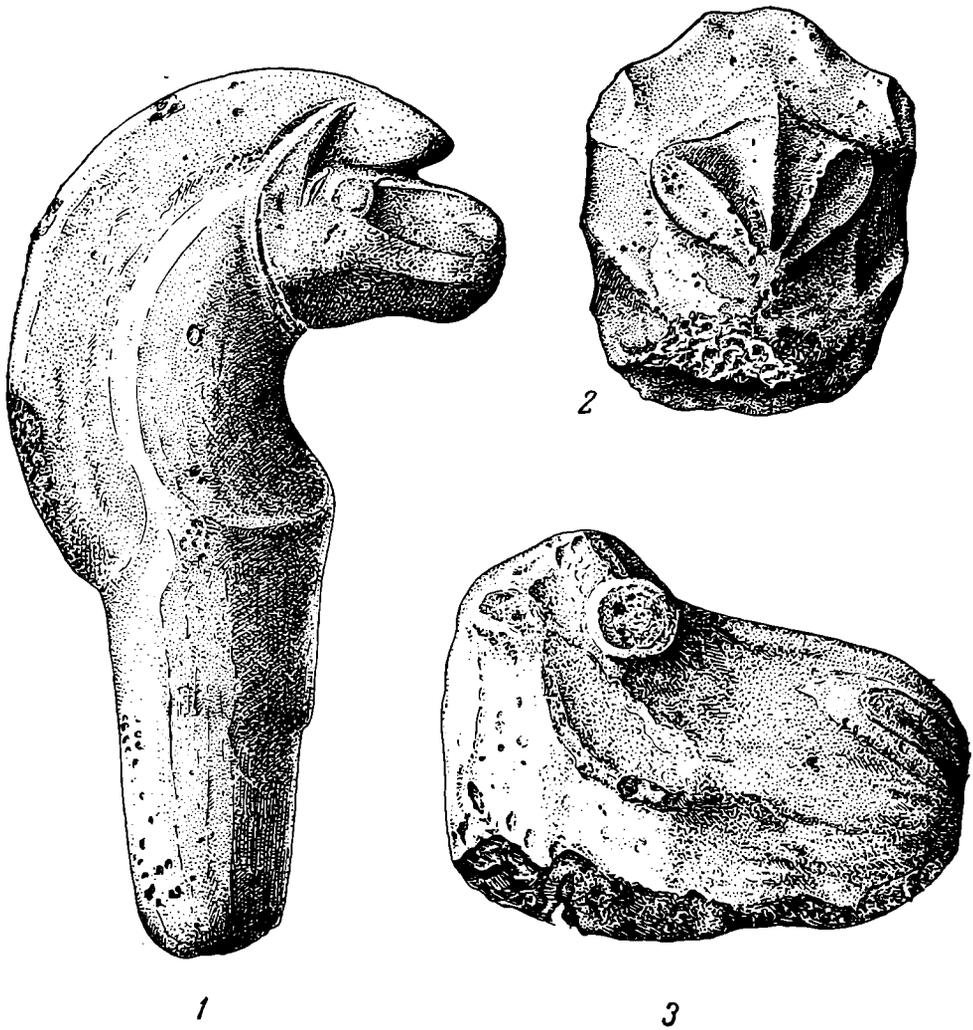

Рис. 16. Прииртышье. Зооморфные изображения

1 — скульптурная голова коня, найденная близ пос. Волчьего Омской области (Омский музей);
2, 3 — скульптурная голова верблюда, фас — профиль (Омский музей)

Тарского уезда. В 1914 г. передана П. Н. Ильным в Тобольский музей, где и хранится (№ 1714 к. п. 5840). Скульптура исполнена в реалистической манере, позволяющей характеризовать ее в антропологическом отношении. Она представляет собой голову мужчины европеоидного облика, с низким черепом, узким и высоким лицом и узким лбом¹. Нос сильно выступающий, с хорошо сформированным высоким переносьем, выпуклый и широкий в основании. Слабо развитые надбровия намечены полуовалами. Широкий рот, с тонкими губами, показан прямой углубленной линией, глаза — круглыми глубокими выемками, вероятно, предназначавшимися для инкрустации. Подчеркнуты выступающий подбородок и мощная нижняя

¹ Не исключена возможность, что изображен субъект с деформированным лбом, настолько он узок.

челюсть¹. Уши сделаны довольно схематично. В них просверлены отверстия, в которые, возможно, вставлялись серьги. На голове надет плотно

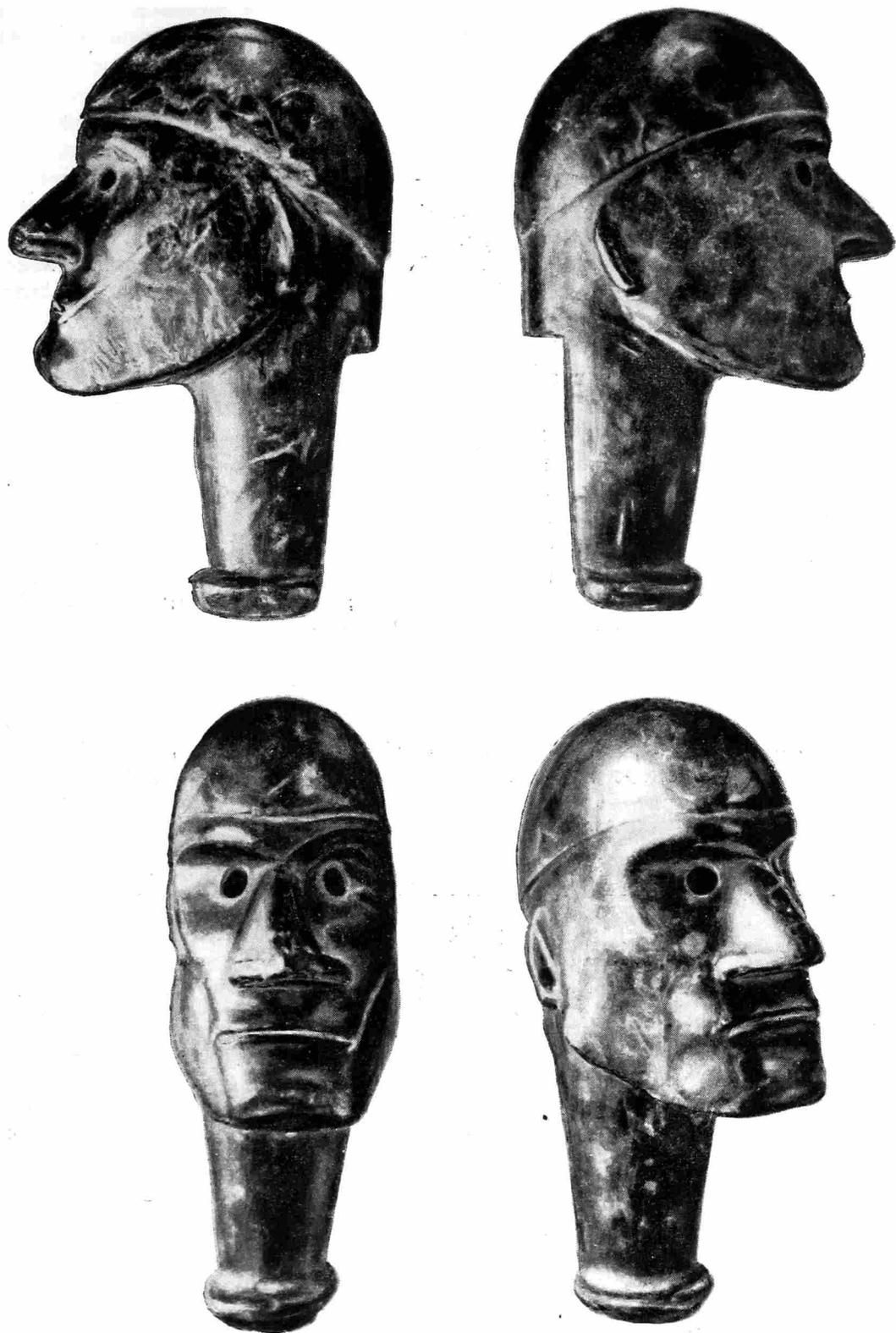

Рис. 17а. Скульптурная мужская голова, найденная на р. Туй (Тобольский музей) облегающий шлем, украшенный по краю крупным зубчатым орнаментом. Шея переходит в стержень, округлый в передней части и плоско срезанный

¹ Антропологическая характеристика принадлежит Т. А. Трофимовой.

в затылочной. Верхняя часть среза ограничена прямоугольным уступом, хорошо видным при повороте головы в профиль. Нижний край стержня, за исключением уплощенной стороны, окаймлен круглым валиком.

2) Другая антропоморфная скульптура¹ представляет собой изображение двух мужских голов, обращенных друг к другу затылками (рис. 176—1). Головы очень похожи, что дает возможность рассматривать их вместе. Они принадлежат узколицему европеоиду такого же облика, как и описанный выше. Бросается в глаза подчеркнутая массивность нижней челюсти. Глаза изображены округлыми впадинами, рот — прямой углубленной линией. Довольно детально показаны уши, в одном случае даже с завитком ушной раковины. Головы завершают длинный цилиндрический стержень, нижний конец которого окаймлен валиком. Изображение сделано из змеевика зеленоватого цвета и тщательно отшлифовано. По определению П. Л. Драверта, этот минерал может происходить либо с Урала, либо из Северного Казахстана.

Несмотря на различие в сюжете, антропоморфные и зооморфные скульптуры имеют общие стилистические особенности и сходны по назначению. Все они, за исключением головы верблюда, заканчиваются стержнем, служившим, видимо, для укрепления изображения. Особенно отчетливо это заметно на туйской головке, у которой задняя плоская часть стержня плотно примыкала к такому же полуовальному стержню. Валик в нижней части обеспечивал надежность крепления, препятствуя соскальзыванию обвязки. Несколько иначе крепилась голова коня. Круглая нижняя часть стержня, конусообразной формы, очевидно, плотно вставлялась в соответствующее отверстие. Так же, вероятно, укреплялась и голова коня из коллекции Томского музея. Тем же способом могло прикрепляться и двулицее изображение, если в этом возникала необходимость, о чем будет сказано подробнее, когда мы коснемся вопроса о возможном его назначении.

Можно отметить черты, общие для всех описываемых предметов. Характерна скупость в манере изображения рта одной врезанной линией (что, однако, не создает впечатления схематизма), а также трактовка глаз выступающими площадками. Для зооморфных изображений показательна ярко выраженная отчетливость контуров рельефа.

Круглая скульптура Прииртышья не стоит изолированно. К зооморфным изображениям, пожалуй, ближе всего каменные плитки с головами баранов, известные на территории Зауралья. Они давно известны в археологии, но впервые сведены и опубликованы лишь несколько лет назад в специальной статье П. А. Дмитриева². Наши скульптуры особенно близки к тем экземплярам «баранчиков», которые автор публикации считает наиболее реалистическими. В трактовке звериной морды мы видим одинаковую манеру в изображении глаз, ноздрей и в отдельных случаях — рта³. П. А. Дмитриев сопоставлял жертвенные плитки с «баранчиками» с каменными столиками.

Признавая, что это сопоставление имеет известные основания, мы все же считаем необходимым сделать некоторые оговорки. За правомерность сравнения говорит прежде всего функциональная близость между обеими категориями предметов, смежность территорий их распространения и тот факт, что именно голова барана встречается и на плитках и на столиках. Однако стилистически эти вещи резко отличаются друг от друга. Так, жертвенные плитки дают реалистические фигуры, на столиках же мы находим стилизо-

¹ Скульптура была выпажана при поднятии целины в долине р. Ир (правый приток Ишима) в Крутинском районе Омской области. С 1949 г. хранится в Омском музее.

² П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, вып. XIX.

³ Манеру изображать рот одной углубленной линией можно видеть, например, на не вошедшем в публикацию П. А. Дмитриева «баранчике», найденном в 1911 г. в ближайших окрестностях г. Кургана и хранящемся в Тобольском музее.

ванные, причем стилизация дана в чуждой скульптурам Западной Сибири геометризованной манере (глаза передаются кругами, вписанными друг в

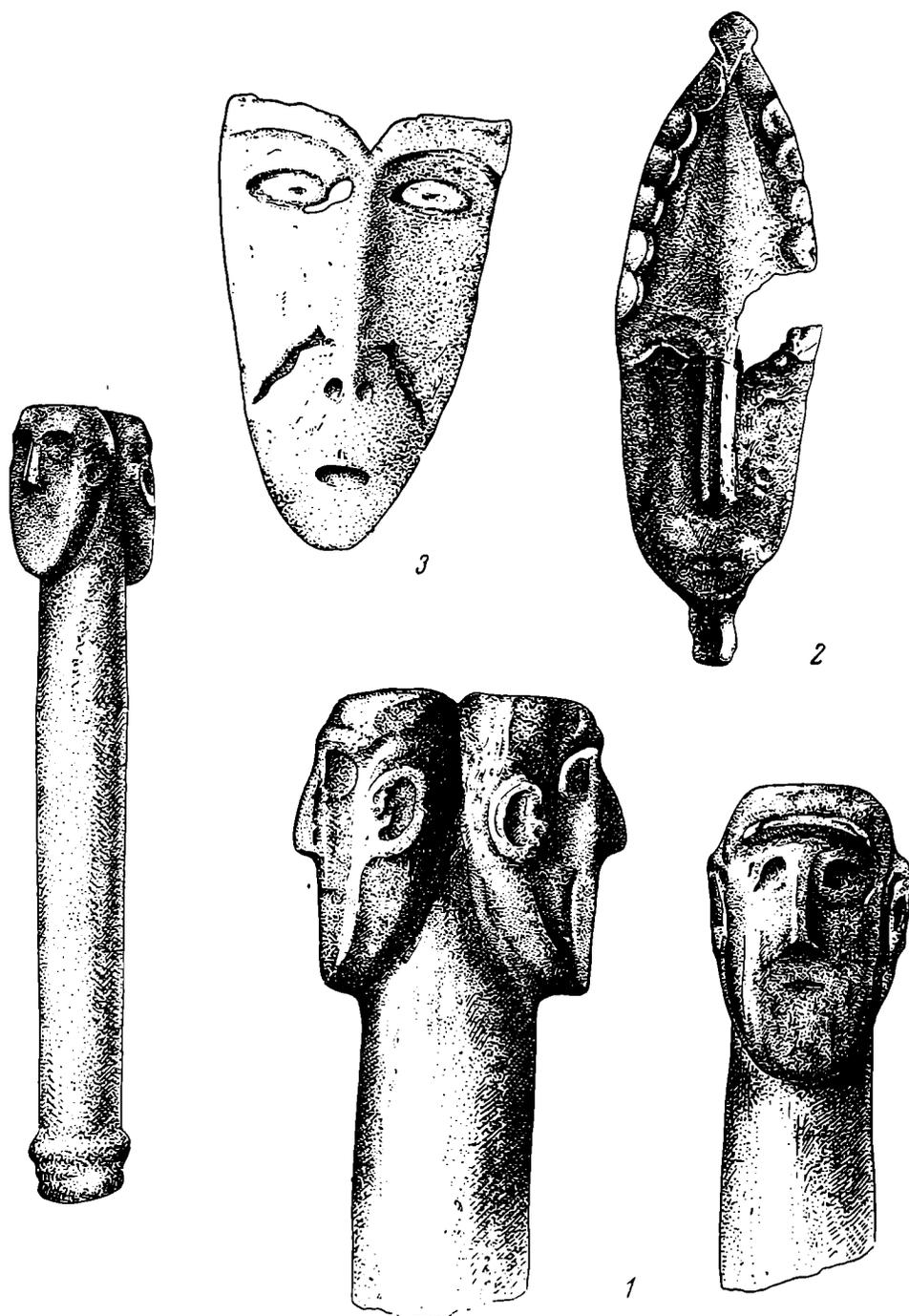

Рис. 176. Прииртышье. Антропоморфные изображения.

1— скульптурное двулицкое изображение, найденное в долине р. Ир (Омский музей);
2— бронзовая личина с городища Макар-Висынг-Тур (Омский музей); 3— бронзовая личина, найденная близ Леушей

друга, уши — такими же треугольниками). Изображения баранов относительно редки для столиков и используются лишь в качестве орнаментальной детали, тогда как плитки сами являются фигурами этого животного. И, наконец, что наиболее важно, обе категории принадлежат к культуре различных, хотя и близких этнических групп.

Датировка наших зооморфных скульптур может базироваться на приведенных аналогиях. П. А. Дмитриев считал возможным относить жертвенные камни с изображениями баранов к скифскому времени или самым ранним этапам сарматского, грубо говоря, к середине I тысячелетия до н. э.¹ Такая датировка представляется приемлемой, хотя данными для более точного определения мы пока не располагаем.

Пожалуй, еще меньше аналогий известно для антропоморфных скульптур. Некоторое отдаленное сходство с прииртышскими можно усмотреть среди каменных фигур андроновской культуры. Однако прииртышские представляют собой реалистическую круглую скульптуру, тогда как андроновские — схематический примитив. Описывая последние, М. П. Грязнов отмечает, что «изображение головы всегда условно», «изображение головы человека всегда нереально» и, наконец, прямо говорит об их примитивности². Возможно, что такая примитивность обуславливалась назначением андроновских памятников, отличным от назначения иртышских. Во всяком случае формальное сходство между ними настолько незначительно, что привлекать андроновские изображения в качестве аналогии едва ли уместно. По степени реалистичности прииртышские скульптуры могут быть сопоставлены, пожалуй, лишь с таштыкскими, например с найденной в 1938 г.³ в склепе под самым большим таштыкским курганом Уйбатского чаатаса (№ 1) деревянной круглой скульптурой, представляющей голову воина.

На территории Нижнего Приобья в качестве аналогий нашим антропоморфным находкам можно указать некоторые экземпляры бронзовых личин, исполненных в достаточно высоком рельефе. Приобские бронзовые личины существуют на протяжении значительного времени и разбиваются на несколько хронологических групп, которым соответствуют различные стилистические особенности. О большей части находок этого рода придется говорить особо, в связи с работой А. П. Окладникова, опубликовавшего бронзовые личины Восточной Сибири⁴. Привлекаемый им западносибирский материал подобран несколько случайно и дается вне связи с аналогичными или близкими изображениями Приобья. В целом вопрос несравненно более сложный, чем он представляется А. П. Окладникову; едва ли он может быть объяснен даже частично заимствованиями или влияниями из очень удаленных районов южной скифской территории.

Оставляя в стороне наиболее древние личины, связанные с изображениями древовидных идолов и относящиеся в некоторых случаях к началу I тысячелетия до н. э.⁵, мы остановимся на группе, более близкой к нашим скульптурам. Самым ранним экземпляром личин этого рода следует считать найденную на городище Макара-Висынг-Тур (на р. Ляпин). Она представляет лицо удлиненной формы, европеоидного облика. Нос прямой, длинный. Резко подчеркнуты складки около носа. Глаза, рот и некоторые детали сделаны углубленными линиями, свидетельствующими об отливке по модели (рис. 176 — 2). Следует отметить прием изображения надбровия полуовалами, как мы видели на каменных скульптурах. Эта бронзовая личина хорошо датируется комплексом городища, относящегося к IV—III вв. до н. э.

Другой ранний экземпляр — личина из Леушей (рис. 176 — 3). Она найдена на месте сгоревшего священного амбарчика, но происходит, видимо,

¹ П. А. Дмитриев. Указ. соч.

² М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, стр. 131, 1 + 2, рис. 4, 5.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, вып. 9, стр. 223, табл. XXXVIII—2.

⁴ А. П. Окладников. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, VII, стр. 203—205.

⁵ A. W. Schmidt. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens. «Artibus Asiae», MCMXXX/XXXII, No. 1, стр. 14. Leipzig.

из находящегося поблизости Леушинского городища, относящегося к рубежу и первым векам нашей эры. Личина представляет мужскую голову в шлеме с зубчатым орнаментом. Лицо удлиненной формы, с длинным прямым носом. Так же как и на описанной выше личине из Макар-Висынг-Тура, надбровия показаны полуоколами. От подбородка вниз идет короткий стерженек, служивший, видимо, для прикрепления изображения к какому-нибудь предмету.

Стилистическое сходство между отмеченной группой бронзовых личин и каменными антропоморфными скульптурами, заключающееся в характерной реалистичности и в передаче некоторых деталей, позволяет в какой-то степени говорить и об их хронологической близости. Можно допустить, что ориентировочная дата для них — вторая половина и конец I тысячелетия до н. э. Насколько это предположение близко к истине, мы сможем установить, когда накопится более полный материал и появится возможность связать каменные скульптуры с целым археологическим комплексом¹.

Обратимся теперь к вопросу о возможном назначении каменных скульптур.

По данным этнографии обских угров, изображения родовых предков иногда состоят из двух частей — деревянной и металлической². Деревянные части через 3—7 лет³ меняются, что должно отражать широко распространенную идею о недрахлеющем и вечно сильном божестве⁴. Вторая часть изображения — металлические фигурки, серебряные блюда и бронзовые личины. В описаниях Гр. Новицкого мы находим:

«Тако обретохом в Шоркоровских юртах кумира единого: в среде полence от пятьдесят лет прикладными обвитое сукнами, а на верху з жести изваянная личина мало что бяше подобие человека». Или: «Кумир же бедровян, в главе же часть злата содержаща»⁵.

По указанию манси и хантов, именно эта металлическая часть и является наиболее священной⁶.

У обских угров известны и каменные изображения родовых предков. Карьяляйнен считает, что «в древности», согласно сказаниям, остяки поклонялись камням. Исходя из того, что он нигде не нашел бесспорных доказательств существования каменной скульптуры, Карьяляйнен считал, что объектами поклонения были естественные камни и скалы⁷. Кроме указанных в работе Карьяляйнена «каменных идолов» на рр. Конде и Сосве, следует отметить еще каменного всадника с р. Вогулки и каменного лося — родового предка Сотиных, почитавшегося на р. Лозьве. Есть основания для предположения, что этот лось перенесен сюда с Южной Сосвы и что именно к нему относится известное описание Палласа:

¹ К сожалению, шлем на туйской головке не дает для датировки почти никаких указаний. В степях юга России облегающие голову шлемы с ровным основанием известны в течение всего I тысячелетия н. э. Однако среди них не удалось найти ни одного вполне аналогичного нашему. Сама же по себе форма является настолько элементарной, что не может быть датирующей, тем более, что такие шлемы пока неизвестны на территории Западной Сибири. Скорее можно опереться на зубчатый орнамент. Такой орнамент имеется на шлеме из Истяцкого клада и на бронзовой личине из Леушей, что в известной степени подтверждает предлагаемую датировку.

² В. Н. Чернецов. Жертвоприношение у вогул. «Этнограф-исследователь», т. I. Л., 1927, стр. 23.

³ Л. Р. Шульц. Поездка на Салым; он же. Салымские остяки.

⁴ Фрезер. Золотая ветвь, вып. I, гл. I, 1928.

⁵ Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884, стр. 50, 57.

⁶ В. Н. Чернецов. Указ. соч.

⁷ К. Karjalainen. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki, т. II, 1922, стр. 41—42. Карьяляйнен говорит о «качающейся скале» или утесе. На Конде нет ни скал, ни утесов. Автор, видимо, пишет на основании не проверенных им лично данных. Кев-има (каменная старуха) известна на водоразделе между Юкондой и левыми притоками Оби, но, кажется, никому из исследователей не удалось до сих пор ее видеть.

«Говорят, что над Сосвою близ юрт богатого вогульца Денежкина стоит высеченный из камня волень (лосей теленок), о чудесной коего окаменелости разные носят между вогульцами басни. Над сим истуканом состроена особая юрта, и вогульцы приходят из далеких стран молить его жертвоприношением и небольшими подарками о щастливой ловле»¹.

Карьяляйнен приводит сведения о том, что у вас-юганских остяков голова родового предка — тонгха — иногда представляла собой маленький камешек, закутанный в меха и одежды. Он же приводит данные Витзена о существовании у остяков изображений родовых предков с каменными лицами².

Таким образом, повидимому, для изготовления подобных священных изображений — тонгх (ост.), пупыг (манс.) — камень применялся наряду с металлом. Возможно, что выбор этого материала определялся в какой-то мере его долговечностью.

Какие же образы связаны с родовыми изображениями и каково может быть их происхождение? В хантыйском языке слово «тонгх» является параллельным слову «хатай» и имеет значение «покойник»³ или «призрак» умершего, но такого, который на длительное время заключен в новую оболочку. В то же время оно имеет значение «идол», «изображение духа»⁴, и, наконец, наряду со значением «утопленник» оно употребляется как понятие «герой или иной человек данного рода, погибший от вражеской руки»⁵.

Карьяляйнен, анализируя понятие «тонгх», приходит к выводу, что это слово синонимично слову «ис» — душа, с той лишь разницей, что под «ис» понимается душа всякого покойника, в то время как в тонгхов могут превратиться лишь немногие выдающиеся люди. Таким образом, тонгх представляет собой «обожествленного» члена рода, обладавшего какими-то особыми качествами. Это мнение Карьяляйнена совпадает с точкой зрения Л. Я. Штернберга, считавшего, что все сильные, богатые и превосходящие в чем-либо другие люди являются избранниками⁶. Идеалистичность позиций обоих авторов помешала им вскрыть действительную причинность явлений. Как мы только что видели, необычность смерти («понравившегося духу человека») не способствует превращению его в родового предка. Причину превращения в тонгха, почитаемого после смерти, следует видеть в социальной значимости человека при жизни и той роли, которую он мог играть в кругу своих сородичей.

Возникает вопрос, в какую историческую эпоху могли получить наиболее широкое распространение «обожествления», почитания таких «выдающихся» членов рода?

Для эпохи матриархального рода наиболее характерным видом религиозных представлений являются те или иные формы тотемизма, с предком, имеющим, как правило, или зооморфный, или со смешанными чертами облик и являющимся обычно существом женского пола. Лишь с возникновением отцовского рода появляются в большом количестве антропоморфные мужские предки, в некоторых случаях вытесняющие более архаический образ пра-матери. В угорской этнографии ярким примером такой замены может служить Мир-сусне-хум, заслонивший древний образ фратриальной прародительницы Кальташ. Особенно же интенсивно происходит процесс появления мужских духов-предков в обстановке образования поздних филиальных родов. Процесс этот протекает в условиях усиливающихся военных столкно-

¹ Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. II, кн. 1, СПб., 1786, стр. 332.

² K. Karjalainen. Указ. соч., т. I, стр. 49.

³ Там же.

⁴ A. Alquist. Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Helsingfors, 1880, стр. 99.

⁵ H. Paasonen. Ostjakische Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Helsingfors, 1929, стр. 259.

⁶ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 65—66, 92, 94.

вений и вызванных ими перегруппировок и переоценок в пределах родовой верхушки, возрастания роли военного вождя, переоформления племенного устройства, т. е. всех тех процессов, которые исследователями сопоставлялись с ранними формами военной демократии. Фольклорный материал и анализ состава некоторых современных родов обских угров дают достаточно оснований для определения конгломератности многих поздних родов. Филиация и слияние родов находят достаточно четкое отражение в составе родовых предков. Примером такого слияния может служить селение Нярыхумит на Оби, в котором с основным ныне родом Ярких, являющимся в свою очередь филиальным, слились осколки нескольких других родов. Предки их почитаются в этом селении наряду с предком основного рода Ярких.

Отражение этого процесса можно наблюдать во многих расселенных на громадной территории филиальных родах, предки которых хотя и сохраняют по традиции некоторые тотемные черты, но, как правило, рисуются в образе «таля-хынг кентуп хум» [«человек (мужчина) в шлеме»], т. е. воина.

Считалось, что человек, бывший защитником и вождем при жизни, оставался им же после смерти, став тонгхом.

В представлении обских угров, в черепе обитает главная возрождающаяся душа. Это вызывает к нему особое отношение. Существует, например, обычай хранить медвежьи черепа на определенном для каждого рода месте или обычай скальпирования¹, известный у обских угров по историческим и фольклорным данным. Археологический материал также позволяет говорить об особом отношении к черепу. Характерны некоторые погребения Ананьинского могильника, отличавшиеся своими погребальными сооружениями и богатым военным инвентарем и содержавшие лишь остатки черепов².

Этнографам хорошо известны факты хранения черепов вождей в святилищах³. В Сибири встречается обычай сохранения сородичами в доме костей наиболее выдающихся и почитаемых членов рода, особенно родоначальников. Можно сослаться хотя бы на материалы по этнографии якутов и юкагиров⁴.

В хантыйском языке слово «тонгх» имеет параллельную форму «сонгет» со значениями: «покойник», «душа умершего», «изображение покойника», сохраняющее и значение «череп»⁵. Б. Мункачи предполагает, что оба эти слова происходят от одной основы⁶.

Приведенный материал указывает на путь развития антропоморфных изображений родовых предков — от сохранения их костных остатков, в первую очередь черепа, к изображению личин, заменяющих череп. В качестве материалов для этих изображений естественно употреблялись как наиболее прочные металл и камень. Применение камня для «лиц идолов» засвидетельствовано Витзенем (см. выше).

Следует еще остановиться на некоторых частных вопросах. Прежде всего несколько слов о двуликом изображении. Оно немного отличается от других формой стержня, заставляющей предполагать, что этот предмет представлял собой нечто вроде булавы или палицы. Полную аналогию ему можно найти среди объектов почитания рода Сампильталовых на Сосве. Предком

¹ С. Патканов. Фольклор иртышских остяков. Ч. II. СПб., 1900, стр. 27—28, 30, 31, 35.

² П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Каз. ун-те», т. X, вып. 4, 1892, стр. 422—428.

³ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1933, стр. 303.

⁴ А. П. Окладников. История Якутии. Ч. 1, стр. 222—223. В параллель обычаям, известным по этнографии якутов и юкагиров, можно привести характер мумификации в 5-м Пазырыкском кургане, где были обнаружены кости, зашитые в кожу.

⁵ А. Alquist. Указ. соч., стр. 140.

⁶ В. Munkasci. Götzenbilder u. Götzengeister im Volksglauben der Wogulen. Стр. 90 (Kel. Szem., v. VII, 1906).

рода является Лептыт-ойка — «Старик устья реки Леплы» — лось, представленный отлитой из олова фигуркой этого животного. Боевым его товарищем считается Сяж-ойка — «Старик-палица», представленный на священном месте биметаллическим клевцом, насаженным на небольшую деревянную рукоять. Нам неизвестны генеалогические взаимоотношения между Лептыт-ойкой и Сяж-ойкой, но, насколько можно судить по преданию, Сяж-ойка был одним из военных вождей рода Вит-яллинг, основного рода на Лозье. Самый сюжет двуликости также известен у обских угров. Среди предков родов Средней Оби известен Двуликий Дух, обитающий где-то в «вершинке Чемашевой речки». Танец его исполняется на фратриальном празднике Пор в селении Вежакары, где Дух изображается с двумя лицами и четырьмя руками. Более детально характер этого существа не выяснен.

Дать объяснение изображению коня пока затруднительно. В религиозных представлениях обских угров коню принадлежит немаловажная роль. Образ Мир-сусне-хума — небесного всадника — тесно связан с конем, иногда крылатым. Образ всадника имеют и некоторые другие фольклорные герои. Но нигде конь не выступает в роли самостоятельного божества или тотема; он постоянно фигурирует в качестве жертвенного животного, видимо замещающего убиваемого бога. Эта сторона религиозных представлений обских угров еще недостаточно изучена, особенно в части генезиса. Поэтому следует воздержаться от окончательного суждения о том, имели ли эти изображения характер основных родовых тотемов или служили изображениями боевых коней, принадлежавших героям, что мы видели в отношении коня Мир-сусне-хума.

Реалистичность антропоморфных скульптур, и особенно туйской головки, позволяет рассматривать их как ценный материал для определения антропологического типа обитателей Среднего Прииртышья. Резко выраженный своеобразный европеоидный тип дает при этом неожиданно новое направление в постановке вопросов этногенеза племен Прииртышья. По мнению Т. А. Трофимовой, в изображении лица туйской скульптуры можно видеть представителей того южного восточно-средиземноморского типа, который во II — I тысячелетиях до н. э. был широко распространен на территории Закавказья, Передней и, повидимому, ряда областей Средней Азии. К этому типу, в частности, относятся черепа припамирских скифов из раскопок А. Н. Бернштама в Таджикистане, описанные В. В. Гинзбургом (не опубликовано). Не исключено, что к этому же типу должны быть отнесены и некоторые черепа, встречающиеся в усуньских погребениях из Чильпекского и Каракольского могильников Киргизской ССР. Встречающийся еще и теперь среди манси Северного Урала темный длинноголовый, европеоидный тип, установленный экспедицией Музея антропологии в 1939 г., может быть связан с восточно-средиземноморским типом, проникшим с юга на Урал и в Западную Сибирь еще в древности¹. На древние южные элементы и связи в этногенезе манси есть указания в этнографических материалах. Для окончательного решения вопроса об участии в антропологическом формировании приобских угров восточно-средиземноморского типа нужны палео-антропологические данные. Почти полное отсутствие костного материала с этой территории не дает, к сожалению, возможности решить этот вопрос.

¹ Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЭ, № 3, 1949, стр. 54—68; Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова. Антропологическое изучение манси. КСИИМК, вып. IX, стр. 28—37; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949, стр. 22—25.

Приведенное антропологическое определение сделано Т. А. Трофимовой специально для этой статьи.

В. М. РАУШЕНБАХ

КЕРАМИКА ШИГИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основной работой по шигирской культуре является до сих пор работа П. А. Дмитриева «Шигирская культура на восточном склоне Урала»¹. При всех достоинствах этого труда, основанного на многолетнем изучении фондов в московских, ленинградских и уральских музеях и на собственных раскопках, П. А. Дмитриев допустил в нем одну ошибку.

Большая часть находок, которыми оперировал Дмитриев, сделана на Шигирском торфянике. Научных раскопок там не проводилось, поэтому добытый при разработке торфяника материал поступил в музей Уральского общества любителей естествознания без разделения вещей по слоям или по отдельным местам находок. Правда, В. Я. Толмачев попытался выделить предметы по глубинам их залегания в различных слоях торфа, сапропеля, глины, золотоносного песка. Но это ему удалось только частично². В. Я. Толмачев, повидимому, слишком доверял показаниям лиц, сделавших своей профессией хищнические раскопки и продажу древностей, что широко практиковалось на Урале в дореволюционное время. Находки продавались частным коллекционерам, а также музею Уральского общества любителей естествознания, в котором богатая коллекция с Шигирского торфяника составлена преимущественно из таких покупок. Торговцы древностями преувеличивали глубину залегания вещей с целью повысить цену. Доверяя им, В. Я. Толмачев пришел к общему выводу, что большинство находок на Шигирском торфянике, в том числе и поздние бронзовые предметы, найдены в нижних слоях, под торфом.

Правда, некоторые исследователи, как Малахов и Клер, определенно датировали часть стоянок Среднего Урала неолитом. Однако эти стоянки не были торфяниковыми и не принимались в расчет при датировке шигирских находок, тем более, что до последнего времени уральские торфяники считались очень молодыми и их нижние слои относили к концу суббореального периода.

Поэтому понятно, что П. А. Дмитриев рассматривал весь материал с Шигирского торфяника как единый комплекс, что привело к ошибочным заключениям относительно времени возникновения шигирской культуры.

В качестве датирующих вещей П. А. Дмитриевым были выделены: наконечники стрел срубного типа; лосиные головки из рога, близкие по стилю и трактовке к ножу из Сейминского могильника; глиняные плоскодонные сосуды, аналогичные сосудам Челябинских и Андреевских курганов, с

¹ МИА, XXI. М. 1951.

² В. Я. Толмачев. Древности Восточного Урала. «Зап. УОЛЕ», т. XXXIV, вып. 9 и 10.

мелкозубчатым орнаментом в виде заштрихованных треугольников и ромбов с меандровым узором, характерные для андроновской культуры; обломок литейной формы для отливки кельта сейминского типа с Горбуновской стоянки (1-й Береговой). Все эти вещи датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. Позднюю дату шигирской культуры П. А. Дмитриев устанавливал по нахождению на территории ее распространения более поздних коллективных памятников, а также по тем предметам, которые хотя и были найдены, но не вошли в комплекс характеризующих эту культуру вещей, среди которых он называет: 1) литейную форму для отливки кельта с Палкинской стоянки; 2) кельты с Шигирского торфяника и с Ирбитского озера, близкие по форме к ананьинским; 3) треугольные скифские стрелы с Аятского озера и с Шигирского торфяника. Эти вещи указывают на время, близкое к ананьинскому, на основании чего конечной датой шигирской культуры П. А. Дмитриев считает VIII в. до н. э.

Характеристика П. А. Дмитриева шигирской культуры в целом, выделение датирующих вещей и характеристика керамики не могут вызвать ни возражений, ни сомнений. Но с двумя положениями П. А. Дмитриева трудно согласиться: во-первых, с датой начала шигирской культуры, установленной им в пределах второй половины II тысячелетия до н. э.; во-вторых, с тем, что в шигирской культуре обнаруживается большое влияние андроновской культуры и что это влияние прослеживается почти на всех памятниках Среднего Урала.

До последних лет на Восточном Урале насчитывалось очень мало памятников, которые подвергались тщательному научному исследованию. К их числу следует отнести стоянки Горбуновского торфяника, исследованные Д. Н. Эдингом, стоянку Калмацкий Брод и группу тюменских стоянок, раскопанных П. А. Дмитриевым. Весь остальной огромный материал со стоянок — Палкинской, 1-го и 2-го Карасьего озера, Шигирского торфяника и других — состоит из случайных находок или получен путем сборов. Это чрезвычайно усложнило изучение материала, так как по перечисленным памятникам почти нет стратиграфических данных, имеющиеся же недостаточно точны. Поэтому датировать тот или иной памятник было чрезвычайно трудно. Большую ценность для изучения прошлого Восточного Урала представляют работы Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике, где им раскопаны три стоянки: Стрелка у слияния двух осушительных капитальных канав с ручьем Чащихой, пересекающим торфяник; стоянка на 6-м разрезе¹ и 1-я Береговая на восточном берегу торфяника.

Стоянка у 6-го разреза оказалась очень интересным памятником прежде всего потому, что здесь было прослежено два одновременных горизонта, разделенных стерильной прослойкой торфа до 22 см в одном конце стоянки и значительно более мощной — в другом. Кроме того, в верхних слоях торфа, выше этих горизонтов, были обнаружены пятна третьего слоя значительно более позднего времени.

Средний слой хорошо датируется находкой медного вислообушного топора срубного типа, примерно третьей четверти II тысячелетия до н. э. В самом верхнем слое обнаружены глиняные тарелки с меандровым орнаментом и литейная форма для отливки копья эпохи поздней бронзы, по которой слой может быть датирован. И, наконец, 1-я Береговая стоянка также может быть легко датирована (примерно XII—XI—X вв. до н. э.) находкой литейной формы для отливки кельта сейминского типа.

Более древней является стоянка Стрелка, которую Д. Н. Эдинг начал раскапывать еще в 1932 г. Дальнейшие исследования этого памятника производились А. Я. Брюсовым. Д. Н. Эдингом была вскрыта небольшая пло-

¹ «Разрез» — термин, принятый торфоведами для обозначения полос выемок торфа.

щадь стоянки, где, кроме орудий из камня и рога, оказались кости лося. Так как археологический материал был невелик, а кости лося встречались в очень большом количестве, то Д. Н. Эдинг считал стоянку эпизодом из жизни охотничьего общества¹, т. е. кратковременным стойбищем первобытных охотников. Дальнейшие раскопки А. Я. Брюсова заставили отказаться от этого предположения и считать Стрелку постоянным поселением первобытного человека. Стратиграфия стоянки следующая: от 0 до 0,62 м идет лесной торф; с 0,63 до 0,95 м — торф с большим количеством древесных остатков; с 0,95 до 1,00—1,10 м — сапрпель, ниже которого залегает синяя глина, иногда с прослойкой песка между нею и сапрпелем. Культурный слой лежит непосредственно на сапрпеле, но иногда находки встречаются в верхней части подстилающей его болотной глины. Эта стоянка по условиям залегания является наиболее древней не только среди памятников Горбуновского торфяника, но и среди всех стоянок Восточного Урала, которые подвергались научным исследованиям. Пыльцевой анализ торфа Стрелки, произведенный в Институте торфа С. Н. Тюремовым по пробам из культурного слоя и по нагару из сосуда с участка № 41 аб, указывает на значительную древность — на Атлантический период. Процент пыльцы основных пород деревьев оказался в обоих случаях одним и тем же. Следовательно, Стрелку мы можем датировать концом Атлантического периода.

Таким образом, материал с различных поселений Горбуновского торфяника дает ряд оснований для датировки других памятников Восточного Урала: стоянку Стрелку, датируемую на основании стратиграфии, анализа керамики (о чем ниже) и пыльцевого анализа концом Атлантического периода, т. е. между серединой и концом III тысячелетия до н. э.; стоянку на б-м разрезе (средний слой), датируемую примерно третьей четвертью II тысячелетия до н. э.; 1-ю Береговую стоянку второй половины того же тысячелетия и, наконец, верхний культурный слой на б-м разрезе, относящийся уже к позднебронзовому веку.

Как уже говорилось, шигирскую культуру датируют обычно промежутком времени от XIII до VIII в. до н. э. Ввиду того, что эта дата в значительной степени основана на сопоставлении типов шигирской и андроновской керамики, мы остановимся на подробном анализе первой из них, постараемся установить последовательное развитие ее типов и определить, какие из них можно считать заимствованными из андроновской культуры, в какое время и чем это обусловлено.

Ознакомление с материалами из старых раскопок и сборов, а главное, с новым материалом дает возможность несколько иначе характеризовать путь развития керамики шигирской культуры, чем это делалось раньше. Отправным пунктом нашей работы послужит материал со Стрелки на Горбуновском торфянике, поскольку эта стоянка пока является наиболее древней из всех научно исследованных стоянок Восточного Урала.

Большая часть черепков со Стрелки принадлежит сосудам, изготовленным из глины с примесью дресвы, меньшая — из глины с примесью дресвы и талька. Основная часть черепков орнаментирована вдавлениями косого и прямого зубчатых штампов (рис. 18—1, 2, 3). Линии оттисков чаще всего волнообразные, орнамент наносился тем же зубчатым штампом, но с постановкой его несколько под углом к поверхности сосуда. Иногда такие оттиски образуют небольшой треугольник, внутреннее пространство которого заштриховано параллельными линиями; но соседний треугольник в таком случае наносился несколько под углом к первому (рис. 18—4); иногда треугольники ограничены зоной волнообразных линий, нанесенных тем же штампом. Следует особенно подчеркнуть стремление к выделению различных зон узоров, выполненных, однако, одним и тем же видом зубчатых оттисков.

¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, 1940, стр. 20.

Вторым характерным элементом в орнаменте на керамике со Стрелки является струйчатый и различные его варианты. Он чаще всего встречается в сочетании либо с прямым, либо с косым зубчатым, послужившим, вероятно, прототипом псевдозубчатого (рис. 18—5). Струйчатый орнамент нанесен, по видимому, при помощи того же зубчатого штампа, движение которого по поверхности сосуда оставляло, в зависимости от силы надавливания, то едва заметные углубления, то глубоко прочерченные желоба (рис. 18—5, 6).

Среди элементов орнамента со Стрелки встречаются также прочерченные линии, но в значительно меньшем количестве. Черепки с прочерченным орнаментом обычно принадлежат сосудам из глины с примесью талька; они всегда тонкостенны; их толщина редко превышает 5 мм. Прочерченный орнамент встречается преимущественно в сочетании с ямчатыми вдавлениями (рис. 18—8). На этих черепках можно проследить тенденцию к заполнению пространства узором из различных треугольников (рис. 18—8, 9). Несколько черепков орнаментировано так называемой шагающей гребенкой; но в керамике со Стрелки этот мотив встречается очень редко (рис. 18—7). Все сосуды круглодонные. Фрагментов днщ или обломков, близких ко дну, встречено несколько, и ни на одном из них нет намека на плоское дно. Края у сосудов обычно прямые, с округлым бортиком и с напльвом на внутренней поверхности у самой шейки. Лишь иногда края слегка загнуты внутрь, особенно у небольших сосудов типа чашек.

Несколько более поздним памятником является стоянка Полуденка 1 возле Н. Тагила, раскопанная О. Н. Бадером, который намечает здесь два культурных горизонта, различающихся по цвету и в какой-то степени по материалу. Но так как стерильной прослойки между горизонтами нет, то О. Н. Бадер делает заключение о наличии двух слоев только предположительно. Ему удалось, однако, проследить, что керамика с волнистым или струйчатым орнаментом происходит главным образом из нижнего горизонта культурного слоя¹. Он отмечает, что бо́льшая часть глиняных сосудов имеет полуяйцевидную форму, шейки их слегка уплощены. Расположение орнамента на керамике зональное, причем преобладают зубчатые и гребенчатые элементы (рис. 18—11, 12). Струйчатый орнамент часто чередуется с зубчатым. Перед нами то же самое, что и на Стрелке (рис. 18—13).

Если в керамике со Стрелки стенки сосудов были либо прямыми, либо с небольшим загибом краев внутрь, т. е. имели чашеобразную форму, то в керамике Полуденки 1, кроме этих черт, столь характерных для ранней стадии, появляются новые элементы формы: некоторая раздутость боков и слегка отогнутый край (рис. 18—10). Эти сосуды частично еще сохраняют ранние элементы орнамента (найлены обломки с волнистым узором). Основная же масса керамики из верхнего горизонта орнаментирована оттисками зубчатого штампа, но в узорах появляются первые признаки так называемых андроновских элементов — треугольники, заполненные штриховкой². В нанесении нового орнамента нет четкости и строгости, столь характерных для андроновской керамики; штриховка треугольников, как правило, не идет параллельно одной из их сторон, что так строго соблюдается на сосудах андроновской культуры; кроме того, еще встречаются заштрихованные треугольники в сочетании со струйчатым орнаментом. Среди обломков сосудов, орнаментированных оттисками зубчатого штампа, уже намечаются элементы, близкие к орнаментике 2-й Береговой стоянки, но, как указывалось выше, в массе своей эта керамика ближе всего стоит к керамике Стрелки.

¹ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 143.

² О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 147.

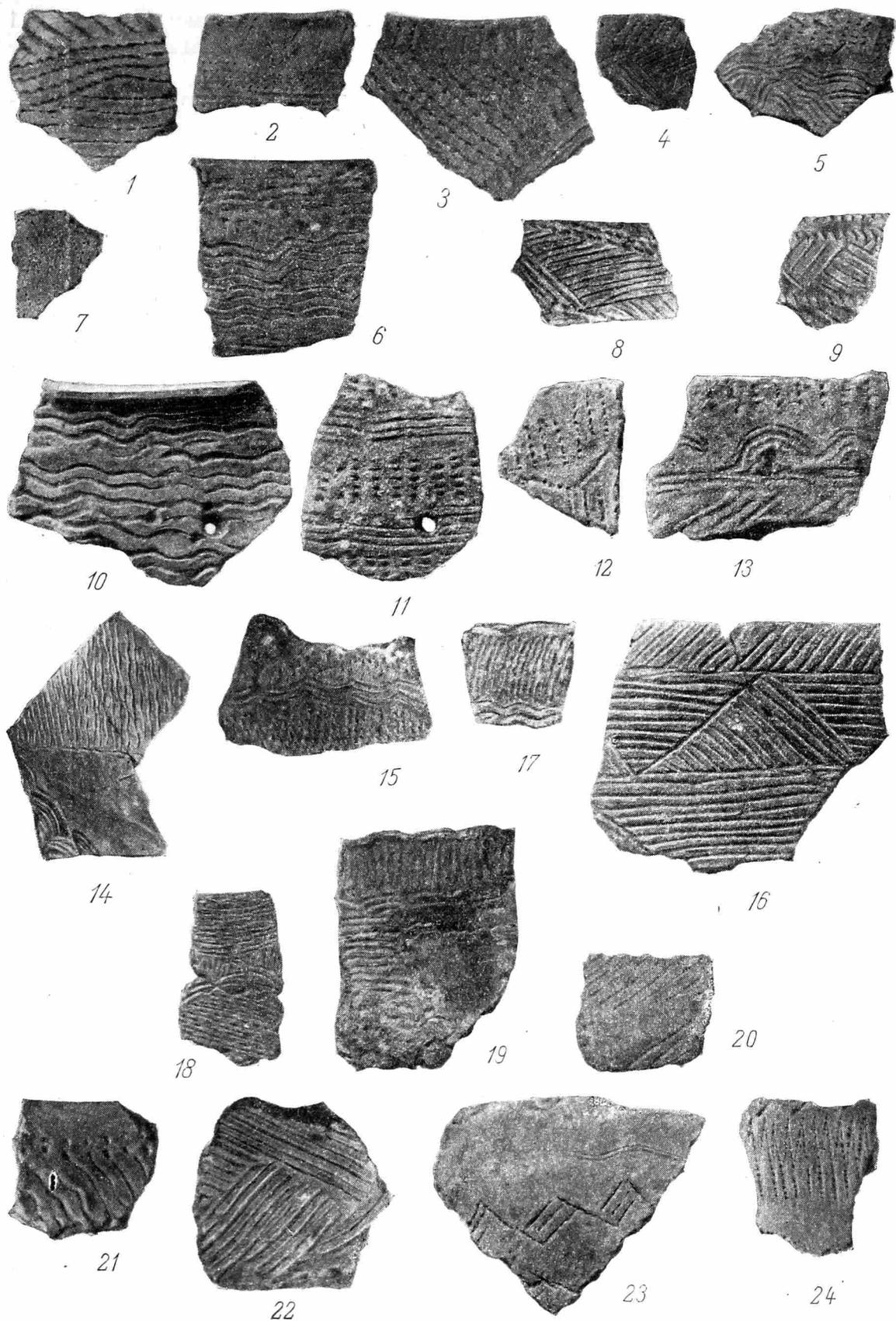

Рис. 18. Керамика шигирской культуры

1—9— со стоянки Стрелка; 10—13 — со стоянки Полуденка 1; 14—20— из нижнего слоя стоянки у 6-го разреза; 21—24 — со стоянки Полуденка 2

В последней своей работе О. Н. Бадер датирует стоянку Полуденка 1 концом III или началом II тысячелетия до н. э.¹ Эта дата не вызывает сомнений.

На Стрелке, так же как и на Полуденке 1, встречаются черепки с орнаментом из треугольников. Таким образом этот тип узора надо отнести к ранней керамике шигирской культуры, к тому времени, когда не могло быть и речи о связях племен этой культуры с андроновцами. Следовательно, мы имеем дело только со случайным совпадением в узорах, возникших в разных местах вполне самостоятельно. Рассматривая их внимательнее, можно заметить значительные различия в деталях. В керамике со Стрелки треугольники крупных размеров; на сосудах Полуденки 1 они уменьшаются до небольших треугольников, заполненных небрежной штриховкой. Ни те, ни другие не похожи на заштрихованные треугольники в орнаменте андроновских сосудов. В частности, сочетание двух полос треугольников на сосудах из Полуденки 1 несвойственно андроновской керамике²; в нижнем ряду треугольники на сосудах Полуденки 1 заштрихованы отпечатками отступающей лопаточки — элемент орнамента, совершенно чуждый андроновской культуре. Характерно также значительное количество на Полуденке 1 черепков от сосудов с орнаментом в виде горизонтальных волнистых линий, опять-таки чуждых узорам на андроновских сосудах. Иными словами, о керамике Стрелки и Полуденки 1 можно говорить как о безусловно местной и считать узоры из треугольников не заимствованными откуда-то, а дальнейшим развитием местной традиции.

По керамике из других стоянок Восточного Урала ближе всего к Стрелке стоит нижний культурный слой стоянки у 6-го разреза (с глубины в 2 м). Здесь мы также находим различные варианты струйчатого орнамента (рис. 18—14, 15), нанесенного глубокими или поверхностными вдавлениями, стремление к разделению на треугольные зоны (рис. 18—16). Псевдоверевочный элемент орнамента достигает наибольшего развития; если в материале Стрелки порой трудно различить псевдозубчатые отпечатки особого варианта от зубчатых, то в материале с 6-го разреза отчетливо выражена эта своеобразная техника нанесения орнамента отступающей лопаточкой (рис. 18—17, 18). Отпечатки принимают более округлую форму и, поставленные близко друг к другу, производят впечатление чешуйчатости. Тальк в качестве примеси начинает применяться чаще дресвы. Края сосудов по-прежнему прямые, но обрез края делается иногда волнистым (рис. 18—19, 20). Профиль продолжает оставаться тем же, сохраняя прямые стенки.

Стратиграфически нижний слой 6-го разреза следует отнести к более позднему времени, чем Стрелку. Культурный слой здесь залегает в нижней части торфа и заходит в сапрпель, однако не проходя всей толщины его и не доходя до подстилающей глины, что было отмечено в стратиграфии Стрелки. Широкое распространение псевдозубчатого орнамента, еще редко встречаемого в керамике Полуденки 1, заставляет считать его и более поздним, чем Полуденка 1, т. е. примерно начала II тысячелетия до н. э.

Несколько более поздний облик имеет керамика со стоянки Полуденка 2, раскопанной Н. П. Кипарисовой³. Эта стоянка расположена в 200—300 м от Полуденки 1. Керамику Полуденки 2 можно разделить на две группы. Первая представлена небольшим количеством черепков с большой примесью дресвы и малой — талька. Эта группа керамики отличается от основной мас-

¹ О. Н. Бадер. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ Тагила. Первое Уральское археол. совещ. Свердловск, 1948, стр. 40; Е го же. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, № 2, 1949.

² О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 146.

³ Пользуюсь случаем принести благодарность Н. П. Кипарисовой за разрешение опубликовать образцы керамики из ее раскопок.

сы большей толщиной стенок. Профиль у сосудов преимущественно прямой (рис. 18—21, 22). Орнамент состоит главным образом из волнообразных струйчатых узоров или прямых прочерченных линий. Иногда встречается сочетание элементов струйчатого орнамента с шагающей гребенкой, но особенно часто — прочерченные линии в сочетании со струйчатыми. В этих случаях струйчатые узоры расположены на верхнем крае внутренней поверхности сосудов.

Вторая группа керамики отличается примесью к глине талька. Профиль сосудов все еще прямой и неосложненный, но уже заметна легкая отогнутость края. Сосуды эти всегда тонкостенны. Орнамент в основном представлен различными вариантами оттисков зубчатого штампа, часто узкого, преимущественно в виде шагающей гребенки (рис. 18—24). Если в материале таких древних стоянок, как Стрелка, почти совсем нет псевдозубчатого орнамента или орнамента, выполненного техникой отступающей лопаточки, то здесь они встречаются довольно часто, хотя и не имеют еще такого широкого развития, как на более поздних памятниках.

На сосудах этой стоянки, более поздней, чем Полуденка 1 и стоянка на 6-м разрезе (нижний слой), появляются в орнаменте ромбы, нанесенные гребенчатым штампом, близкие к тем, которые в более позднее время в уральской керамике было принято называть андроновскими элементами. Орнамент с ромбом безусловно местный (рис. 18—23). О сравнительно поздней дате Полуденки 2 говорит найденный здесь обломок уплощенного дна, хотя большинство сосудов еще сохраняет круглодонность. Узоры на сосудах становятся разнообразнее, появляются настолько тонкие оттиски зубчатого штампа, что в дальнейшем они переходят в накольчатые полосы. Следует отметить единичные случаи «копытного» элемента орнамента, столь характерного для керамики поздней стадии шигирской культуры. Что касается даты, то стоянка Полуденка 2 несколько более поздняя, чем Полуденка 1, но она, несомненно, должна быть древнее стоянки второго слоя на 6-м разрезе, где в керамике, как мы увидим ниже, получают развитие так называемые андроновские элементы. Следовательно, Полуденку 2 можно датировать еще первой половиной II тысячелетия до н. э.

Наиболее интересным памятником последующей стадии развития шигирской культуры является исключительная по материалу стоянка второго культурного слоя на 6-м разрезе Горбуновского торфяника. Д. Н. Эдинг в своих трудах по раскопкам не дал, к сожалению, характеристики керамики отдельно по различным глубинам ее залегания. Это объясняется тем, что в южной, повышенной части 6-го разреза второй и нижний слой почти сливаются, и лишь иногда их разделяет узкая стерильная прослойка, толщиной около 22 см. Резко разделены эти слои прослойкой в 50—60 см только в северной части. Основные работы Д. Н. Эдинга были сосредоточены именно в южной части, где, повидимому, были расположены жилища и где было сделано особенно много находок. Вполне естественно, что Д. Н. Эдинг очень осторожно высказал предположение о возможности существования двух культурных слоев на 6-м разрезе¹, где к тому же он раскопал сравнительно небольшую площадь.

Керамика из второго слоя на 6-м разрезе часто сделана из глины с примесью кусочков плохо измельченного талька. Профили сосудов уже несколько осложнены, край их обычно слегка отогнут, а шейка довольно хорошо выражена и иногда выполнена рельефными поясками. Черепки по большей части тонкостенные. Обжиг хороший. Орнамент на сосудах заметно отличается от орнамента на сосудах Стрелки и Полуденки 1. Наряду с очень незначительным количеством струйчатого элемента (рис. 19—1) гос-

¹ Д. Н. Эдинг. Материалы по изучению Тагильского округа. Горбуновский торфяник. Н. Тагил, 1929.

подступающее место завоевывают новые черты. Появляются параллельные широкие прочерченные полосы (рис. 19—2-5). Если в керамике со Стрелки орнаментальные треугольники делались больших размеров, то теперь, наряду с ними, встречаются маленькие треугольники, тщательно заполненные полосками зубчатого штампа; есть ромбы, такие же, как на сосудах с Полуденки 2; наконец, появляется узор из равнобедренных треугольников, заштрихованных оттисками очень тонкого зубчатого штампа параллельно одной из сторон (рис. 19—6, 7). Все это — поздние, близкие андроновским, элементы орнамента, которые, повидимому, являются отражением влияния андроновской культуры. Но профили сосудов свидетельствуют о безусловно местном происхождении последних. Заштрихованные же треугольники и ромбы в орнаменте на сосудах шигирской культуры вообще имеют, как мы видим, древнюю традицию.

В материале среднего слоя 6-го разреза найден бронзовый вислообушный топор, дата которого колеблется между XVIII в. и концом II тысячелетия до н. э.¹ Средний слой 6-го разреза стратиграфически расположен под слоем погребенного лёсса, относящегося к пограничному горизонту, который большинство торфоведа датирует серединой II тысячелетия до н. э. Однако наличие в керамике этого слоя безусловно андроновских элементов не дает возможности пока считать эту стоянку древнее третьей четверти II тысячелетия.

Итак, мы видим, что в орнаментации керамики шигирской культуры совершенно самостоятельно сложились к третьей четверти II тысячелетия до н. э. (дата второго культурного слоя на 6-м разрезе) элементы, близкие орнаменту на сосудах андроновской культуры. Это создало благоприятную основу для восприятия в дальнейшем андроновской орнаментики, когда во второй половине II тысячелетия до н. э. развились и упрочились связи между племенами шигирской и андроновской культур.

На восточном берегу Горбуновского торфяника Д. Н. Эдингом была раскопана стоянка, давшая очень много материала. Эту стоянку принято называть 1-й Береговой в отличие от 2-й Береговой, открытой и частично раскопанной А. Я. Брюсовым в 1948 и 1949 гг. Керамика 1-й Береговой стоянки большей частью представлена черепками с примесью дресвы и в меньшей степени — талька и слюды. Сосуды довольно тонкостенные, толщина стенок не превышает в общем 6—7 мм, а порою доходит до 3—4 мм. Сосуды орнаментированы преимущественно различными вариантами зубчатого штампа. Встречаются ломаные линии, одинарные и двойные (рис. 19—8, 9), часто попадает элемент орнамента в виде двух прямых параллельных линий, причем пространство между ними заполнено оттисками того же зубчатого штампа (рис. 19—8); иногда короткие оттиски зубчатого штампа, поставленные рядом, составляют ломаные линии в виде зубчатых полос (рис. 19—9).

Иногда сосуд покрывался сложным орнаментом в виде полосы зубчатых вдавлений и прилегающих к ним треугольников, заполненных такими оттисками (рис. 19—10-12); последний тип близок к некоторым орнаментам на сосудах андроновской культуры. Однако и здесь еще нет характерной заштриховки поля треугольника параллельно одной из сторон. В керамике 1-й Береговой уже встречаются элементы, очень близкие к андроновским и не выводимые из местных типов; так, следует отметить меандровый узор, в сочетании с характерными для андроновского орнамента желобками (рис. 19—13). Но в общей массе эти элементы редки, и основная группа

¹ Б. А. Куфтин датирует медный вислообушный топор концом III и началом II тысячелетия («Вестн. Гос. музея Грузии», 1944, т. XII). А. А. Иенсен датирует медный топор около 1700 г. («К хронологии больших кубанских курганов». СА, XII, стр. 169).

Рис. 19. Керамика шигирской культуры

1-7 — из среднего слоя стоянки у 6-го разреза; 8-13 — с 1-й Береговой стоянки; 14-16 — со 2-й Береговой стоянки; 17-24 — со стоянки Калмацкий Брод

керамики отличается местным колоритом, обычным для шигирской культуры. 1-я Береговая стоянка хорошо датируется по находке литейной формы для отливки кельта сейминского типа примерно началом четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

Повидимому, примерно к этому же времени относится и материал 2-й Береговой стоянки, керамика которой по характеру орнамента близка 1-й Береговой. Здесь также основными элементами орнамента являются различные варианты зубчатого штампа (рис. 19—14). Иногда поверхность сосуда покрывалась как бы сеткой из ромбов (рис. 19—15), выполненной отпечатками того же штампа. Стенки сосудов 1-й и 2-й Береговой стоянок по большей части прямые, редко с отогнутым наружу краем; последний чаще встречается в керамике 2-й Береговой (рис. 19—16).

Ко второй и третьей четверти II тысячелетия до н. э. относится, повидимому, стоянка Калмацкий Брод, раскопанная П. А. Дмитриевым неподалеку от г. Свердловска¹.

Сосуды из Калмацкого Брода изготовлены очень тщательно, из глины с примесью талька, реже дресвы и еще реже — слюды. Днища по большей части плоские, но бытовали также сосуды с округлым дном, судя по изгибу нескольких черепков, близких ко дну. Стенки сосудов двух типов — прямые и со слегка отогнутыми краями. Основные элементы орнамента — различные варианты зубчатого штампа с прямой, иногда с косой нарезкой; попадают черепки, украшенные наколом (рис. 19—17-19); псевдоверевочный элемент (рис. 19—20) встречается относительно реже, еще реже — простой и перевитой шнур (рис. 19—21). Оттиски зубчатого штампа чаще всего образуют различные ломаные линии, четырехугольники, заполненные внутри зубчатыми полосами, сочетания ломаных зубчатых линий с округлыми ямками. Края у таких сосудов обычно прямые. Следует отметить также сочетания зубчатых оттисков с желобчатыми и с прочерченными линиями, реже зигзаговых линий с оттисками веревочки. Вариант узора в виде шагающей гребенки на сосудах в этой стоянке очень редок, зато часто встречается различного вида прочерченный орнамент, иногда очень похожий на оттиски зубчатого штампа и отличающийся только отсутствием зубцов (рис. 19—22). Струйчатый орнамент, столь характерный для керамики ранней шигирской культуры, употреблялся редко, в более сложных комбинациях.

Что касается элементов орнамента, близких к андроновским, то в керамике Калмацкого Брода они выступают уже отчетливее, хотя и в небольшом количестве. Так, найдены черепки сосудов, орнаментированные полосой ромбов, заштрихованных глубокими желобками, но на углах ромбов сделаны ямки, чего нет в керамике андроновской культуры. Имеются обломки довольно тонкостенных сосудов (до 8—9 мм) с очень слабо отогнутыми краями, обрезы которых округлены и не орнаментированы; наружная поверхность украшена по краю тремя широкими желобками, ниже располагаются косые заштрихованные треугольники, окаймленные маленькими треугольными вдавлениями (рис. 19—23). Орнаментация косыми треугольниками весьма типична для андроновских сосудов, но здесь нет свойственной андроновской культуре строгости штриховки треугольников параллельно одной из сторон. Несколько ближе к андроновскому орнаменту узор из зигзаговых линий, выполненных наколом, которым, повидимому, покрывалась вся внеш-

¹ П. А. Дмитриев датировал эту стоянку XIII—VII вв. до н. э. Основывая свою датировку на аналогиях с материалами из 6-го разреза Горбуновского торфяника, П. А. Дмитриев, следуя за Д. Н. Эдингом, брал их суммарно, не распределяя по слоям. А так как в верхнем слое 6-го разреза были тарелки с меандровым орнаментом и форма для отливки копья, которую он относил к ананьинскому времени, то естественно, что конечную дату стоянки Калмацкий Брод П. А. Дмитриев отнес уже к VII в. до н. э.

няя и даже внутренняя поверхность по краю (рис. 19—19). Среди 12 тыс. обломков сосудов со стоянки Калмацкий Брод лишь несколько черепков, возможно даже от одного сосуда;— полностью андроновского облика. Орнамент на этом сосуде состоит из полос, треугольников, выполненных оттисками мелкого зубчатого штампа (рис. 19—24).

Мы видим, таким образом, что близкие к орнаменту андроновской культуры элементы в керамике Калмацкого Брода выражены еще довольно слабо, хотя уже несколько ярче, чем в материале ранее рассмотренных стоянок. И все же, за исключением указанного выше случая, они не повторяют полностью андроновских узоров, а как бы представляют своеобразную трактовку их, сохраняя свои древние традиции. Это становится очевидным при рассмотрении профилей тех сосудов, в орнаменте которых встречаются андроновские элементы. Эти сосуды, как правило, не имеют четко выраженного уступа при переходе от шейки к туловищу, который характерен для андроновских сосудов конца II тысячелетия до н. э.¹

Близкой к Калмацкому Броду является Палкинская стоянка, расположенная у д. Палкино на берегу р. Исети. Керамика ее была тщательно обработана О. М. Клером и К. И. Фаддеевым². По их мнению, стоянка Палкино относится к переходной эпохе между каменным и металлическим веками на Урале. Формы и размеры сосудов Палкинской стоянки очень разнообразны. Одни из них имеют сильно отогнутые края, вздутые бока и плоское дно; другие — прямые края и, по словам Клера и Фаддеева, по всей вероятности, — вид цилиндра или усеченного конуса; чаще всего встречаются сосуды с боками, отходящими от дна под тупым углом. Некоторые обломки указывают на округлое или даже заостренное дно. Однако найдены также обломки от плоских днищ; такие сосуды, повидимому, имели баночную форму и не были орнаментированы. В основном керамику со стоянки Палкино можно разделить на две группы: группу сосудов с различными вариантами зубчатого орнамента и группу с так называемым псевдозубчатым орнаментом.

В первой группе имеются обломки сосудов с прямыми краями и со скошенным внутрь обрезом края; значительно реже край несколько уплощен и сильно отогнут. Узоры из оттисков зубчатого штампа разнообразны: часто они состоят из полос двух-трех параллельных оттисков, образующих ломаные или волнистые линии (рис. 20—1, 2), сочетающиеся с маленькими треугольными вдавлениями зубчатого штампа, которые встречаются также в керамике с Разбойничьего острова (см. ниже) и весьма характерны для орнамента андроновских сосудов; иногда значительную часть сосуда покрывают зигзагообразные линии; некоторые обломки украшены узором в виде двух параллельных линий, заполненных оттисками наклонно поставленного короткого зубчатого штампа (рис. 20—3); нередко четырехугольники или квадраты, заполненные такими же оттисками (20—5); встречаются ямчатые вдавления по краю сосуда в сочетании с зубчатыми оттисками (рис. 20—6) и сквозные отверстия; иногда ямчатые вдавления сочетаются с крестовым или елочным узором (рис. 20—4).

Вторая группа представлена обломками сосудов, орнаментированных главным образом ложноверевочным или псевдозубчатым элементом орнамента. Техника нанесения его пока еще недостаточно ясна. Если ячейки такого орнамента отстоят далеко друг от друга, то можно предположить, что они наносились оттисками отступающей лопаточки; в тех же случаях, когда

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 163—164.

² О. М. Клер, К. И. Фаддеев. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у д. Палкино на Исети. «Материалы по археологии восточных губерний России», вып. 2, 1896.

ячейки очень плотно прилегают друг к другу, образуя как бы общую сетку, установить технику нанесения их пока невозможно (рис. 20—7, 8). В этом случае узор напоминает отпечаток веревочки, но внутри ячеек нигде не прослеживаются характерных следов отдельных воронок. Заполнение поверхности сосудов подобными узорами очень разнообразно: сплошное широкими полосами в сочетании с волнистыми линиями (рис. 20—8), треугольники, окаймленные двумя параллельными линиями (рис. 20—9), и другие сочетания. Из одиночных элементов орнамента этой группы следует отметить струйчатый, уже постепенно исчезающий к этому времени (рис. 20—10, 11), и копытный (рис. 20—12).

Что касается элементов орнамента, подобных андроновским, то они встречаются на сосудах Палкинской стоянки, как и в Калмацком Броде, в небольшом количестве и не вполне совпадают с элементами орнамента андроновских сосудов. К керамике этого типа необходимо отнести обломки сосудов, украшенные желобками в сочетании с прочерченными параллельными линиями, заполненными внутри оттисками зубчатого штампа (рис. 20—3, 13); обломки с узором из ромбов, также выполненных зубчатым штампом (рис. 20—14), а также с узором из широких желобков в сочетании с мелкими треугольными вдавлениями. Все эти андроновские элементы орнамента попрежнему сохраняют местные традиции: так, например, близкие к андроновским треугольники сочетаются с типичным местным элементом орнамента в виде зубчатой линии (рис. 20—15).

О времени Палкинской стоянки говорить пока трудно, так как датирующих вещей нет, но по характеру всего материала можно считать ее близкой к стоянке Калмацкий Брод, хотя и относительно более поздней.

Несколько ярче андроновские элементы представлены в материале стоянки Разбойничий остров и на 1-м Карасьем озере, недалеко от Свердловска. Небольшая коллекция с Разбойничьего острова, хранящаяся в ГИМ, состоит главным образом из керамики и лишь из нескольких кремневых срудий. Все сосуды с этой стоянки изготовлены из глины с примесью талька. Есть тонкостенные сосуды с толщиной стенок до 3—4 мм и довольно толстостенные — до 8 мм толщины. Стенки по большей части прямые, с волнистым обрезом края; реже встречаются сосуды с отогнутым краем, обычно украшенным нарезкой. По орнаменту керамику с Разбойничьего острова можно разделить на три группы: с ложноверевочным орнаментом; с андроновскими элементами орнамента, выполненными либо зубчатым штампом, либо прочерчиванием и наколом; немного черепков от гладких сосудов.

Первая группа — самая большая. Повидимому, такие сосуды сплошь покрывались орнаментом, причем стенки у них обычно прямые, а края волнистые (рис. 20—16).

Керамика второй группы — более тонкостенная, украшенная андроновскими узорами в виде заштрихованных полос, желобков и маленьких зубчатых треугольников; эти элементы выступают либо самостоятельно, либо в сочетании с зубчатыми оттисками; к сожалению, черепки эти очень невелики и по ним нельзя судить о форме сосудов (рис. 20—17-20).

Обломки неорнаментированных сосудов представлены главным образом краевыми частями, по которым можно судить о том, что сосуды были с несколько раздутыми боками и отогнутыми краями. Обрез края обычно украшен нарезкой. На общем фоне сплошь орнаментированной керамики эти черепки на первый взгляд производят впечатление попавших случайно. Однако один обломок гладкого сосуда такого же профиля, как и два других, имеет под горлом налепной валик, украшенный нарезкой, — типичный признак для андроновской керамики и притом позднеандоновской (рис. 20—21). Таким образом, в материалах с Разбойничьего острова значительно резче проявляются андроновские элементы как самостоятельно, так и

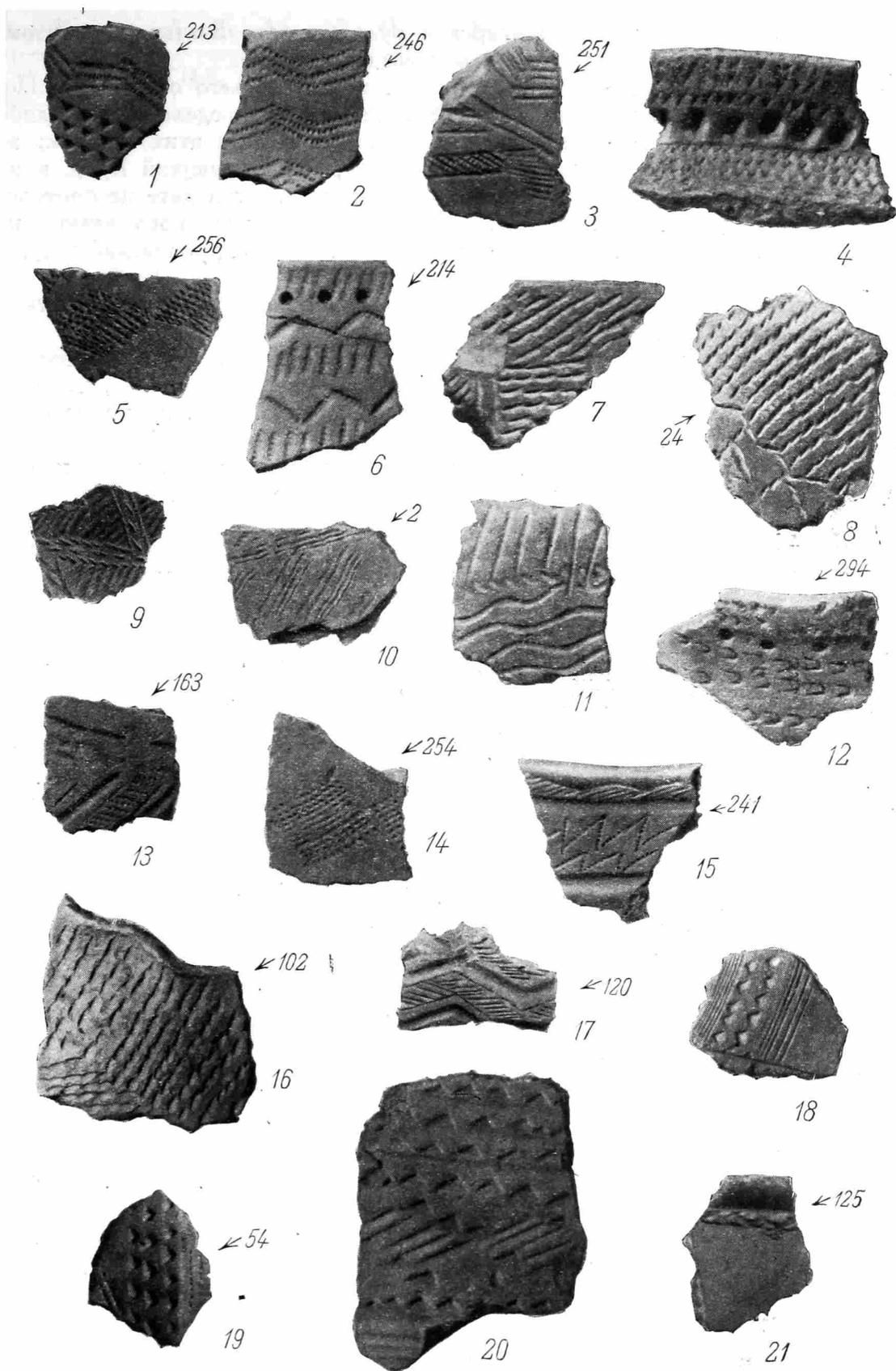

Рис. 20. Керамика шигирской культуры

1—15 — со стоянки Палкино; 16—21 — со стоянки Разбойничий остров

в сочетании с обычным для шигирской культуры струйчатым элементом, хотя последний и наносится едва заметными штрихами.

Примерно такой же облик имеет керамика с Карасьего озера и из Поречья, но материал этих стоянок в ГИМ так невелик, что сделать какие-либо заключения трудно. Очень трудно судить также о дате этих стоянок; во всяком случае они, повидимому, более поздние, чем Калмацкий Брод, и их следует отнести уже к концу II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречит появление в керамике Разбойничьего острова налепного валика на горле сосуда, украшенного нарезкой, характерного для андроновской посуды конца II тысячелетия до н. э.

Рассмотрение керамики восточно-уральских стоянок позволяет прийти к следующим выводам:

1. Начальной датой шигирской культуры следует считать не третью четверть II тысячелетия до н. э., а конец Атлантического периода, который разными авторами датируется 3000—2000 гг. до н. э., т. е. примерно серединой III тысячелетия до н. э.

2. На ранней стадии развития шигирской культуры слагаются характерные черты орнамента на сосудах, бытующих до ее поздней стадии.

3. В характере этого орнамента уже на ранней стадии появляются узоры, близкие по типу к узорам на сосудах андроновской культуры, что благоприятствует их освоению при установлении связей между племенами шигирской и андроновской культур.

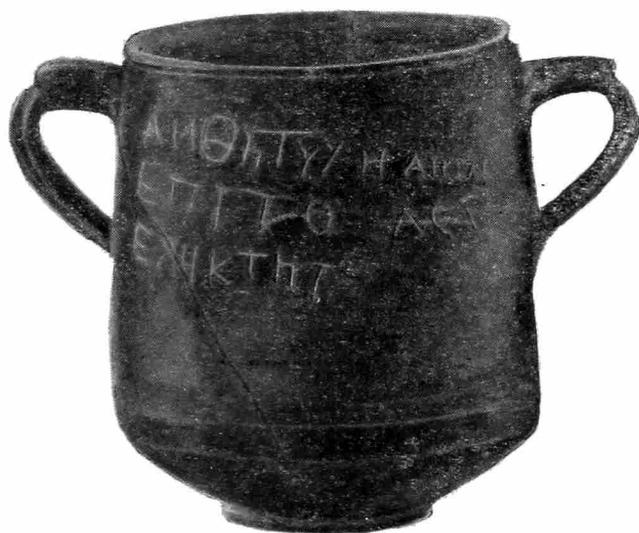
4. В процессе этого развития, начиная с третьей четверти II тысячелетия до н. э. и вплоть до конца второго тысячелетия до н. э., в керамике шигирской культуры замечается все больше андроновских элементов, что, быть может, указывает на постепенное усиление связей между племенами шигирской и андроновской культур.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

НАДПИСЬ НА СОСУДЕ ИЗ КИММЕРИКА

При раскопках И. Б. Зеест в Киммерике в 1949 г. был найден разбитый краснолаковый сосуд с надписью. Обломки сосуда обнаружены в одном из домов поселения, погибшем в середине III в. н. э. от пожара. Они лежали в яме, засыпанной при ремонте дома ¹.

Сосуд, который удалось собрать почти полностью, имеет в высоту 9,8 см; диаметр устья 8 см. Он покрыт красновато-оранжевым лаком и представ-

1 Рис. 21

1—сосуд с надписью из Киммерика; 2—3 — надписи на разных сторонах сосуда

ляет собою высокий, чуть расширяющийся книзу кубок на низком поддоне. В верхней части сосуда симметрично расположены две ручки. На наружной поверхности вдавлены три кольцевые линии, одна у края сосуда, две в нижней его части (рис. 21—1). Такие кубки с шипами на ручках были в большом ходу в эллинистическое время и несколько раньше. В фиванском святилище Кабиров найдено много посвячительных кубков IV в. до н. э. ² подобной формы. Форма рассматриваемого сосуда и покрывающий его лак

¹ И. Б. Зеест. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 191.

² «Das Kabirenheiligtum bei Theben» I, табл. 17, № 6, 8—15; табл. 50, № 8, 11; табл. 51, № 1—6 и т. д.

характерны для римского малоазиатского производства I — начала II в. н. э., на что обратила внимание Н. М. Лосева, изучающая краснолаковую посуду. Светлая глина сосуда также указывает на его малоазиатское происхождение.

На поверхности кубка острым инструментом нацарапана надпись. На одной стороне мы видим буквы ΕΠΤ (рис. 21—2). Повидимому, это начало имени 'Επίκτητος. Однако пропуск каппы или изменение композиции надписи побудили автора начать ее заново на другой стороне сосуда (рис. 21—3). Здесь читаем:

1-я строка: 'Αγαθῆ τύχη Ἀρηλείου;

2-я строка: ΕΠΤΟΥΑΣ;

3-я строка: 'Επίκτητος.

Остановимся прежде всего на шрифте надписи. Писавший ее человек хорошо владел искусством письма: буквы нацарапаны ясно и аккуратно. Одни буквы (Α, Ε, Τ, Π) написаны лапидарным шрифтом, другие (ε, ο, η, υ) — курсивным письмом, которым писали на мягком материале — папирусе, материи, коре и т. д. Это смешение объясняется тем, что широкое распространение папируса в эллинистическое и римское время привело к приближению некоторых букв лапидарного письма к курсивному¹. Однако появление букв курсивного письма в рассматриваемой надписи может быть объяснено и другими причинами. Автор надписи, повидимому, много писал курсивным шрифтом, что сказалось на его почерке. Так, букву Ε он пишет то прямоугольной, то круглой; слово Ἀρηλείου, нацарапанное более мелкими буквами, по размеру приближающимися к буквам в рукописях, написано аккуратнее и красивее прочих слов. По форме букв курсивного письма всю надпись можно предположительно отнести ко II в. н. э.²

Грамматически надпись не представляет затруднений. Имя богини Благой Судьбы стоит в дательном падеже; греки обычно ставили имена богов в посвятительских надписях в родительном или дательном падежах³. Пропуск подписных иот в формуле 'Αγαθῆ τύχη часто наблюдается в лапидарной эпиграфике того времени.

Труднее понять ошибки в правописании и беспорядочность рассматриваемой надписи.

В греческих рукописях неоднократно встречаются ошибки, заметив которые, писцы иногда оставляли их незачеркнутыми и писали дальше правильно⁴. В надписях на сосудах также встречаются ошибки. Так, например, в заклятии из Ользии⁵ писавший наговор начертал в третьей строке слово неправильно и, заметив ошибку, не зачеркивая, нацарапал его заново. Повидимому, и автор публикуемой надписи, поставив на одной стороне сосуда ΕΠΤ, заметил ошибку и, не зачеркнув, перенес надпись на другую сторону. Написав слова 'Αγαθῆ τύχη, он начал вторую строку. Нацарапанное здесь сочетание букв ΕΠΤΟΥΑΣ не поддается определению. То, что последние пять букв энергично зачеркнуты, заставляет предполагать, что писавший заметил здесь много ошибок. Мы не решаемся думать, что во второй

¹ W. Larfeld. Griechische Epigraphic, стр. 532 (в серии «Handbuch der Klassischen Altertumswissenschaft» von J. Müller).

² См. E. M. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography (Oxf., 1912, стр. 191—194), где помещены таблицы греческого курсивного алфавита. Особенно близкое начертание к формам II в. н. э. представляет буква Υ нашей надписи (см. табл. 2). Буква Θ может быть датирована I—II вв. н. э., Σ — скорее II—III вв. н. э. Η — I или II вв. н. э.

³ Р. Штерн, фон. «Graffiti» на античных южнорусских сосудах. 300, XX, стр. 167.

⁴ L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, Berlin—Leipzig, 1912, I, 1, S. XLVII.

⁵ ИАК. вып. 58, стр. 40 и сл.— заговор языка Телесикрата, его сыновей и всех его сторонников.

строке Эпиктет вновь испортил начертание своего имени. Путаница нацарапанных букв может объясняться колебаниями автора, какое слово ему писать. Возможно, что буквы ЕΠΙ — начало имени Эпиктет, но, переменяв намерение, он начал писать другие слова, не зачеркнув ненужное. Нам кажется, что группа букв ΤΟΥΑΣ была началом слова τοῦ Αὐρηλίου, определяющих богиню Ἀγαθή τύχη. Но, выведя после Α не Υ, а Σ, Эпиктет зачеркнул конец строки, и так уже испорченной ненужным слогом ЕΠΙ в начале. В третьей строчке он пишет только свое имя, т. е. имя посвяtitеля, а в первой строке дописывает слово Αὐρηλίου, показывая тем самым, что посвящение сделано Благой Судьбе Аврелия. Изобилие неудач, постигших автора надписи, позволяет предполагать, что писавший находился в нетрезвом состоянии.

Мы предлагаем следующий перевод: «Благой Судьбе Аврелия... [посвятил] Эпиктет».

По эпиграфическим особенностям ориентировочной датой разбираемой надписи может быть II в. н. э. Качество лака указывает, что сосуд был сделан в начале столетия. Можно думать, что этот довольно хрупкий предмет находился в обращении не более 70—80 лет. Дальнейшее уточнение позволяет раскрыть содержание надписи. Имя Аврелий относит ее ко времени не раньше 161 г. н. э. Важным указанием является то, что упоминаемый в посвящении римский гражданин Аврелий не имеет ни граепотен, ни другого греческого или варварского имени. Это свидетельствует о принадлежности Аврелия не к исконным римским гражданам, а к тому именно слою провинциалов, которые получили римское гражданство при императоре Марке Аврелии. Многочисленные надписи из Малой Азии показывают, что имя из граепотен и потен императора или одного его потен, т. е. M. Aurelius или только Aurelius, носили те провинциалы, которые получили гражданство при Марке Аврелии или, в небольшом количестве, при императоре Коммодe¹.

Поэтому мы считаем возможным отнести публикуемую надпись к 160—190 гг. н. э., полагая менее вероятной более долгую жизнь современников императора Марка Аврелия, получавших римское гражданство уже в зрелом возрасте.

Подобное посвящение в северночерноморских греческих надписях — редкое явление. Имеется только одна лапидарная надпись 230-х годов н. э. из Ольвии (IOSPE, I², 184) с формулой Ὑπὲρ τῆς τοῦ κυρίου Αὐτοκράτορος Μάρκου Αὐρηλίου Σεουήρου τύχης κτλ., являющейся переводом латинской формулы pro salutem². Однако разбираемое нами посвящение исходит не из римских религиозных представлений. Оно отражает распространившийся с эллинистических времен культ богини Тихи — хранительницы отдельного человека или города³. Богиню Тиху изображали в виде молодой красивой женщины. Павсаний неоднократно упоминает о виденных им статуях Тихи⁴ и довольно подробно описывает существовавшие в его время представления о ней: Тиха — самая могущественная среди богов, она имеет наибольшее влияние на ход человеческих дел⁵. Такое возвышение культа покровитель-

¹ W. M. Ramsay. The social Basis of roman Power in Asia Minor, стр. 8. Рамсей, отмечая это обстоятельство, указывает на необходимость отличать этих Аврелиев от Авр(елиев), получивших гражданство при императоре Каракалле и употреблявших императорское потен в сокращенном виде (Aug.) перед своим родным именем.

² Много надписей с выражением ὑπὲρ τῆς τοῦ δαίμονος τύχης найдено в римских балканских провинциях, например IGR, I, 611, 614, 615 (из Том), 659 (из Одесса), 669 и 670 (из Путалии) и т. д.

³ Например, в надписи из Галикарнасса начала III в. до н. э. упоминается богиня-хранительница Птолемея I Сотера. OGIS, I, 16.

⁴ Например, IV, 30, 3—6; VI, 2, 7.

⁵ Paus, IV, 30, 3—6.

ницы судьбы отдельного человека — естественный результат возмужавшей неустойчивости в рабовладельческом обществе. Рост социальных противоречий среди свободного населения обострял ощущение беспомощности отдельного человека, не находившего поддержки со стороны своего города.

Судя по боспорским терракотам, в эллинистическое время, по сообщению М. М. Кобылиной, почитание Тихи на Боспоре было мало развито, но во II—III вв. н. э. оно достигло большого расцвета. Таким образом, посвящение Эпиктета относится к периоду особенного почитания Тихи на Боспоре.

Однако мы склонны полагать, что посвящение было нацарапано на кубке не в Киммерике, т. е. не в пределах Боспорского царства. В пользу этого предположения можно привести следующие соображения. На Боспоре Аврелиев известно очень мало, все они относятся к III в. н. э. и почти все являются иностранцами, прибывшими из пределов Римской империи¹. В Херсонесе и Ольвии Аврелиев засвидетельствовано значительно больше, что объясняется пребыванием там римских войск. В греческих надписях из Херсонеса с именем Аврелиев² упоминаются не только граждане Херсонеса, но и ветераны³.

Отсутствие имени Аврелиев в боспорских надписях ранее 215 г. н. э. следует объяснить слабыми связями Боспора с Римом в указанный период. Известно, что правивший в 174/175—210/211 гг. царь Савромат II особенно настойчиво проводил политику отчуждения Боспора от Рима⁴. Сопоставляя с направлением политики Савромата отсутствие упоминаний об Аврелиях на Боспоре во время его правления, мы полагаем, что названный в посвящении Аврелий не был боспорцем. Сосуд был привезен в Киммерик с уже нацарапанной надписью.

В Северном Причерноморье неоднократно находили предметы с надписями далеко от тех мест, где надписи были сделаны. Нередко эти предметы датируются более ранним временем, чем весь комплекс, в котором они найдены. Укажем серебряную фиалу с посвящением Аполлону Фасисскому, относящуюся к концу V — началу IV в. до н. э. Ее нашли в кургане I в. н. э. на Кубани⁵. В одном из скифских курганов Чигиринского уезда Киевской губернии найден краснофигурный килик середины V в. до н. э. с почитательной надписью ольвийским богам — Врачу и Дельфинию⁶.

Точно так же и кубок с посвящением Эпиктета мог попасть в Киммерик случайно, через третьи руки, будучи приобретен киммерикцем, владевшим мукомольной мастерской.

Наличие на сосуде надписи заставляет предположить случайный завоз отдельного, подержанного предмета, а не покупку новой вещи из большой партии товара, доставленной в порядке обычных торговых связей. Он мог быть привезен из ближайших центров римского влияния. Такими местами были прежде всего Херсонес и города южного побережья Черного моря, с которыми Киммерик был связан с эллинистического периода⁷. Среди насе-

¹ Так, надписи IOSPE, II, 429, 430, 433, 434 и 451, упоминают архитектора Аврелия Антонина, строившего в Танаисе с 215 по 236 г.; надписи IOSPE, II, 42 и 43; IV, 194, упоминают Аврелиев, граждан городов Амастрии и Пруссии, прибывших с посольством к Тиберию Юлию Рескупориду в 221—222 гг. н. э.; в надписи IOSPE, II, 46 от 249 г. н. э. упоминается Аврелий, происходивший из Гераклеи. Только стела IOSPE, II, 363 от 307 г. является указанием на принадлежность одного из Аврелиев к боспорской аристократии.

² IOSPE, I², 393, 404, 440, 443, 448, 459, 479, 484, 508.

³ Например, IOSPE, I², 484.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 335—336.

⁵ ИАК, 1900, вып. 1, стр. 98—99.

⁶ ИАК, 1905, вып. 14, стр. 10, 44—53.

⁷ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 98—99.

ления Южного Причерноморья, давно входившего в Римскую Империю, несомненно имелись римские граждане. К числу их, вероятно, принадлежал и Аврелий, упомянутый в нашей надписи.

Имя посвящавшего — Эпиктет — отсутствует в греческой эпиграфике Северного Причерноморья. В латинских надписях оно встречается только один раз — в надписи из Херсонеса эпохи Нерона¹. Упомянутый в ней Цинций Эпиктет был отпущенником какого-то римлянина Цинция, вероятно прибывшим в Херсонес со своим патроном.

Существовавшее в XIX в. мнение, что имя «Эпиктет» специфично для рабов и отпущенников (ἐπίκτιτος — вновь приобретенный), в последние десятилетия подверглось сомнению². Большое число надписей показывает, что имя «Эпиктет» в эллинистическое и римское время носили представители высших кругов населения в греческих городах³. Несмотря на новые данные, все же остается незыблемым тот факт, что имя «Эпиктет» очень часто носили рабы или отпущенники. Поэтому не исключена возможность, что посвятивший кубок Эпиктет был рабом или отпущенником некоего Аврелия. Почитание Благой Судьбы своего патрона, несомненно, входило в обязанность рабов и отпущенников. В пользу нашего предположения говорит и малая ценность сосуда, оставшегося и после посвящения в употреблении. Зажиточные слои населения пользовались металлической посудой — бронзовой и серебряной. Краснолаковый кубок мог представлять ценное приношение богине только для небогатого человека.

Изложенные соображения позволяют сделать следующий вывод. Происходящий из Киммерика кубок с посвящением не может служить доказательством пребывания римских граждан в Боспорском царстве во второй половине II в. н. э. и не может свидетельствовать о римском влиянии на Боспоре в это время.

Следует отметить одну особенность рассматриваемой надписи. Она выделяется среди современных ей надписей на сосудах своей многословностью. Из опубликованных надписей на сосудах Северного Причерноморья многие длиннее посвящения Эпиктета⁴, но все они относятся к V—IV вв. до н. э. На эллинистической посуде с коричневым лаком и на римской краснолаковой керамике встречаются лишь отдельные нацарапанные буквы. Такой большой надписи на сосуде от эпохи сарматской династии ни на Боспоре, ни в других центрах Северного Причерноморья пока не известно.

¹ IOSPE, I², 562.

² См. RE-P-W-K., статья H. von Gärtringen. Ἐπίκτιτα.

³ Например, IG, III, 1030, 1141, 1143—1145, 1085; SIG; 1021; 1111; 1211; 1212.

⁴ Например, ИАК, вып. 14, стр. 44 сл.; вып. 42, стр. 134—140; 300, XX, стр. 169 сл., № 1, 49, 62, 63; ИАК, вып. 58, стр. 40—56; «Труды отделения археологии РАНИОН», т. I, 1926, стр. 39 сл. К указанным вещам следует присоединить найденную в 1945 г. в Пантикапее (В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, вып. XVII, стр. 109) чернолаковую солонку с надписью Νίκη Γουγγύτο καί Παταίχο внутри, а на внешней стороне ее процарапано слово ἑπίς. По качеству лака и по письму солонка относится к IV в. до н. э., вероятнее всего — к первой ее половине, так как в надписи употребляется ο вместо ου в родительном падеже — правописание, державшееся в Аттике до 360 г. до н. э. Датировка солонки подтверждается и тем, что, как указал В. Д. Блаватский (там же, прим. 2), в надписи IOSPE, VII, 10 упоминается Сатирион, сын Патайка, жрец Аполлона Врача во времена Перисада I (342—309 гг. до н. э.). Редкое имя Παταίχος не оставляет сомнений в том, что перед нами представители двух поколений, отец и сын, пантикапейской аристократической семьи IV в. до н. э.

В надписи Сатириона родительный падеж уже кончается на ου, следовательно переход от окончания на ο произошел в Пантикапее около середины IV в. до н. э., т. е. почти в то же время, что и в Аттике.

А. Н. МЕЛИХОВ

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ КРАСНОЙ ПОЛЯНЫ¹

В селе Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края в 1942 г. при земляных работах были найдены предметы (главным образом, оружие), имеющие археологическое значение, которые позже были переданы в Сочинский музей. В 1947 г. в указанном селе найдено металлическое блюдо, которое в том же году было приобретено Абхазским государственным музеем². Блюдо является редким памятником, представляющим большой интерес для истории искусства. Это массивный литой вогнутый диск из серебра, диаметром в 28 см и весом 1835 г. На вогнутой поверхности — рельефное литое изображение всадника, охотящегося на двух медведей. Всадник набросил аркан (лассо) на одного медведя, другой убегает от охотника. Во всей композиции много движения и выразительности (рис. 22).

Изображение дано в реалистическом стиле, с соблюдением пропорций в отдельных частях фигур, однако значимость всадника особенно подчеркнута изображением его фигуры в несколько увеличенном размере по сравнению с лошадью и медведями. В фигуре охотника художнику удалось выразить напряжение борьбы и силу; лицо же дано в портретной статичности, с четким изображением деталей, что, очевидно, не случайно: художник явно преследовал цель изобразить всадника наиболее портретно. Одет всадник в богатые одежды. На голове высокая круглая корона.

Технически изображение выполнено с большим совершенством. Обращает на себя внимание мастерски изготовленный литой рельеф, с тонкой, художественной моделировкой всей композиции и отдельных ее деталей. Рельеф искусно обработан рукой мастера, использовавшего чекан и резец. Большая выразительность рисунка достигается разнообразием технических приемов: позолотой отдельных частей, различной высотой рельефа, шлифовкой поля.

Обратная (нижняя) сторона блюда не обработана. Здесь ясно видны следы формовки: вся выгнутая плоскость покрыта отпечатками формы. Шлифовка произведена поверхностно, сглажены лишь резкие неровности. Примечательной особенностью этой стороны является надпись пунктиром по краю блюда. Длина ее 19 см. Надпись сделана пехлевийским письмом³,

¹ Статья имеет характер предварительного сообщения.

² Ознакомление с местом находки, с предметами, сопутствующими блюду, в том числе одной из сохранившихся монет, позволяет сделать заключение, что все предметы являются инвентарем богатого погребения война, которое датируется концом II и первой половиной III в. н. э. Описание краснополянских памятников, как и предметов, найденных вместе с блюдом, будет дано в другой работе.

³ Характер письма определил действительный член Академии Наук ГрузССР Г. В. Церетели. Независимо от него, к такому же выводу пришел и М. М. Дьяконов.

которое употреблялось на Востоке и в пределах нашей страны, в том числе на Кавказе, при парфянской династии Аршакидов.

Существенной деталью обратной стороны блюда является серебряный круг-поддон, который ко времени приобретения оказался отломанным.

При реставрации выяснилось, что блюдо изготовлено из чистого серебра, литье произведено, очевидно, по восковой модели. По технике изготовления блюдо отличается от многих восточных блюд с изображением сцен охоты.

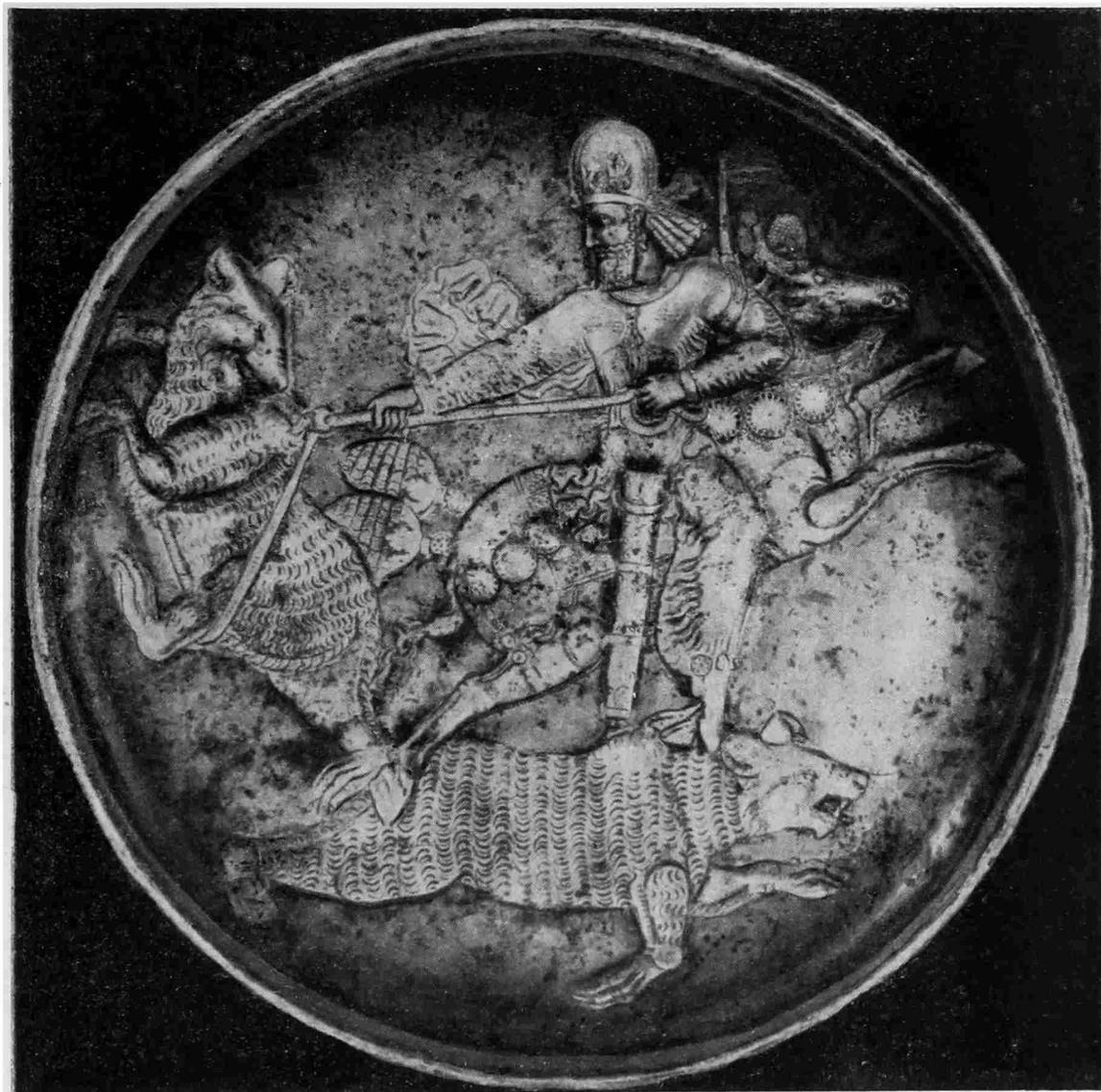

Рис. 22. Сцена охоты на серебряном блюде из Красной Поляны

В этом смысле можно считать, что оно является почти уникальным среди известных предметов древней восточной торевтики. Блюда подобного рода чаще всего изготовлялись путемковки, а рельефные изображения выбивались чеканом. Краснополянское же блюдо сплошь литое, с литым художественным изображением.

В специальной литературе восточные блюда с изображением сцен охоты до сего времени обычно относились к предметам сасанидского (иранского) искусства, с которым краснополянское блюдо имеет лишь внешнее стилистическое сходство. Изучение его и сравнение с блюдами, хранящимися в Государственном Эрмитаже, в Музее Грузии имени Джанашиа, а также

описанными в специальных публикациях, и в первую очередь в работах Я. И. Смирнова¹, И. А. Орбели и К. В. Тревер², дали возможность установить, что оно отличается от всех известных блюд сасанидской торевтики не только техникой исполнения, но и своеобразной художественной трактовкой сцены охоты.

По композиции сцены и одеянию изображенного всадника краснополянское блюдо можно было бы сопоставить, в частности, с чашей из села Турушево Вятской губернии, на котором изображен Шапур II³, и с несколькими другими блюдами⁴. Имея некоторые сходные композиционные черты, оно, однако, отличается от подобных ему блюд многими своеобразными деталями. Одной из существенных особенностей изображения на краснополянском блюде является охота на медведя при помощи лассо. Что касается фигуры всадника, несущегося на лошади, то с этой стороны краснополянское блюдо может быть сопоставлено с предметами более раннего искусства — парфянского и скифо-сарматского, а не сасанидского. Для памятника скифо-сарматского и парфянского искусства типичны композиционные сцены со всадниками. Характерно, например, рельефное изображение скачущего на лошади скифского царя Полака на известняковой плите, обнаруженной в 1927 г. на городище Керменчик (в Крыму)⁵. Другой памятник с изображением всадника — это рельеф Трифона на мраморе, найденный в Северном Причерноморье. Последний, по описанию Т. Н. Книпович⁶, относится к сарматскому искусству и датируется началом III в. н. э.

Близка этим памятникам и терракотовая фигурка парфянского или скифского всадника, приведенная в работе Сарре⁷, в которой описана и другая терракотовая фигурка парфянского всадника⁸, одетого в широкие шаровары и рубашку или полукафтан с узкими рукавами и широким воротником, типичные для изображений на восточных (сасанидских) блюдах.

Таким образом, по композиционным особенностям рельефа краснополянского блюда его следует связывать не с сасанидскими предметами искусства, а скорее со скифо-сарматскими и парфянскими. Хотя сцены скачущих всадников и характерны для предметов сасанидского искусства, тем не менее ясно, что скифы, сарматы и парфяне не могли заимствовать у сасанидов эти композиции и сходное одеяние, так как скифы, сарматы и парфяне исторически предшествовали сасанидам.

Не находит краснополянское блюдо аналогии и в отношении портретного сходства ни с одним из изображений на памятниках древнего искусства, в частности сасанидского. При сравнении большое значение имеет форма и знаки короны, которые у каждого из сасанидов были индивидуальными. Если сопоставить короны Арташира I и его сановников⁹, наиболее близкие по форме к короне всадника на краснополянском блюде, то нельзя найти полного сходства; здесь свой своеобразный индивидуальный знак. К тому же надо отметить, что головные уборы подобной формы не являются типично сасанидскими. Сасаниды заимствовали их у парфян, у кото-

¹ «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи». СПб., 1909.

² «Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы». М.—Л., 1935.

³ Там же, табл. 6.

⁴ Там же, табл. 5, 9, 15.

⁵ Плита хранится в Одесском археологическом музее. Опубликовано в работе П. Н. Шульца. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 44, 52, 55.

⁶ «Танаис». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 84.

⁷ «Die Kunst der Alten Persien von Friedrich Sarre» i Bruno Kassirer Verlag Berlin, 1924, стр. 54.

⁸ Там же.

⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 1.

рых такой головной убор (кулох) носили многие цари. В этом легко убедиться, ознакомившись с изображениями на парфянских монетах¹. Уборы, близкие кулохам, были в употреблении и у народов, обитавших в древности на юге нашей страны, что, в частности, можно видеть на некоторых скифских памятниках. Позже они были распространены у народов, оставивших на Северном Кавказе и Северном Причерноморье так называемых «каменных баб». На некоторых из таких памятников, хранящихся в музеях, головные уборы очень близки по форме изображенному на краснополянском блюде².

Другие детали одеяния всадника на краснополянском блюде также позволяют заключить, что он не имеет ничего общего с сасанидами. Изображения сасанидов даются с нагрудным знаком-опезаком, выражающим царское достоинство. Эти знаки, видимо, были известны и другим народам, в частности обитавшим на территории нашей страны³. На одеянии краснополянского всадника этого нагрудного знака нет. У него за спиной развеваются фалды плаща с короткими рукавами. На изображениях предметов сасанидской торевтики плащи обычно не встречаются; они являются характерной деталью скифских памятников и памятников народов Кавказа, в частности Грузии.

Отметив своеобразие краснополянского блюда и определив черты, отличающие его от предметов сасанидского искусства, следует указать тем не менее, что это блюдо имеет много общего с предметами подобного стиля, находимыми на Кавказе и преимущественно в Грузии.

В отношении способов изготовления оно имеет единственную известную нам аналогию с чашей из Саргвеша (Западная Грузия), опубликованной Г. Н. Чубинашвили⁴. Эта чаша, как и краснополянское блюдо, выполнена сплошным литьем по восковой модели. Несмотря на внешние признаки, по которым чаша из Саргвеша отнесена к сасанидскому искусству⁵, одна существенная деталь выделяет ее среди предметов искусства этого стиля. Речь идет о двух рельефно орнаментированных ручках, верхняя часть которых представляет своеобразную стилизацию головок птиц. Ручки с типичной стилизацией головок животных и птиц, известные по римским сосудам, встречаются и на Кавказе, в Восточной и Западной Грузии, в частности в ингурской и борийских находках у предметов, имеющих признаки местного производства. Важно также отметить, что найденный вместе с краснополянским блюдом кувшин имеет ручку подобной формы.

По отдельным элементам композиции, что, на наш взгляд, является значительным, краснополянское блюдо аналогично найденному также на Кавказе (Грузия) и опубликованному в работе Н. И. Смирнова⁶ блюду с пометкой «Из Кутаиса». При всем различии в технике изготовления (кутаисское блюдо кованое, с контурным, выполненным резцом изображением) имеется много общего в плане размещения лошади, всадника, зверей, в деталях и приемах гравировки (шаровары, колчан, лук и пр.). При этом на кутаисском блюде необходимо отметить деталь, которая позволяет высказать предположение, что оно может быть отнесено к произведениям местного (вероятно, грузинского) искусства. На нем дан схематический рисунок

¹ Сагге. Указ. соч., стр. 66.

² Наиболее близкие по форме головные уборы нам приходилось видеть на памятниках, хранящихся в Краснодарском краеведческом музее.

³ Сходной формы знаки опять-таки встречаются на некоторых «каменных бабах».

⁴ Georg Tschubinaschwili. Der Fund von Sargweschi. «Изв. Кавк. истор.-археол. ин-та», т. III, Тбилиси, 1945.

⁵ Там же; К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. Гос. Эрмитаж. «Труды Отдела истории и искусства Востока», 1939, т. I, стр. 264.

⁶ Восточное серебро, № 287. Это блюдо опубликовано в работе И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 14.

горного ландшафта в виде очертания четырех горных вершин. Подобное изображение на предмете, найденном на Кавказе, с большой долей вероятности говорит о его местном, кавказском происхождении.

По некоторым бытовым деталям, а также особенностям в трактовке, портрет на краснополянском блюде наиболее близок погрудному изображению сановного лица с цветком¹, которое дано на блюде из Армази (Восточная Грузия), из погребения № 2. Хотя сами лица различны, различна и техника их воспроизведения (на армазийском — изображение дано в линейной передаче), необходимо отметить общее в облике головы, форме прически, частично бороды, в священной повязке на коронах, в украшениях (серьга в ухе), а также в покрое платья. Узкий рукав и складки на рукаве армазийского сановника и краснополянского всадника почти одинаковы. Рисунок материи на платье сановного лица в виде трех соединенных вместе кружочков совпадает с рисунком материи на шароварах всадника. При всех различиях, которые говорят за то, что блюда изготовлены разными мастерами и в разных центрах художественного и ремесленного производства, они являются предметами искусства одной художественной традиции и культуры. Если рассматривать технику изготовления блюда из Армази и способ передачи изображения на нем, то можно полагать, что оно непосредственно связано с армазийскими же, опубликованными Ш. Я. Амиранашвили, блюдами, которые определенно являются произведениями грузинского искусства² и на которых дано изображение коней.

Сопоставляя краснополянское блюдо с другими предметами торевтики, найденными на Кавказе, приходим к выводу, что по целому ряду признаков оно опять-таки тесно связано с кавказскими сосудами. В некоторых деталях (в одеянии, орнаменте на колчане) оно в известной мере аналогично блюду из Нор-Баязета (Армения)³, на котором в сцене охоты изображен медведь, влезавший на дерево, причем, как и на кутаисском блюде, художник пытался, по видимому, изобразить кавказский ландшафт в виде двух горных вершин. Важно отметить, что изображение медведя встречается преимущественно на тех предметах торевтики, которые найдены на Кавказе (кроме указанных, также на блюде из б. Терской области⁴ и на более древнем майкопском сосуде)⁵. Медведи на краснополянском блюде изображены реалистически, с большим мастерством, знанием анатомии и повадок этих животных. Изображение типичных для кавказской фауны животных является также одним из доказательств кавказского происхождения этого предмета древнего искусства.

Во всяком случае это блюдо не может быть отнесено к произведениям сасанидского типа. По эпиграфическим данным, пехлевийскому письму, употреблявшемуся в странах Востока и до утверждения власти сасанидов, и главным образом по монете, найденной вместе с блюдом⁶, можно полагать, что краснополянское блюдо относится ко II в. и самое позднее — к первым десятилетиям III в. н. э., т. е. к досасанидскому времени.

Установление кавказского (и возможно — грузинского) происхождения краснополянского блюда в досасанидское время — это одна сторона вопроса,

¹ Специальной публикации блюда не было; фотография его приведена в книге: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии. Ч. I, 1946, стр. 83. Сообщение о надписи на блюде дано: Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. ВДИ, 1948, № 2, стр. 55.

² Ш. А. Амиранашвили. Две серебряные чаши из раскопок в Армази. ВДИ, № 1, 1950; Его же. История грузинского искусства. Изд-во «Искусство», М., 1950, стр. 85—87, табл. 27—28.

³ Восточное серебро, № 309.

⁴ Сасанидский металл, табл. 35.

⁵ Б. В. Фармаковский. Арханский период в России. «Материалы по археологии России», № 34, 1914, стр. 59.

⁶ Монета Кесарии Каппадокийской 121—122 гг. н. э.

возникшего в процессе изучения находки. Другая сторона заключается в том, как это ясно из предыдущего изложения, что краснополянское блюдо не является единственным памятником подобного рода на Кавказе. Многие предметы торевтики, стилистические черты которых считались до последнего времени присущими сасанидскому искусству, имеют признаки самобытного художественного творчества народов Кавказа и Средней Азии. К памятникам кавказского происхождения, вероятно, должны быть отнесены и те, с которыми мы сравнивали краснополянское блюдо: чаша из Саргвешши, блюда из Кутаиси, Армази и Нор-Баязета.

При этом следует иметь в виду, что кавказские памятники, в частности предметы торевтики, тоже не одинаковы по технике изготовления и художественной трактовке образов. Ясно, например, определяются различия между серебряными блюдами, найденными в Грузии, о которых говорилось выше, и бронзовыми из Дагестана¹, что обусловлено различными культурными традициями искусства отдельных народов Кавказа. В то же время они связаны между собой рядом общих черт и одновременно аналогичны многим другим памятникам Кавказа более раннего и более позднего времени.

Изучение подобных памятников дало возможность поставить вопрос о выделении их среди предметов восточного искусства, получившего в литературе название «сасанидского» лишь в силу неправильной интерпретации вопроса и недостаточной его изученности.

Очевидно, должны быть выделены также и многие другие памятники, встречающиеся в большом количестве, кроме Кавказа, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Украине.

В одной из работ академика И. А. Орбели² и в совместной с К. В. Тревер³ публикации памятников восточного искусства высказана мысль, что сасанидское искусство не едино по своим истокам и что в формировании его принимали участие и другие народы стран Востока. Новые факты говорят и о том, что так называемое «сасанидское» искусство вообще не может быть рассматриваемо как искусство единое и принадлежащее Ирану.

Изучение памятников показывает, что некоторые из них, будучи стилистически сходными с предметами иранского искусства, ничего общего с ними по своему происхождению и творческим истокам не имеют. Независимо от Ирана, в соответствии с собственными художественными традициями, народы Кавказа и Средней Азии под влиянием специфических социально-экономических условий на определенном этапе исторического развития (в период складывания государств «варварского» типа и в начальную пору феодализма) создавали произведения искусства, которые лишь по формальным признакам можно было отнести к сасанидскому типу. По существу же эти предметы, в том числе и краснополянское блюдо, ничего общего с иранским искусством не имеют, и создавались они на территории нашей страны еще до образования Сасанидского государства в 226 г. н. э.

¹ Сасанидский металл, табл. 64, 72.

² Иосиф Орбели. Сасанидское искусство. «Восток», 1924, № 4, стр. 146.

³ Сасанидский металл, стр. XXI.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ТЯСМИНА

(Доклад, прочитанный на заседании Сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в апреле 1951 г.)

В 1950 г. нами были произведены предварительные разведки в Ново-георгиевском и Чигиринском районах Кировоградской области. Были обследованы местности от с. Бужина на Днестре до г. Ново-Георгиевска и дальше по р. Тясмину до с. Чубовки (рис. 23).

Между с. Бужином и г. Ново-Георгиевском расстилается приднепровская аллювиальная низина. Она изрезана в различных направлениях речными старицами и покрыта на больших площадях почти совершенно задернованными дюнными всхолмлениями и лугами. Поэтому на этой территории удалось обнаружить только два поселения бронзовой эпохи, давших при сборах на поверхности немного малохарактерных обломков глиняной посуды. Первое поселение у с. Тарасовки (рис. 23—1), судя по находкам, можно отнести к концу бронзового века, ближе всего оно стоит к поселению у с. Вовниги в области порогов на Днестре. На другом поселении, около с. Чаплища (рис. 23—2), найдены обломки керамики средней поры бронзового века, близкие по типам к керамике поселения в саду им. Шевченко в г. Днепропетровске¹.

Более интересные результаты дало обследование ранее сильно заболоченной, широкой поймы р. Тясмина, осушенной в недавние годы после проведения мелиоративных работ. Древние поселения здесь встречались преимущественно на незаливаемых песчаных грядах. На низком правом берегу (первая надпойменная терраса) их почти не было; памятники, обнаруженные нами на холмах высокого берега Тясмина, описываются ниже. Левобережье осталось необследованным.

На песчаных грядах в пойме, которые называются здесь «островами» или «горбами», и на правом берегу было осмотрено два энеолитических поселения, четыре — бронзовой эпохи, четыре — скифских и по одному поселению «полей погребений» и славянских VIII—IX вв. Остановимся на наиболее интересных.

На энеолитической стоянке, находящейся на Долгом острове, между селами Новоселицей и Медведовкой (рис. 23—32), собрано несколько обломков глиняной посуды и кремневых ножевидных пластин. Посуда тонкостенная, отличающаяся тщательностью изготовления из хорошо промешанной чистой глины. Наружная поверхность то просто заглажена, то покрыта

¹ А. И. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. «Археологічні пам'ятки УССР», 1949, т. II, стр. 199.

тщательной вертикальной гребенчатой штриховкой. Орнамент нанесен веревочкой, мелкозубчатым штампом и нарезками тонким острием (рис. 24—1-3). Энеолитическая стоянка на Панском острове, около с. Новоселицы (рис. 23—23), занимает небольшую песчаную грядку, распаханную под посев. По пашне встречаются в довольно большом количестве обломки тонкостенной плоскодонной глиняной посуды, отдельные кремневые пластинки, а развеванный ветром край гряды сплошь покрыт мелкими обломками посуды и костями кабана. Поверхность сосудов заглажена или заштрихована; орнаментацией служат нарезки по краю и вдавления; один из фрагментов украшен горизонтальными рядами ямок в виде полукруглых скобок (рис. 24—4, 5).

Прочие поселения бронзовой эпохи в пойме Тясмина, повидимому, небольшие, сборы на них дали обломки керамики, украшенной налепленными валиками, судя по которой поселения можно отнести к сравнительно позднему времени. Особого внимания заслуживает поселение на том же Панском острове, ближе к его северо-западному краю (рис. 23—22). Оно занимает приблизительно площадку 100×50 м, на которой по пашне встречаются кости животных и многочисленные крупные обломки глиняной посуды. Для этого пункта характерны банкообразные сосуды с суженным горлом, украшенные по краю одним или двумя гладкими валиками (рис. 24—6), и иногда с подобными же валиками по всей поверхности от дна и до венчика, идущими горизонтально или в различных направлениях (рис. 24—7, 8). Более редки, но также типичны острореберные сосуды с отогнутым венчиком, зашипным валиком на шейке и нарезным орнаментом в виде заштрихованных треугольников по плечикам (рис. 24—9).

По керамическим находкам это поселение относится к позднему, но еще не определенному точно периоду бронзового века. Подобный же керамический комплекс, вплоть до повторения деталей орнаментации, дают поселения, разбросанные на пространстве от Среднего Поднепровья до Днестра. В Институте археологии АН УССР в Киеве хранится подобный же, но более богатый керамический материал, собранный А. Бодянским на поселении у балки Сухонькой, около днепровских порогов. При раскопках Ширяевского городища скифского времени в Путивльском районе Сумской области (экспедиция Института археологии АН УССР в 1950 г.) в нижнем горизонте В. А. Ильинской обнаружен культурный слой бронзового века, давший такие же керамические находки. Весьма близкий материал получен в 1950 г. с поселения около с. Макаровка Кельменецкого района Черновицкой области, обследованного Трипольской экспедицией ИИМК под руководством Т. С. Пассек.

Скифские поселения, явно небольшие, до 100—150 м в поперечнике, с слабо насыщенным культурным слоем, повидимому, недолговременные, ничего существенного не дали. На их местах, в пашне, встречались лишь незначительные фрагменты керамики с характерным валиком с защипами по краю.

Поселение времен «полей погребений», находящееся близ устья р. Калиновки, впадающей в Тясмин несколько ниже с. Медведовки (рис. 23—35), занимает большую площадь по обоим берегам речки. Сборы на поверхности дали рядовые фрагменты керамики черняховского типа.

Славянское поселение занимает верхний конец Великого острова (рис. 23—20), находящегося около с. Субботова Чигиринского района. Здесь по пашне неширокой полосой (30—40 м) на протяжении до трех четвертей километра встречаются в небольшом количестве фрагменты глиняной посуды, кости животных, кучки обожженных гранитных камней и глиняной обмазки от очагов. Посуда — грубой ручной лепки. В одних случаях она сделана из глины с обильной примесью гранитной дресвы, в других — из чистой глины, но поверхность всех сосудов шероховатая, неровная.

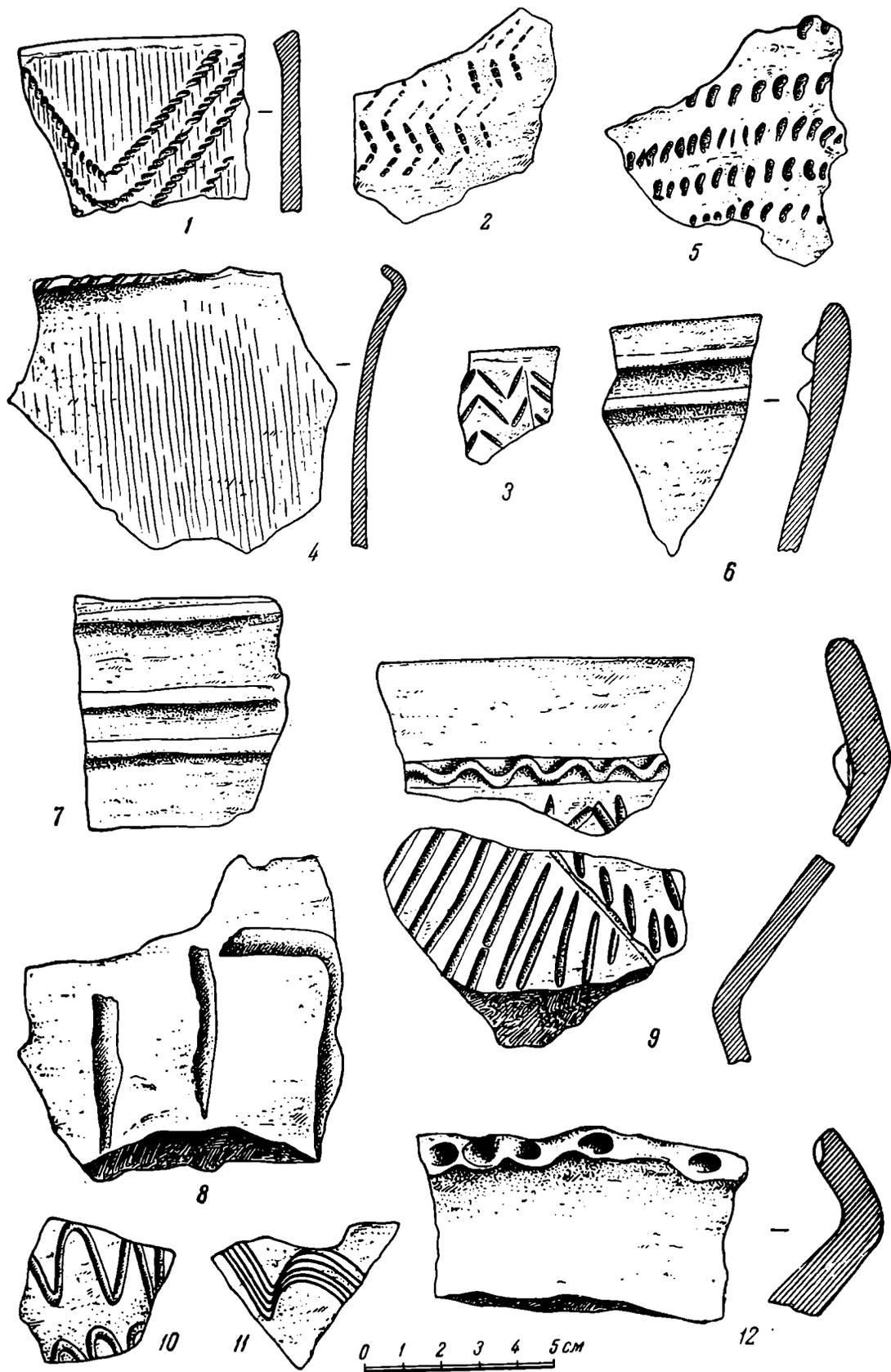

Рис. 24. Фрагменты посуды

1—3 — с неолитического поселения на „Долгом острове“ между сс. Новоселицы и Медведовка (на карте № 32); 4—5 — с неолитического поселения на „Панском острове“ у с. Новоселицы (на карте № 23); 6—9 — с поселения бронзового века на том же острове (на карте № 22); 10—12 — со славянского поселения VIII—IX вв. на „Беликом острове“ около с. Субботова (на карте № 20)

Горшки — с отогнутым наружу венчиком, стенки толстые, дно выступает наружу. Венчик украшается пальцевыми вдавлениями. По плечикам иногда нанесены одним или несколькими зубцами волнистые линии (рис. 24—10—12; рис. 25—1). Найден обломок толстостенной низкой сковородки (рис. 25—2). Кроме того, попалась овальная бусина из голубой пасты (рис. 25—3).

Поселения такого рода известны, например, у Луки Райковецкой около Бердичева (исследовано В. К. Гончаровым) и около Львова (Плисненское городище, раскопки на котором в течение последних лет производились Львовским отделением Института археологии АН УССР). Датировка этих памятников не уточнена, но предполагается, что они не старше VIII в. н. э.

В холмистой, покрытой на значительных пространствах лесом правобережной полосе Тясмина было обследовано шесть городищ чернолесского (позднейшего предскифского) времени¹, три скифских городища и одно скифское поселение. Рельеф местности благоприятствовал строительству укрепленных населенных пунктов, которых здесь значительно больше, чем осмотрено. Остановимся вначале на городищах чернолесского времени.

Одно из них, у с. Тясминки Ново-Георгиевского района, расположено на левом берегу оврага, недалеко от впадения его в Тясмин (рис. 23—3). Под городище использована небольшая сильно покатая площадка, охваченная с боков овражками со сходящимися вершинами (рис. 26—1). С напольной стороны, в месте, где сближаются вершины овражков, — небольшой вал и ров. Второй, более крупный вал со рвом разделяет площадку на две разные по величине части; высота вала 2 м, глубина рва тоже 2 м. Керамические остатки, собранные на поверхности, немногочисленны, но характерны. Длина городища 180 м, наибольшая ширина 100 м. Жизнь поселения не ограничивалась одним городищем. На левом же берегу ручья, в 150 м от укрепления по направлению к р. Тясмину (рис. 23—4), на песчаном скате открылась россыпь обломков глиняной посуды чернолесского типа — горшков с проколами по краю и защитным валиком по плечу, мисок с вогнутым краем и неглубокой глфрировкой по наружному ободку. Здесь же найдено несколько черепков с гладким валиком, которые хотя и известны для чернолесского времени, но скорее типичны для более древнего, белогрудовского этапа.

Два городища осмотрены около с. Колонтаева Ново-Георгиевского района. Одно из них, длиной 170 м, шириной 100 м, расположено на левом берегу оврага близ нижнего конца села (рис. 23—6). Под него использована ровная площадка, образованная излучиной оврага, укрепленная с напольной стороны рвом до 1,5 м глубиной. На поверхности встречались только малозначительные черепки глиняной посуды. Другое городище расположено в верхнем конце того же села, на краю высокого берегового ската к Тясмину. Оно занимает крайне небольшую площадку (40 × 40 м), ограниченную с боков промоинами, а с напольной стороны укрепленную рвом и валом, высота которого достигает 1,5 м (рис. 26—2). По пашне и в обрыве с глубины 0,25—1 м встречаются фрагменты сосудов чернолесского типа, кости животных и в довольно большом количестве гранитные камни.

Наиболее интересные результаты дал осмотр самого большого городища чернолесского времени из числа встреченных на Тясмине, расположенного на правом берегу речки, в западном конце с. Субботова (рис. 23—18). По своему устройству оно не отличается от некоторых описанных выше маленьких укреплений. Под него использован длинный участок покатога склона, охваченный с боков широкими и глубокими оврагами. Вершины этих оврагов сходятся так близко, что между ними остается очень узкий промежуток,

¹ А. И. Тереножкин. Днепровская правобережная скифская экспедиция. КСИИМК. вып. XXXVII, 1951.

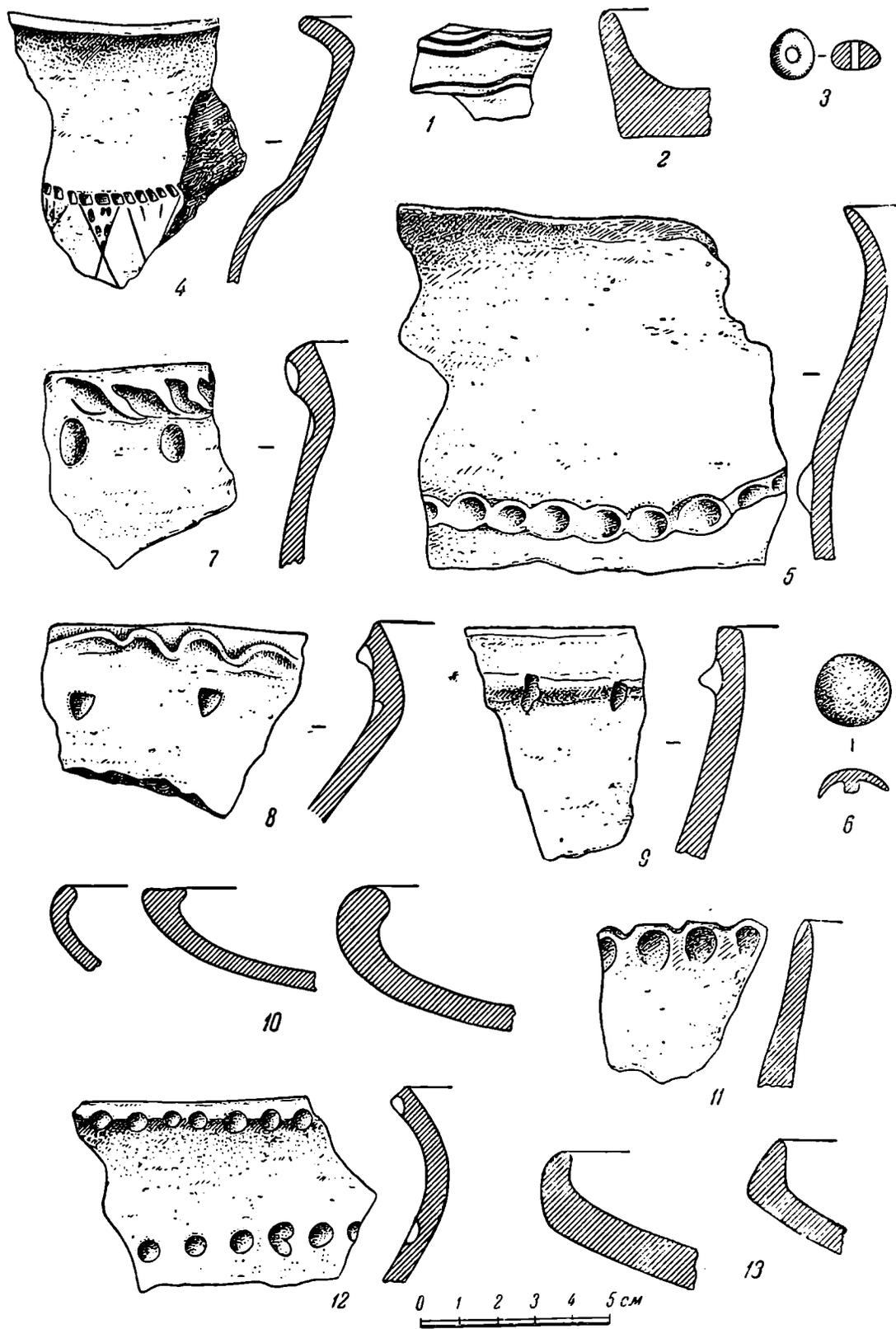

Рис. 25. Фрагменты керамики

1—3 — со славянского поселения у с. Субботова (карта № 20); 4—5 — с городища чернолеской поры в с. Полудневке (карта № 29); 6 — бронзовая бляшка, отсюда же; 7—10 — со скифского Матропинского городища (карта № 37); 11—13 — со скифского Плискачезского городища (карта № 38).

достаточный лишь для проезда одной повозки, почему городище и не имеет укрепления с напольной стороны. Нижняя, меньшая часть окопана глубоким рвом. Эту часть жители с. Субботова называют Малым городком,

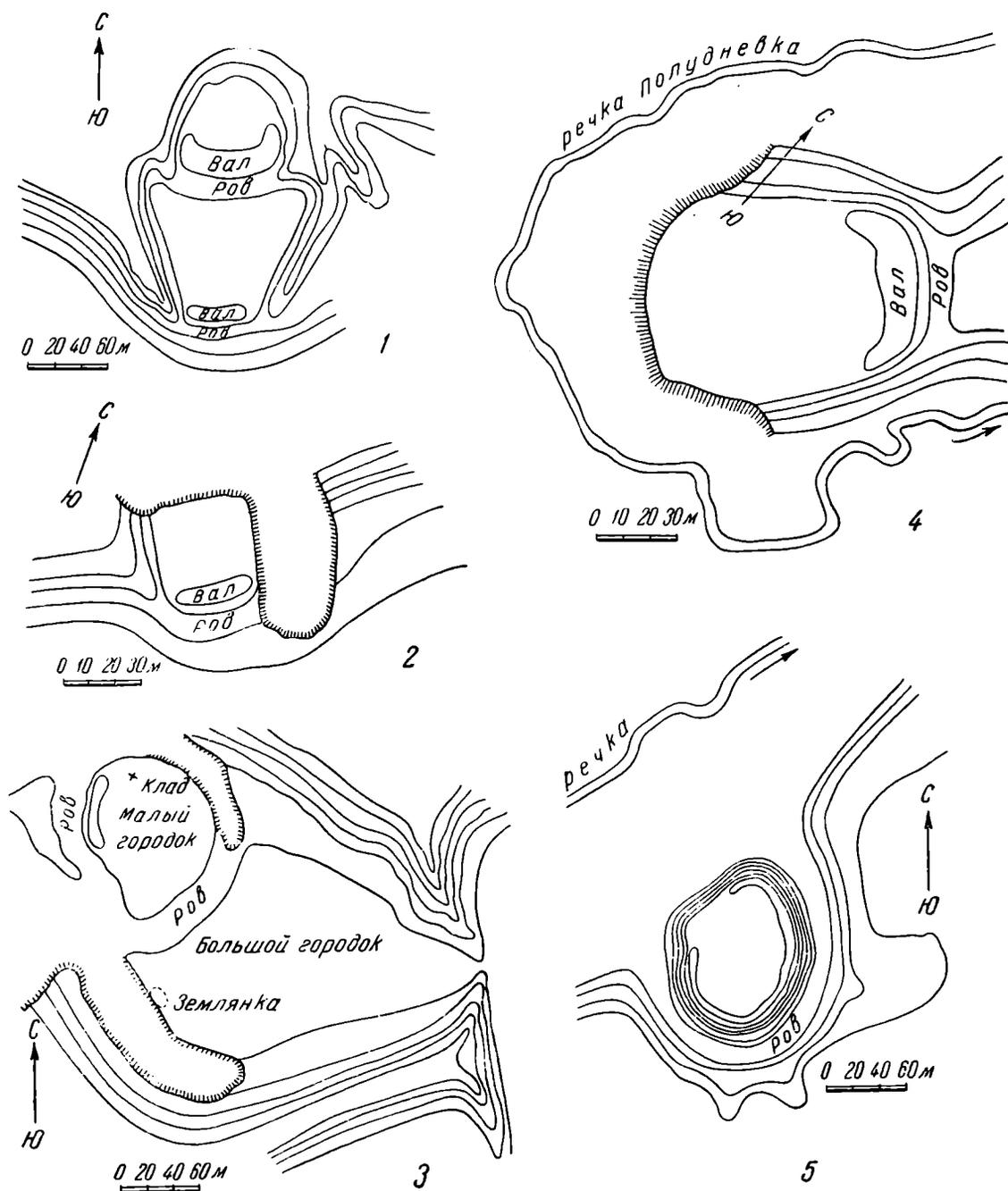

Рис. 26. Планы городищ чернолесской поры (предскифский этап)

1 — у с. Тясминки (карта № 3); 2 — у верхнего конца с. Колонтаева (карта № 9); 3 — в с. Субботове (карта № 18); 4 — в с. Полудневке (карта № 29); 5 — в устье р. Жаботивки (карта № 39)

а верхнюю — Большим городком. Длина городища достигает 300 м, ширина 200 м. Площадка Большого городка возвышается над дном оврага на 15—20 м. Ширина поперечного рва 20 м, глубина 3 м. Около нижнего края рвом, в 3 м глубиной, отрезан небольшой мыс террасы, не входивший, по-видимому, в систему городища, так как на нем не встречается почти никаких культурных остатков.

На распаханной поверхности городища всюду, но в очень незначительном количестве, попадаются мелкие и малохарактерные фрагменты обычной

чернолесской керамики. Житель с. Субботова, К. Е. Топчий, сообщил, что он в 1910 г. выпал на Малом городке высокий глиняный сосуд, наполненный принадлежностями конской узды; в нем лежали медные удила, три или четыре большие круглые гладкие бляхи и свыше сотни мелких таких же бляшек с петлями. Клад не сохранился.

На северо-западном склоне Большого городка прокладкой въезда для дороги из Субботова в Чигирин обнажена вся толща культурных наслоений. Они залегают в этом месте на глубине 25—60 см ниже поверхности и содержат фрагменты керамики и кости животных. В разрезе видна одна яма землянки, углубленная в лессовидный суглинок. Длина ямы 7 м, глубина от поверхности 1 м. Дно горизонтальное, уплотненное; на нем, примерно в середине, находится открытый очаг-кострище; стенки землянки в обрыве видны недостаточно отчетливо. По дну — земля с небольшим количеством вещественных находок. Выше яма землянки засыпана золой с культурными остатками, которые сбрасывались в нее после запустения жилища.

Из золы выбраны наиболее характерные образцы вещей. Среди них отметим: обломки простой глиняной посуды в виде горшков с проколами по краю и валиком с пальцевыми вдавлениями по плечу сосуда, донную часть шаровидного черного лощеного сосуда с неглубокой лункой в середине, маленькую фигурку животного грубой лепки с отломанной

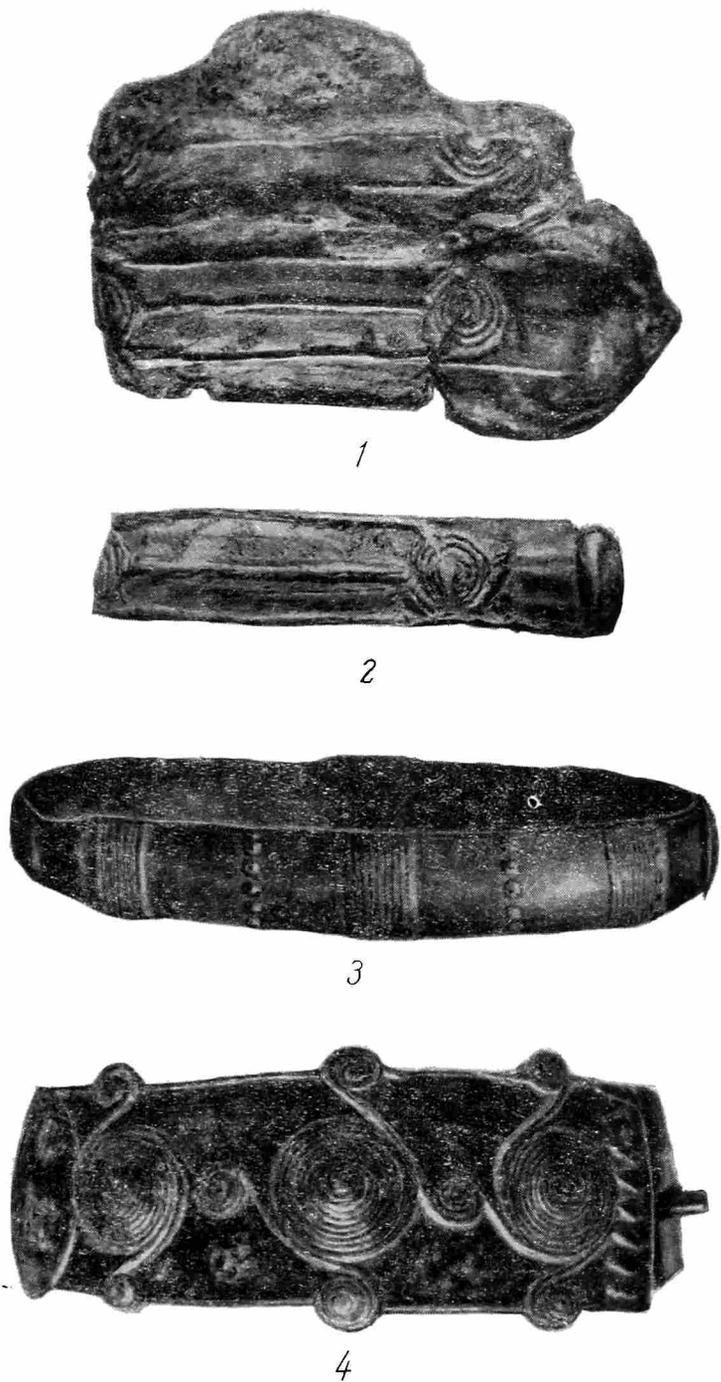

Рис. 27. Форма для отливки браслетов и бронзовые браслеты

1 — часть глиняной формы для отливки браслетов из землянки с городища чернолесской поры в с. Субботове; 2 — пластилиновый слепок браслета (нат. вел.); 3 — бронзовый браслет из с. Бобрини Каневского гайова Киевской обл.; 4 — часть бронзового браслета из быв. Каневского уезда (из собр. Ханенко)

головой, ногу от такой же, но более крупной фигурки, кусок рога оленя с обрезанным концом и фрагмент глиняной формы для браслетов (рис. 27), на характеристике и оценке значения которой я остановлюсь ниже.

Для городища в с. Полудневке (рис. 23—29) была использована площадка, образованная очень крутой излучиной р. Полудневки (рис. 26—4). С напольной стороны на перешейке оно укреплено рвом и валом, общая высота которого равняется 2,5 м. Городище маленькое, 90 × 70 м. На распаханной поверхности его культурных остатков нет. В обрыве с юго-западной стороны обнажен культурный слой, залегающий на глубине 40—60 см ниже поверхности. Кроме обломков от обычных горшков с валиком по плечу (рис. 25—5), в нем найдена часть стенки лощеного черного сосуда с высоким горлом, украшенного по корпусу ложной веревочкой и резным узором (рис. 25—4), и выпуклая круглая бляшка с ушком (рис. 25—6), вероятно подобная тем, которые были в утраченном кладе на Субботовском городище.

Интересное миниатюрное городище чернолесского времени находится на правом берегу р. Жаботинки, близ впадения ее в Тясмин около бывшего Онуфриевского монастыря (рис. 23—39). Оно расположено на краю надпойменной террасы, высотой до 5 м, окопанной кругом таким глубоким рвом, что по нему могли быть пропущены воды речки (рис. 26—5). Образованный таким способом «островок» был укреплен по краям невысоким валом (до 1,5 м), не сохранившимся с северо-западной стороны. Городище имеет овальную форму и очень рельефно выступает на слабо пересеченной местности. Наибольший диаметр его достигает 100 м. Поверхность распахируется, обнажений нет. Керамические находки — обычные для чернолесского времени, в частности встречены обломки лощеных сосудов с прочерченным и зубчатым орнаментом.

Скифские городища, в том числе известные Матронинское¹ и Плискачевское², расположены в некотором отдалении от Тясмина. Одно из них, известное под названием Турецкий вал, находится на южном краю с. Чмыревки Чигиринского района (рис. 23—28). Оно занимает большую площадь в виде треугольника, образованного двумя оврагами, сходящимися в устье. Треугольник с напольной стороны частично был прикрыт валом, тянувшимся от западного оврага. Длина городища около 1,5 км, ширина до 1 км. Ширина вала в основании 10—13 м, высота 2 м. Вдоль него, но не снаружи, как обычно, а с внутренней стороны, идет ров глубиной в 1 м. Общая длина вала достигает 200 м. Повидимому, большая не защищенная валами с напольной стороны часть поселения была прикрыта деревянным тыном. Во многих обнажениях, которые удалось осмотреть, виден очень слабо насыщенный культурными остатками слой, залегающий на глубине 25—50 см. В отдельных местах наблюдались небольшие скопления обожженной глиняной обмазки. Редкие фрагменты керамики встречались и на распаханной поверхности. Судя по этому, городище было недолговременным, что, в частности, сказалось и на незавершенности его фортификационных сооружений. Керамика представлена обломками горшков с защитными валиками и проколами по краю, обычных мисок и греческих амфор. По времени городище близко к Матронинскому, но несколько моложе его.

Матронинское городище (рис. 23—37) посещалось и описывалось неоднократно, что дает возможность не останавливаться на общем описании

¹ В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднпровья, их значение, древность и народность. «Труды XII АС», т. I, стр. 98—99; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ М. Смелы. Т. II, стр. 58—80. В этой работе упоминаются некоторые из описанных выше городищ (стр. 53).

² П. Н. Третьяков. Отчет об археологических исследованиях 1946 г. в бассейне рек Роси и Тясмина. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, стр. 235.

этого крупнейшего и сложного по устройству памятника. Нас интересовали отдельные детали его устройства и данные о датировке, которые оставались недостаточно ясными.

За внешним валом городища, по лесу, разбросаны большие курганы, испорченные ямами, обычно прорытыми до самого основания. Тем не менее, в условиях леса отчетливо сохраняется первоначальный рельеф древних могильных сооружений; вокруг каждого такого кургана — глубокий ров и вал, которые редко так хорошо видны у степных курганов.

Внешние валы городища сохранились прекрасно, они насыпаны из земли, взятой из рва, идущего вдоль вала снаружи. В одном месте (на южной стороне), где через вал прорыт проезд для дороги, хорошо видна вся структура насыпи. В основании на древнем горизонте залегает прослойка, состоящая из углей, обуглившихся бревен и обожженной докрасна земли; длина прослойки до 5 м, толщина 30—40 см. Остальная насыпь земляная, без определенной структуры. Высота вала 3—4 м, ширина 15—20 м; ширина рва 15 м, глубина 1,5—4 м.

На пашне повсеместно встречаются незначительные обломки скифской керамики и греческих амфор.

В стенках ям, вырытых с хозяйственной целью, в разных местах около церкви в северной части городища обнажаются довольно мощные культурные слои, состоящие преимущественно из сплошных нагромождений глиняной обожженной обмазки жилых построек из плетней. Число керамических остатков среднее.

Местная лепная посуда представлена обломками горшков хорошего обжига с зашипытым валиком по венчику и проколами, ниже которых иногда идет один ряд вдавлений пальцем или концом палочки (рис. 25—7-9). Миски залощены и имеют загнутый внутрь край (рис. 25—10). Среди керамических находок упомянем ручку с выступом от глубокого черпака, типа Горячево¹. Обломки греческих амфор попадают постоянно, но характерных не оказалось. Судя по скифской лепной керамике, совершенно одинаковой с керамикой раннего слоя Пастерского городища по расколкам 1949 г.², и связи с памятниками типа кургана № 447, основной период жизни Матронинского городища можно датировать второй половиной VI—V вв. до н. э.

Плискачевское городище (рис. 23—38) расположено на возвышенности между двумя глубокими оврагами. Оно овальной формы при поперечнике, несколько превышающем 0,5 км. Вал невысокий, но сохранился почти на всем протяжении довольно хорошо, высота его 1—1,5 м; перед ним проходит неглубокий ров.

Площадь городища занята садом, распахивается. По пашне очень редко попадают обломки скифской и греческой амфорной керамики. На городище было сделано семь шурфов по средней линии с севера на юг. При этом выяснилось, что в южной части культурного слоя почти нет. В северной же половине он залегает на глубине 15—50 см и содержит очень мало культурных остатков. Среди них попадались малохарактерные обломки греческих амфор и местной керамики.

Скифские горшки — с прямым или с отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю пальцевыми вдавлениями, второй ряд таких же вдавлений бывает и по плечу (рис. 25—11, 12). Край в профиле клиновидный. Украшение валиком на сосудах совершенно отсутствует. Стенки мисок залощены, края вогнутые и тоже чаще всего клиновидные (рис. 25—13).

¹ Курган № 447. ИАК, вып. 17, стр. 92—94, рис. 29.

² М. Ю. Брайтчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1950, стр. 157—158.

Уже теперь можно прийти к предварительному заключению, что Плискачевское городище существовало недолго. При определении времени его существования ограничимся пока ссылкой опять-таки на Пастерское городище, где, кроме нижнего древнего слоя, оказался верхний скифский слой с остатками наземных жилых построек, сопровождавшихся находками в точности такой же керамики. На основании находок в нем античной керамики эллинистического времени этот слой был предварительно датирован IV—III вв. до н. э.¹ Повидимому, и Плискачевское городище может быть отнесено к этому времени.

Прежде чем делать общие выводы на основании предварительного ознакомления с описанной группой городищ чернолесского и собственно скифского времени, нужно остановиться на обломке литейной формы, найденной в землянке на Субботовском городище. Он представляет собою край массивной формы (рис. 27—1), сделанной из чистой и хорошо промешанной глины; обжиг средний, цвет в изломе черный, снаружи желтый. Матрицы служили для отливки двух одинаковых браслетов, причем одна сохранилась настолько хорошо, что дает полное представление о браслете. В отливке он имеет вид неширокой ленты (рис. 27—2), украшенной двумя спиралями, соединенными посередине и по бокам тремя нитями; на одном конце — край частично обломленной выпуклой круглой бляшки; ширина браслета 16 мм; судя по изгибу матрицы, он был не круглым, а овальным.

Браслеты или браслетовидные украшения подобного рода известны в литературе по публикациям Б. Н. Ханенко², В. Данилевича³ и др. Во всех известных случаях они происходят из Среднего Приднепровья. Хранятся находки в Киевском историческом музее. А. Тальгрэн поставил эти браслеты в связь с находкой в Фокору (Венгрия) и отнес их предположительно к эпохе гальцататта⁴. Несмотря на большой интерес, какой представляли собою эти загадочные в отношении хронологической принадлежности предметы, вопрос о них не мог быть решен ввиду того, что ни одна находка их не была описана научно, как не были известны и другие сопровождающие предметы материальной культуры.

В Киевском историческом музее было 53 таких браслета, однако после разграбления его немецко-фашистскими оккупантами число их сильно уменьшилось, что лишает возможности дать полную сводку находок.

Устройство браслетов оригинальное. Отлиты они из меди и имеют круглую или овальную форму. В отлитом виде после выхода из формы концы их не были сомкнуты, при этом на одном сделан короткий массивный гвоздевидный стерженек, а другой, отлитый в виде круглой бляшки с отверстием в середине, служил приемником для стержня. Соединяя их, замыкали браслет, расковывали выступающий кончик стерженька, тщательно, до бесследности затирая снаружи место соединения концов. У овальных браслетов такой «замок» помещался на одном из перегибов. Во всех случаях на противоположной стороне находится подобная, но более крупная и более выпуклая бляшка. Бляшки всегда гладкие. В промежутках между ними браслеты украшены различным рельефным орнаментом. Среди браслетов, происходящих из различных мест, встречались почти идентичные, а иногда и различные по форме, размерам и декорировке.

Приведем описание находок.

1. Из с. Луки Таращинского района Киевской области происходит 15 обломков браслетов, поступивших в Киевский музей от Б. Н. Ханенко

¹ М. Ю. Брайтчевский. Указ. соч., стр. 159—160.

² Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев. 1899, вып. 1, табл. 11, рис. 60.

³ В. Данилевич. Археологічна минушина Київщини. Київ, 1925, стр. 70, рис. 9—10.

⁴ А. М. Tallgren. La Pontide prescythique apres l'introduction des metaux. ESA. II. Helsinki, 1926, стр. 206.

(№ 11414—11428). Сохранилась запись в книге поступлений, гласящая, что они «найжены при погребениях с сожжениями во время корчевки леса».

а) Из них 12 обломков от узких браслетов, шириной 22 мм (рис. 28—1), украшенных двумя поперечными рубчатыми полосками, чередующимися с одним рядом небольших кружочков.

б) Два обломка от подобных же браслетов, но с тремя рядами кружков в тех же промежутках (рис. 28—2).

в) Маленький обломок браслета из того же места (№ 11414), украшенный поперечной полоской рубчиков и двумя спиральками (рис. 28—3).

г) Из того же пункта происходят два, ныне не сохранившихся обломка браслетов без номера, зарисованных в Киевском историческом музее О. А. Граковой в 1939 г.¹ Оба украшены тремя поперечно поставленными рядами спиралек, по три в каждом; ряды соединены двумя перекрещивающимися в середине косым крестом нитями (рис. 28—4); ширина 25 мм.

2. Из Стретовки Ржищевского района Киевской области происходят обломки от четырех браслетов, переданных в музей Н. И. Терещенко в 1902 г. О них в книге поступлений записано: «Найжены при сожженных человеческих костях».

а) Два (№ 7473 и 7474) овальные, украшены поперечными полосками рубчиков, чередующимися с двумя рядами мелких кружков (тождественны с браслетом рис. 28—1). На обломках следы пребывания в сильном огне.

б) Третий (№ 7477) украшен тремя поперечными полосками тонких рубчиков с маленькими кружочками вдоль них; в двух широких промежутках между полосами по два косых креста из тонких нитей с точками по концам (рис. 28—5). На обломках слабые следы огня.

в) От четвертого (№ 7478) сохранился обломок, сильно попорченный огнем.

3. Из Ржищева, той же области, происходит ныне не сохранившийся широкий (40 мм) круглый браслет (№ 7485, дар Н. И. Терещенко); известен по зарисовке О. А. Граковой. В книге поступлений имеется запись, что он найден в сосуде с пережженными человеческими костями. Украшен тремя поперечными рядами спиралей, в каждом по три, соединенных между собою боковыми и срединной нитью (рис. 28—6).

4. Большое поступление было в музей из с. Грищенцы Каневского района Киевской области, сохранившееся лишь в очень незначительной части.

а) Узкий овальный браслет (рис. 28—7), поступивший от Н. И. Терещенко в 1902 г. (№ 7439), украшенный тремя рядами крупнорубчатых поперечных полос с двумя рядами крупных кружков в промежутках между ними; попорчен огнем; ширина 18 мм.

б) Круглый браслет (№ 30697), зарисованный О. А. Граковой, ныне не сохранился. Украшен тремя поперечными рядами спиралей, по три в каждом, соединенных по средней линии парами спиралек, а по бокам — нитями в виде скрученной веревочки (близок к браслету рис. 28—9)². Ширина 25 мм. У О. А. Граковой записан браслет за № 6057, ныне не сохранившийся, как совершенно одинаковый с № 30697.

в) Небольшой обломок широкого (4,5 см) браслета из с. Грищенцы, поступивший от А. А. Бобринского (№ 16897а), ныне не сохранился³. Украшен тремя спиральками, идущими попеременно; от средней большой спирали в обе стороны идут пары нитей на соединение с другими спиральками.

¹ Приношу благодарность дирекции Киевского исторического музея, разрешившей публикацию этих браслетов, и О. А. Граковой за разрешение публикации ее зарисовок.

² Петров. Сборник снимков и предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия II, вып. II, Киев, 1893, табл. VIII, рис. 2.

³ См. рисунок его в ИАК, вып. 54, стр. 104.

5. Широкий кольцевидный браслет, одинаковый с браслетом нашего описания из Гриценец (см. п. 4, б), найденный в 1891 г. близ г. Канева (рис. 28—9). Известен по публикации Петрова¹; в музее не сохранился.
6. Овальный браслет из с. Гулы Мироновского района быв. Каневского уезда Киевской области (№ 16366, куплен на средства музея). Украшен тремя поперечными рядами спиралей, соединенных между собою посередине и по сторонам нитями в виде скрученной веревочки. Ширина 2,2 см (рис. 28—8).
7. Два овальных браслета из с. Бобрица Каневского района, поступивших в музей от Археологической комиссии в 1901 г. (№ 7763). Украшены тремя поперечными полосами с рубчиками и четырьмя рядами мелких кружочков. Диаметры 13,5 и 5,5 см, ширина 2 см (рис. 29—1; рис. 27—3).
8. Три овальных браслета из Каневского уезда, поступивших от А. И. Зноско-Боровской, из которых сохранилось в музее два.
- а) Один браслет (№ 5889), одинаковый с браслетами из с. Луки Тарашинского района (см. п. 1, а). Диаметры 13,5 и 4,5 см, ширина 2 см.
- б) Другой браслет (№ 5887) украшен тремя поперечными рядами спиралей (по три в каждом), соединенных двумя нитями, перекрещивающимися в середине; соединяющие нити надрезаны под веревочку после отливки. Диаметры 12,5 и 5,5 см, ширина 2,2 см. Почти идентичен браслету из Луки (см. п. 1, в).
9. Браслет из с. Короповицы быв. Каневского уезда Киевской губернии (№ 21918). Известен по рисунку О. А. Граковой (рис. 29—3), в музее не сохранился. Форма овальная, украшен тремя поперечными полосами с рубчиками и маленькими кружочками по бокам, в промежутках между полосами два поперечных ряда строенных кружков (стертых спиралей). Сильно попорчен огнем. Диаметры 12,5 и 7 см, ширина 1,8 см.
10. Половина великолепно сохранившегося овального широкого браслета из быв. Каневского уезда (№ 11373, дар Ханенко, 1905 г.). Украшен в один ряд продольно тремя крупными спиралами, вокруг которых по краю браслета и в промежутках между большими спиралами расположены маленькие, соединенные между собою нитями (рис. 27—4). Диаметры 12 и 7 см, ширина 4 см.
11. Обломок сильно попорченного в огне браслета, происходящий из с. Хмельна быв. Черкасского уезда Киевской губернии (хранится в Киевском историческом музее по каталогу Кундуревича № 80, стр. 73).
12. Браслет неизвестного происхождения, поступил от А. А. Бобринского, вероятнее всего из Киевской области (№ 21291). Сильно попорчен огнем. Форма овальная, сохранилась половина браслета, ширина его 2 см (рис. 29—4)
13. Половина браслета (№ 10631). Место находки неизвестно; поступил в музей в 1905 г. от Терещенко, вероятнее всего из Киевской области. Форма круглая; сильно попорчен огнем, так что детали орнаментации утратились (рис. 29—5). Украшен двумя парами небольших спиралей по концам орнаментальной полосы; от каждой спирали к середине протянута короткая нить, заканчивающаяся кружком или маленькой спиралью. Ширина 2,8 см.
14. Обломок бронзового браслета из с. Луковицы Переяславского района быв. Каневского уезда Киевской области (№ 7426) — часть с замыкающей концы браслета бляшкой; украшен поперечной полоской с рубчиками и двумя рядами мелких кружков вдоль ее обеих сторон, как у браслета на рис. 29—3; попорчен огнем. В книге поступлений музея вместе с ним значился еще один обломок за № 7427, ныне не сохранившийся.

¹ Петров. Указ. соч.

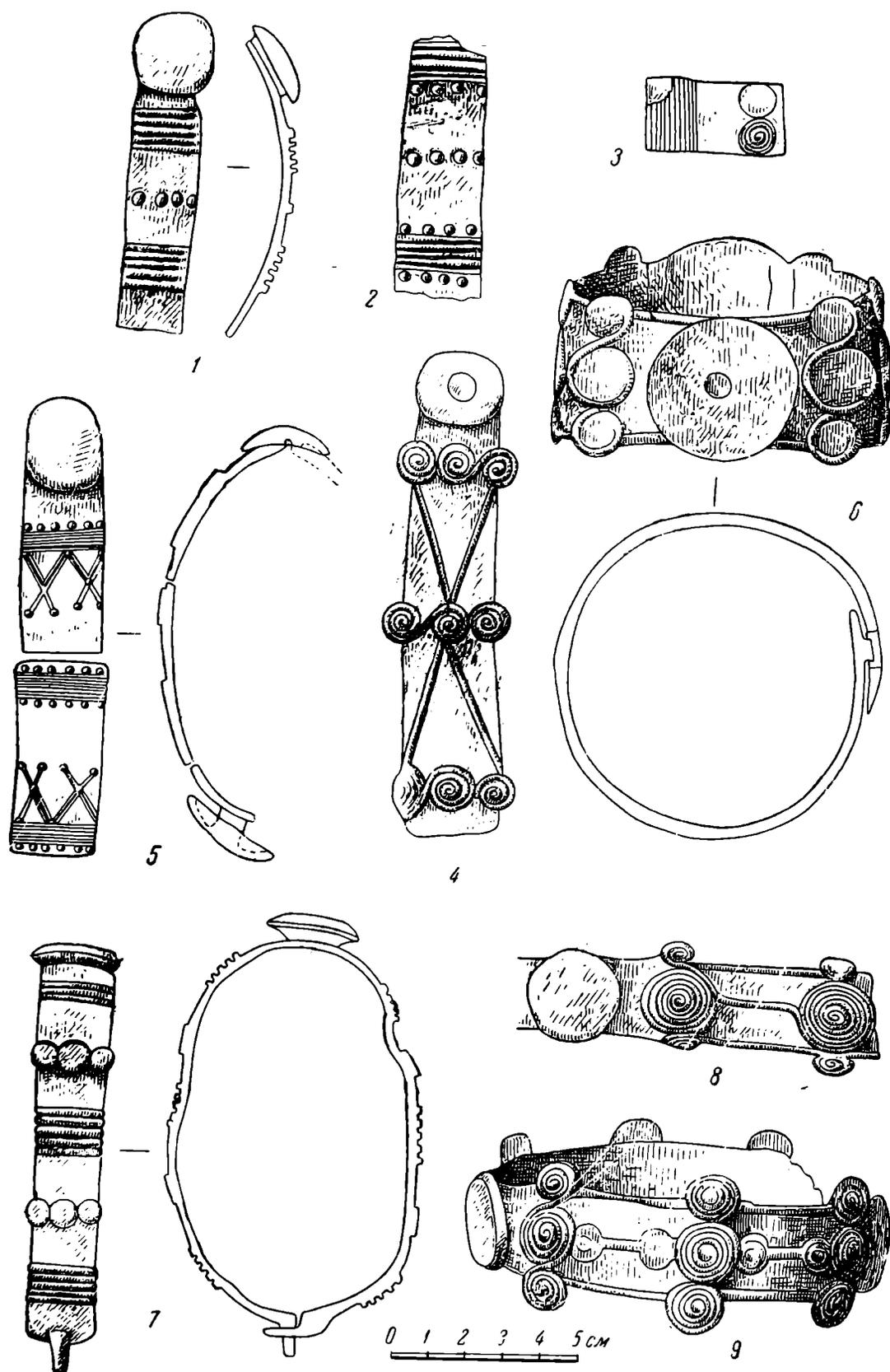

Рис. 28. Находки бронзовых браслетов в Киевской области

1-4 — из с. Луки Таращинского района; 5 — из с. Стретовки Ржищевского района; 6 — из с. Ржищева;
 7 — из с. Грищенцы Каневского района; 8 — из с. Гулы Мироновского район.; 9 — из г. Канева

Имеется следующая запись: «Части бронзовых браслетов найдены при погребениях с сожжением».

15. Обломок браслета (четвертая часть), происходящий из с. Леплявы, Гельмязовского района быв. Золотоношского уезда Полтавской губернии хранится в музее по каталогу Кундуревича № 70. Аналогичен браслету из с. Гулы Каневского уезда (см. описание находки № 6), но чуть шире его; соединяющие нити в орнаментации гладкие, а не веревочкой.

16. Половина браслета (№ 14628), изображение которого сохранилось в рисунке О. А. Граковой (рис. 29—б), происходит с «городища» из быв. Золотоношского уезда Полтавской губернии¹. Интересен как условиями местонахождения, так и тем, что он по форме и орнаментации был совершенно одинаковым с браслетами литейной формы с Субботовского городища. По его неширокой пластине расположены в ряд продольно три спирали, соединенные между собою тремя гладкими нитями посередине и по боскам. Форма, вероятно, овальная; ширина 2,2 см.

* * *

С открытием городища в Черном лесу, близ станции Хировки, в Знаменском районе Кировоградской области и связанного с ним городища около Залевок в районе Смелы мы получаем твердую основу для изучения истории племен Среднего Поднепровья на последнем, предскифском этапе, соответствующем времени исторических киммерийцев в Северном Причерноморье и первым известиям о скифах. Разведки 1950 г. на Тясмине принесли новые данные об этой эпохе, которую можно датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э. Нам кажется, что легче недооценить, чем переоценить значение этих внешне скромных данных, так как они вводят нас в круг таких явлений, которые до сих пор были или совсем неизвестны, или не могли найти себе надлежащего объяснения в археологии.

Обширное Чернолесское городище, возникнув в предскифское время, повидимому, существовало весьма долго и в последующую эпоху, если судить по находящемуся на его территории обширному скифскому могильнику. В связи с возможными большими перестройками, в частности расширениями площади городища, план его и размеры не могут дать ничего существенного для понимания эпохи строительства первых фортификационных сооружений в Среднем Поднепровье. Иное дело городища на Тясмине. Все они оказались кратковременными, прекратив свое существование уже в самом начале собственно скифской эпохи, которую мы вслед за Б. Н. Граковым начинаем со второй половины VII в. до н. э.² Обычное представление об укладе жизни оседлых земледельческих племен скифского времени и в лесостепной полосе выработалось на изучении таких огромных городищ, как Бельское, Немировское, и уступающих им, но все же больших — Матронинского, Пастерского, Хотовского и др., которые, можно предполагать, создавались усилиями целого племени и защищались такими же большими объединениями.

Яркая отличительная особенность «чернолесских» городищ на Тясмине заключается в их небольших размерах, колеблющихся в пределах 0,15—1 га и в редких случаях достигающих 2 га (Субботовское). Они представляют собой родовые укрепления, где в расположении еще сохраняется древняя традиция жизни родовыми, неукрепленными поселками в бронзовую эпоху,

¹ В книге поступлений Киевского музея сведений о месте находки этого браслета не имеется. Они приведены у Тальгрена при упоминании браслета Киевского музея с этим же инвентарным номером; см. там же.

² Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 38.

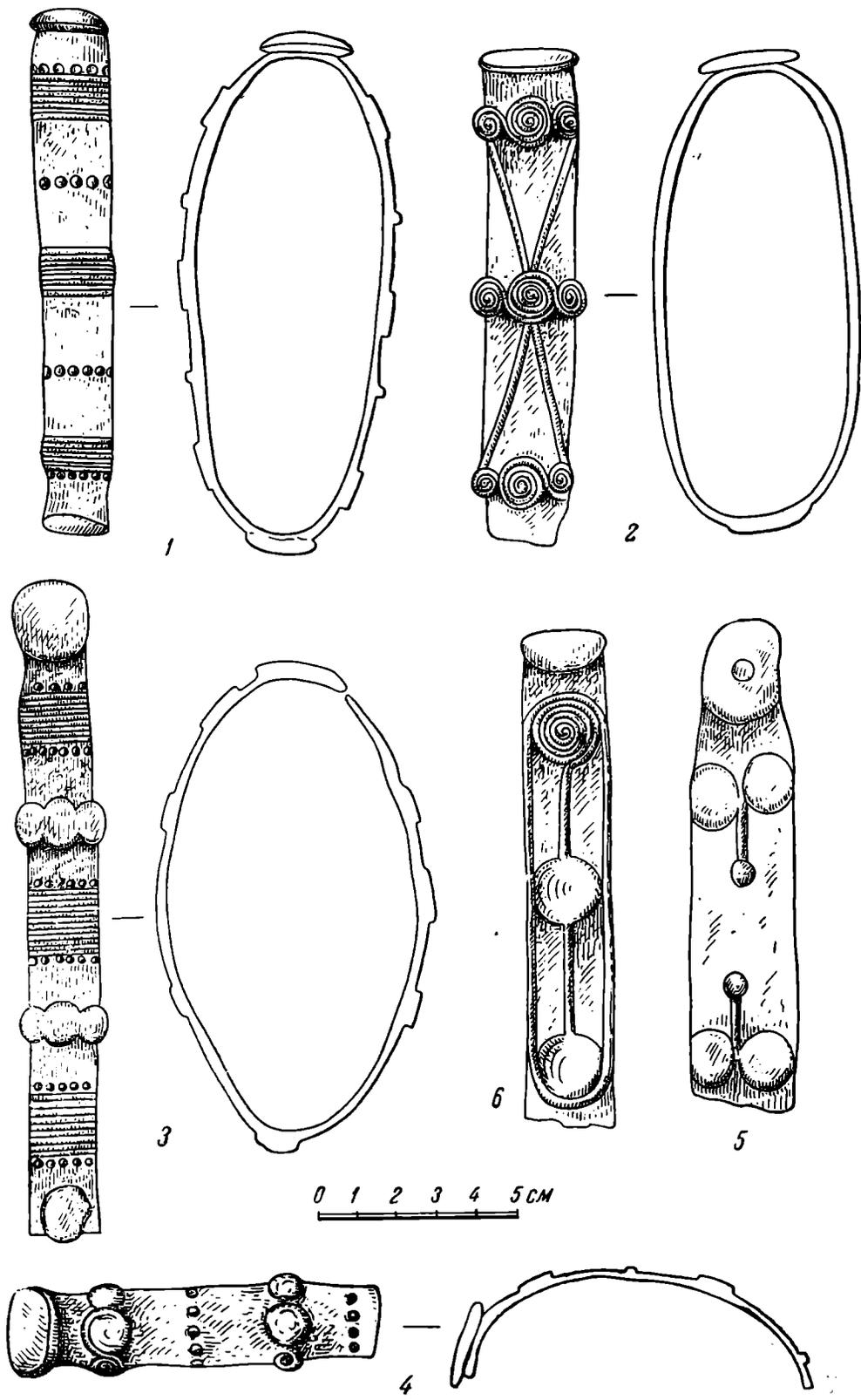

Рис. 29. Бронзовые браслеты

1 — из с. Бобринцы Каневского района; 2 — из быв. Каневского уезда; 3 — из с. Короповицы быв. Каневского уезда; 4 — неизвестного происхождения, из собрания Бобринского; 5 — то же, из собр. Терещенко; 6 — с городища в быв. Золотоношском уезде Полтавской губернии

когда общая безопасность не требовала постоянного сосредоточения племени в одном месте или на небольшой территории. Запустение малых городищ следует связывать с переходом жизни из них в большие городища, сооружением которых знаменуется время окончательного сложения скифских культурных форм в нашей степи и лесостепи. Носители этой культуры в значительной части были политически объединены под властью кочевых скифов. На новом историческом этапе с полной очевидностью обнаружилось, что оборона и сохранение племенной самостоятельности при малых или распыленных силах стали уже невозможными.

Находка литейной формы в землянке на Субботовском городище позволила определить историческое место замечательных бронзовых браслетов Киевского музея, которые значительно расширяют наше представление об уровне и своеобразии материальной культуры чернолесского этапа. Они интересны своей строгой локализацией на крайне ограниченной территории Среднего Поднепровья, собственно в бассейнах Роси и Тясмина, где позднее сложился один из главных центров оседлых земледельческих племен Скифии. Их местное производство, судя по такой локализации и находке литейной формы, очевидно. Следовательно, эти браслеты определяют и основную особенность местного стиля металлических изделий чернолесского этапа. Стиль этот — геометрический. Залевкинский клад с его разнообразным составом изделий и украшений также подтверждает правильность этого вывода. А. Тальгрэн улавливал связь наших браслетов с памятниками фракийского гальштатта, в частности их сродство с золотым украшением из Фокору в Венгрии.

Относительно четырех находок браслетов сохранились документальные сведения о происхождении их из могильников с трупосожжениями в урнах; почти все остальные браслеты носят явные следы пребывания в сильном огне, следовательно в основном также происходят из подобных могильников. Можно уже насчитать восемь мест, в которых могли быть эти могильники: с. Лука Таращинского района; Стретовка и Ржищево Ржищевского района; Грищенцы, Бобрица и Канев; с. Гулы Мироновского района; с. Короповицы быв. Каневского уезда; с. Хмельна быв. Черкасского уезда; с. Леплява Гельмазовского района Полтавской области и с. Луковицы Переяславского района Киевской области.

Приведенные данные указывают, что в Среднем Поднепровье даже в самое позднейшее предскифское время господствовал погребальный обряд с трупосожжениями в могильниках, а не с трупоположениями в курганах, которые для этого времени мало известны.

Эти могильники с сожжениями стоят не одиноко в Среднем Поднепровье. Напомним для примера находку захоронения ребенка в урне близ с. Мотовиловки в быв. Васильковском уезде (ныне Фастовском районе)¹. Урна, несмотря на отсутствие орнаментации, очень типична для предскифского времени по своей высокой баночной форме со слегка отогнутым краем. Не случайным представляется теперь роль трупосожжения в погребальном обряде у древних оседлых племен Киевщины в течение всего скифского периода, отмечавшаяся А. А. Спициным². П. Д. Либеров, специально останавливающийся на этом вопросе, приходит к важным выводам о местном генезисе культуры полей погребений корчеватовского типа³.

¹ В. Гезе. Заметки о некоторых киевских древностях. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 194—197, рис. 40.

² А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 107, 109 и др.

³ П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 75 сл.

Погребения с труположениями в курганах, относящиеся к чернолесскому времени, редки, несмотря на большое число исследованных скифских памятников. По найденной керамике к ним можно прежде всего отнести курган № 55 около с. Ковали в быв. Каневском уезде и курган № 163 около Смелы. Если дальнейшие исследования подтвердят правильность нашего вывода о значении погребального обряда с трупосожжениями в чернолесское время, то подобные погребения в курганах могли бы рассматриваться в качестве переходной формы к обычным местным курганным захоронениям скифской поры.

Большое различие в материальной культуре племен предскифского времени в Среднем Поднепровье, представленного здесь памятниками белогрудовского¹ и чернолесского типов, киммерийцев в Северном Причерноморье и позднесрубных племен к востоку от Днестра, становится еще ощутительнее в связи с выяснением роли кремации в погребальном обряде в предскифское время на чернолесском этапе. Оно должно рассматриваться как прямое указание на существование крупных этнических различий между этими племенами.

Работы 1949 и 1950 гг. в верховьях Ингульца и на Тясмине позволяют установить следующие основные особенности предскифского чернолесского этапа, который датируется нами VIII — первой половиной VII в. до н. э.:

1. Жизнь в многочисленных, но малых укрепленных родовых поселениях — городищах.

2. Господство погребального обряда трупосожжения с захоронением в урнах на могильниках.

3. Геометрический стиль украшения металлических изделий. Это — внешние и в то же время органически важные черты культуры оседлых земледельческих племен днепровского лесостепного правобережья, которая еще не подверглась воздействию культуры кочевых скифов, а позднее и известной ассимиляции. Скифский вклад в культуру местных племен был, как известно, огромным. С появлением скифов на историческую арену и установлением их господства в степях и частью в лесостепях к северу от Черного моря в Среднем Поднепровье воспринимается героизированный пышный погребальный обряд в курганах с труположением, распространяются скифские виды вооружения и снаряжения боевого коня и, наконец, звериного стиля, который, как и все другие упомянутые признаки, проник в культуру и быт местных племен так глубоко, что кажется в лесостепи извечным. Однако основы культуры здесь сохранились свои, именно те, которые уже давно позволили выявить тесную взаимную связь культуры скифов-пахарей с гальштаттом Средней Европы.

Культурная ассимиляция создавала иллюзию этнического единства скифов кочевых и «скифов» оседлых. Эта иллюзия могла находить себе подкрепление и в указаниях Геродота, которому Скифия рисовалась как страна с населением, ничем не расчлененным в этническом и культурном отношениях.

Польская и чешская историография, ставя ошибочно знак равенства между культурой и этносом, отрицала славянскую принадлежность племен Среднего Поднепровья скифского времени². Однако, выясненная советской археологией, преемственность культуры «полей погребений» через посредство корчеватовского этапа от местной культуры скифской поры не оставляет сомнения в том, что славяне в Поднепровье не поздние пришельцы, а древние обитатели этой страны. Данные о чернолесском и белогрудовском этапах позволяют возводить их историю здесь к предскифской эпохе, для которой

¹ О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 173 и сл.

² М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 7.

культурная близость Поднепровья с Средней Европой обнаруживается вновь в таких же отчетливых формах, какие отмечаются между ними и в начале нашей эры. Эту близость нельзя рассматривать как признак культурной зависимости племен Среднего Поднепровья от лужицких и лужицко-гальштаттских племен,— она говорит об этническом родстве и определенной общности в развитии древних славянских племен на различных территориях, временно ослабленной скифским господством. Открытие новых памятников чернолесского этапа подтверждает правильность взгляда советских историков и археологов на Среднее Поднепровье как на один из древнейших центров сложения славян, элементы языков которых, как указывает И. В. Сталин в своем труде по марксизму и вопросам языкознания, «были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства».

А. Н. МОСКАЛЕНКО

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕМ
И СРЕДНЕМ ДОНУ*(Материалы к археологической карте Воронежской области)*

Изучение памятников эпохи бронзы, расположенных на территории Среднего и Верхнего Дона в пределах Воронежской области, представляет большой интерес, так как именно здесь проходила граница нескольких культур того времени — ямной, катакомбной, киммерийской и хвалынской.

Детальную характеристику культур эпохи бронзы в указанном районе дал Г. В. Подгаецкий¹. Он исчерпывающе изучил археологические памятники Среднего Дона и смежных с ним территорий, привлек много сравнительных данных, сделал выводы о наличии среднедонского варианта катакомбной культуры, отметил характерные черты срубной культуры в этом районе, выделил особый вариант поселений с рогожной и сетчатой керамикой, показав при этом, что каждая последующая культура была генетически связана с предыдущей. Работа Подгаецкого подвела итог предшествующему изучению памятников эпохи бронзы на территории Среднего Дона и выдвинула ряд проблем, для решения которых необходимо дальнейшее обследование района.

В 1948—1950 гг. Воронежский университет совместно с областным музеем краеведения проводил археологические разведки по берегам рек Дона и Воронежа, цель которых — сбор материалов для археологической карты Воронежской области².

В 1949 г. были обследованы берега р. Воронежа, от г. Липецка до с. Вертячьего Хлевенского района (рис. 30). Эта территория ранее не изучалась. Разведка на левом берегу выявила следующие пункты, где обнаружены остатки материальной культуры эпохи бронзы:

1. На территории лесопарка Липецкого района, недалеко от кордона, в местах выборки песка найдены фрагменты керамики, сделанной от руки из хорошо промешанной глины. Цвет черепков светлорыжий, толщина стенок 0,5—1 см. Отдельные фрагменты украшены нарезным орнаментом в виде продолговатых, округлых и лункообразных вдавлений.

2. На пашне, между кордоном лесопарка и с. Ново-Липецком Липецкого района, найдены обломки керамики указанного типа без орнамента.

¹ Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. Кандидатская диссертация, ч. 1—2, 1947. Архив сектора бронзы и раннего железа. ЛОИИМК, № 2/7 и 2/8.

² В экспедиции принимали участие студенты Воронежского гос. университета В. Афонюшкин, Л. Банникова, Р. Демидов, В. Клесов, Т. Сойхер и др.

3. На пашне, расположенной на первой террасе, в 3 км южнее Ново-Липецка, обнаружено много фрагментов керамики и костей животных. Сосуды сделаны от руки, из плохо перемешанной глины с примесью песка. Толщина стенок 0,5—1 см. Большинство черепков украшено нарезным орнаментом либо в виде елочки (рис. 31—1, 2), либо в виде неглубоких вдавлений различных форм. Один обломок стенки сосуда орнаментирован наlepным волнистым валиком. Находки сделаны на площади 100 × 200 м.

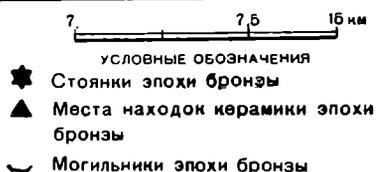

Рис. 30. Карта размещения памятников эпохи бронзы

4. В обнажениях склона второй террасы, на опушке леса, приблизительно в 100 м юго-восточнее указанной выше пашни, встречены остатки культурного слоя, содержащего уголь, фрагменты керамики и раздробленные кости животных. Керамика и кости встречаются и дальше на юг, по краю террасы на протяжении 150—170 м.

Все черепки принадлежали сосудам, вылепленным от руки из плотного, хорошо промешанного теста. Цвет их светлорыичневый. Толщина стенок 0,8—1,2 см. Некоторые из них орнаментированы крупной бороздчатой штриховкой или подтреугольными вдавлениями (рис. 31—3, 4).

5. На поле пос. Заречинского Липецкого района собраны обломки посуды, сделанной от руки из хорошо промешанной глины с большой примесью песка. Цвет их светлорыичневый, некоторые украшены нарезным орнаментом.

6. На поле у д. Елизной Липецкого района встречены фрагменты керамики, сделанной от руки; небольшая часть их — с нарезным орнаментом. Тесто — с примесью крупнозернистого и мелкозернистого песка. Толщина стенок 0,6—1,1 см.

7. На поверхности дюны¹, расположенной в 1 км к западу от церкви с. Карамышева Дрязгинского района, обнаружено много остатков керамики, раздробленные кости животных и несколько отщепов кремня. Сосуды сделаны от руки из хорошо промешанного теста. Толщина стенок 0,5—0,8 см. Черепки темнокоричневого цвета, фрагменты стенок и венчиков сосудов украшены либо гребенчатым штампом, образующим узор елочки, либо продолговатыми лункообразными вдавлениями, либо прочерченными линиями, образующими ромбы, углы и т. д. (рис. 31—5-9).

На правом берегу Воронежа остатки культуры эпохи бронзы обнаружены в следующих местах:

1. На плато коренного берега, в 5 км южнее современного кладбища, расположенного у с. Дикого Липецкого района, встречены единичные

¹ Эта дюна местным населением называется Избище. В течение продолжительного времени крестьяне возят отсюда песок, и поэтому вся поверхность дюны изрыгана ямами.

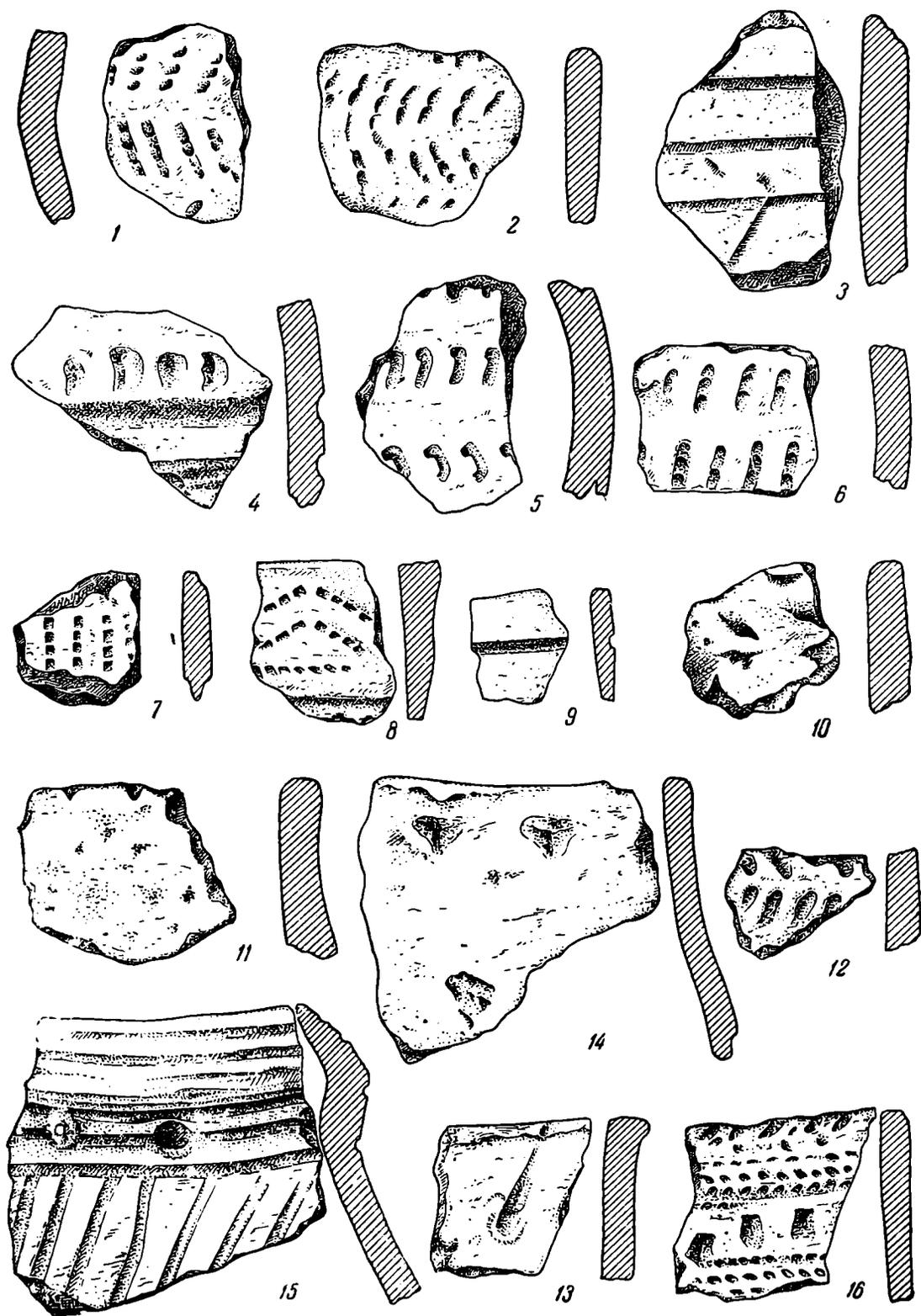

Рис. 31. Керамика эпохи бронзы

фрагменты керамики, сделанной от руки из хорошо промешанной глины. Толщина стенок 0,5 см. Орнамента нет.

2. На краю коренного берега, в районе сел Крутогорье и Грязное Боринского района, найдены единичные обломки керамики, вылепленной от руки, также без орнамента.

3. На плато коренного берега, в юго-восточном конце с. Троицкого Боринского района, обнаружены сильно окатанные черепки светлокоричневого цвета. Сосуды вылеплены из хорошо промешанной глины. Толщина стенок 0,5—0,7 см. Некоторые украшены резным орнаментом в виде елочки или в виде прочерченных гребенчатым штампом линий.

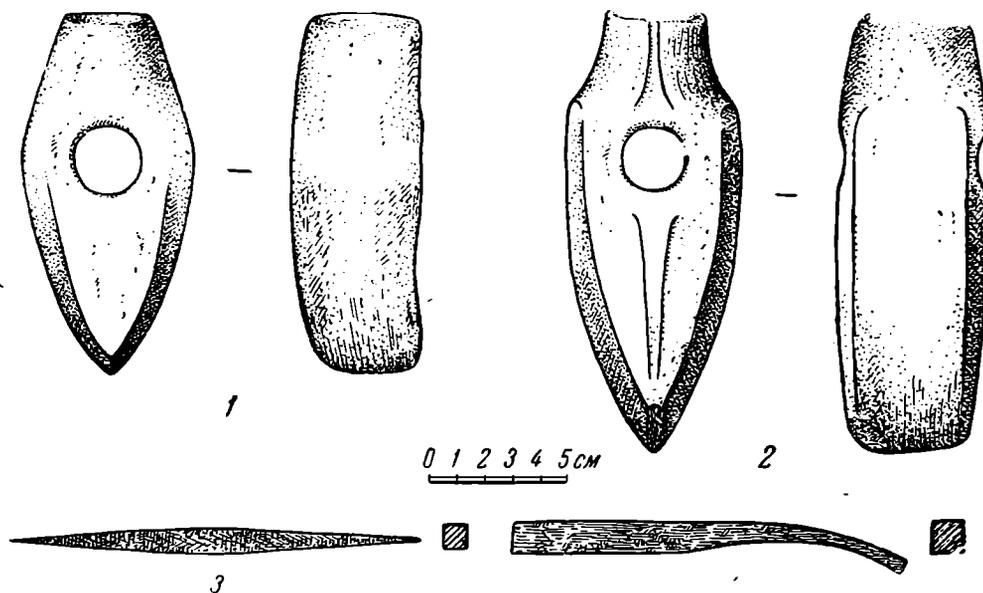

Рис. 32. Каменные и металлические предметы, найденные при обследовании памятников в Воронежской области

1, 2 — каменные молоты; 3 — бронзовое шило; 4 — железный предмет

4. На плато коренного берега, в 500 м к югу от колхоза «Первомай» Боринского района, найдены фрагменты посуды и два кремневых орудия. Сосуды сделаны из хорошо промешанной глины с примесью песка. Черепки светлокоричневого цвета, некоторые украшены нарезным орнаментом в виде елочки и лункообразных вдавлений (рис. 31—10, 11).

5. На поле с. Вербилково Боринского района, называемом местным населением Барская гора, недалеко от оросителя, еще в 1941 г. колхозник И. И. Большев нашел каменный сверленный молоток, который был передан экспедиции (рис. 32—1). При осмотре участка в районе оросителя никаких других находок не обнаружено.

6. Колхозником В. В. Стуровым в с. Малинино Хлевенского района, на огороде, найден каменный сверленный молот (рис. 32—2).

Таким образом, при разведках нами выявлено 12 мест, содержащих остатки материальной культуры эпохи бронзы. Наибольший интерес представляет территория, расположенная к югу от с. Ново-Липецка, и дюна у с. Карамышева, где обнаружено наибольшее скопление черепков посуды, костей животных и отдельные кремневые отщепы, свидетельствующие о наличии стоянок. Найденную нами керамику можно сравнить, например, с керамикой со стоянок с. Шелаева Курской области¹.

¹ М. Е. Ф о с с. Раскопки на р. Осколе. «Труды ГИМ», вып. XII, М. 1941; Коллекция археологического отдела ГИМ, № 77978.

По облику керамика с обоих берегов однородна. Все сосуды сделаны от руки, в большинстве случаев из хорошо промешанной глины. Цвет черепков преимущественно коричневатых тонов. Толщина стенок чаще всего не превышает 1 см. Орнамент преобладает нарезной, в виде елочки, округлых, удлиненных, подтреугольных вдавлений или крупной штриховки.

Такого рода керамику Г. В. Подгаецкий относит к среднедонскому варианту катакомбной культуры¹, что дает возможность расширить территорию распространения этого варианта вверх по Воронежу до Липецка.

В 1950 г. был обследован участок глиняного карьера, расположенного на первой надпойменной террасе левого берега Дона, приблизительно в 650 м на юго-запад от дер. Никольское Водопьяновского района, слева от дороги, идущей на с. Липовку Орловской области (рис. 30).

Интерес к этому пункту вызван тем, что отсюда в 1949 г. автору этих строк были доставлены три глиняных сосуда и череп человека, найденные при разработках.

Сосуды сделаны от руки. Высота первого 21,5 см, диаметр горла 18 см, основания 10,5 см. Сосуд — с округлыми боками и высокой шейкой, вся поверхность его покрыта врезным орнаментом (рис. 33—1). Высота второго сосуда 12,5 см, диаметр горла 6 см, основания 6,5 см. По форме он несколько напоминает первый и отличается более четко выраженной шейкой и более округлыми боками. Врезным орнаментом украшены не только шейка и стенки, но и днище (рис. 33—2). Третий отличен от первых двух и по форме и по отсутствию орнамента. Он представляет собой невысокую миску, высотой 8 см, расширяющуюся к устью; диаметр дна 8 см, устья 12,5 см (рис. 33—3). Как удалось установить, этот сосуд находился на глубине приблизительно 30 см от современной поверхности почвы, рядом с человеческим черепом. По словам местных жителей, остальные сосуды также были найдены около человеческих скелетов, уничтоженных при разработке глины. Кроме доставленных сосудов, на том же участке встречались отдельные фрагменты керамики и человеческие кости.

Задачей нашего обследования являлось выяснение характера памятника, который разрушается более 30 лет, так как разработка глины ведется здесь уже с 1913 г., причем вначале глиняный карьер находился справа от дороги, где также встречались сосуды, черепки и человеческие кости.

Площадь, прилегающая к действующему карьере, из года в год распаивается, и никаких следов курганных насыпей на ней обнаружить не удалось.

Контрольные шурфы на поле ничего, кроме единичных находок черепков посуды и мелких раздробленных костей животных, не дали.

Интереснее оказался шурф, заложенный на северо-восточной стороне карьера. Здесь, на сравнительно небольшом участке, на различной глубине, обнаружены три сосуда. Первый найден на глубине 26 см в черноземе. Вылеплен он из хорошо промешанной красной глины, с примесью толченой раковины. Высота его 14 см, диаметр горла 15 см, основания 7 см. Плечики сосуда украшены отпечатком гребенки, расположенным ломаной линией (рис. 33—4). В сосуде находились кости небольшого животного, а около лежало еще несколько мелких косточек плохой сохранности. На расстоянии 2 м от первого на глубине 80 см, в слое глины, обнаружен второй сосуд очень плохой сохранности; он лежал на боку и при расчистке распался на мелкие частицы. Он был также сделан от руки из красной глины с примесью толченой раковины. Форма его близка к типу баночного сосуда. Его верхняя часть была украшена зигзагообразным орнаментом в виде широких борозд, расположенных в два ряда.

¹ Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., т. 1, стр. 68.

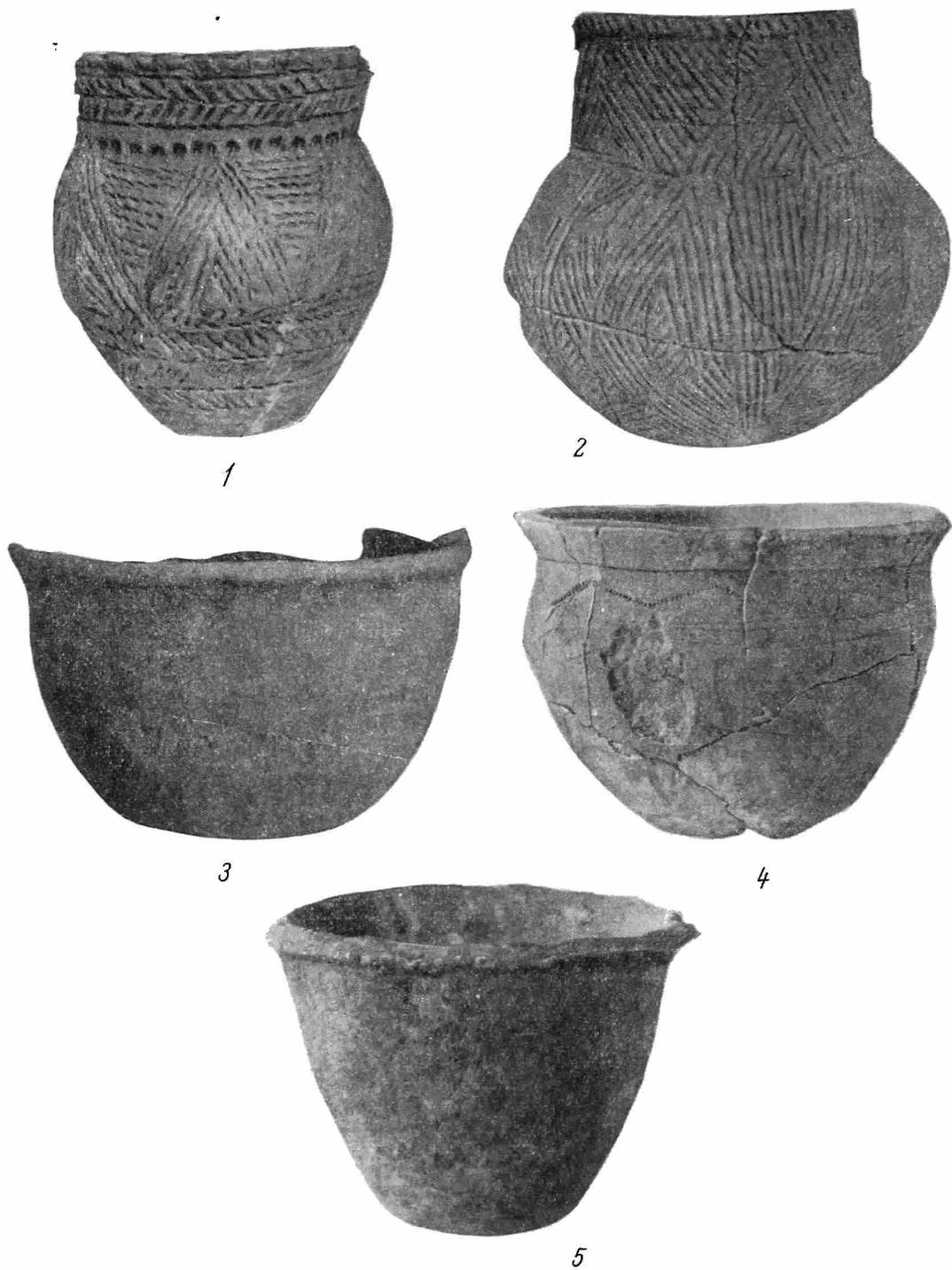

Рис. 33. Сосуды бронзовой эпохи

Третий сосуд — баночной формы, без орнамента, также очень плохой сохранности; найден на расстоянии 135 см от второго, на глубине 90 см в слое глины. Он вылеплен из серой глины без особых примесей.

Никаких остатков человеческого скелета и признаков могильного пятна около сосудов не обнаружено. В этом шурфе, кроме сосудов, на различной глубине найдены небольшие расколотые кости животных; больше всего их было в восточной стороне шурфа, в той части, где найден третий сосуд. Наибольшее количество костей встречено на глубине 75—95 см, и только одна кость была обнаружена в слое чистой глины на глубине 140 см. Ниже этой находки никаких культурных остатков не найдено.

В шурфе, заложенном в северо-восточной стороне карьера, по краю оврага, на глубине 1 м, в слое глины обнаружен еще один сосуд баночной формы из серой глины с примесью толченой раковины. Орнамента на нем нет. Его высота 9,5 см, диаметр горла 15 см, а дна 6 см (рис. 33—5). Никаких признаков человеческого скелета и здесь не было.

Исходя из сказанного, следует предположить, что у д. Никольское в эпоху бронзы существовал могильник, в большей своей части уже разрушенный во время разработки глины.

Поскольку два шурфа на северо-восточной стороне карьера дали находки лишь отдельных сосудов и расколотых костей животных, можно предположить, что здесь находилось жертвенное место, подобное обнаруженному при раскопках могильника близ Алексеевского поселения¹.

К какому периоду эпохи бронзы относится наш памятник? Судя по найденным сосудам, мы полагаем, что более ранние погребения принадлежали племенам катакомбной, а более поздние — срубной культуры.

В дальнейшем следует продолжить работы в северо-восточной стороне карьера, т. е. в наименее разрушенной части могильника, и по другую сторону от дороги, на участке, который мы не имели возможности обследовать.

В 1948—1950 гг. разведки по берегам Дона мы проводили к югу от г. Воронежа (рис. 34). Основное внимание было сосредоточено на территории Гремячского района, природные условия, экономика, культура и история которого в течение нескольких лет изучались комплексной экспедицией Воронежского университета. Археологическое исследование берегов Дона в пределах Гремячского района продолжается уже свыше 70 лет. В науке хорошо известны Костенковские палеолитические стоянки, Боршевские славянские городища. Изучались здесь и памятники эпохи бронзы, а именно стоянки у устья ручья Ерик, впадающего в Дон против северного конца с. Костенки², около хутора Семидворки, приблизительно против

Рис. 34. Карта распространения памятников эпохи бронзы

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 72.

² П. П. Ефименко. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 5, стр. 46—53.

центра с. Костенки¹, в Александровке, на месте палеолитической стоянки Костенки IV², и на Малом Боршевском городище³. Ниже мы отметим лишь те пункты с остатками материальной культуры этого времени, о которых в печати не сообщалось.

1. К северу и югу от дер. Погоново на поверхности песчаных бугров второй речной террасы были собраны фрагменты керамики, несколько кремневых орудий, много отщепов кремня, обломок сделанной из песчаника формочки для отливки бронзового стержня, раздробленные кости животных. Как нам сообщил сотрудник Воронежского областного музея краеведения Д. Д. Леонов, раньше на буграх находили и бронзовые орудия. Найденные черепки принадлежат сосудам, сделанным от руки. Толщина стенок 0,5—0,8 см. Тесто хорошо промешано, обжиг ровный. Нарезным орнаментом елочкой и неглубокими лунками украшено несколько черепков, остальные орнамента не имеют. Большинство из них может быть отнесено ко времени катакомбной и срубной культур.

2. На поле, расположенном северо-западнее хут. Семидворки Костенковского сельсовета, в обрезах, образовавшихся при проводившихся ранее земляных работах, обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Два шурфа, заложенные на расстоянии 20 м друг от друга, дали одинаковые результаты. Культурный слой залегал на глубине 70—75 см в черноземе. В нем найдено много керамики и расколотых костей животных.

Много черепков посуды и костей животных встречается и на первой террасе, непосредственно на песке по берегу Дона. Здесь также найдены нами остатки культурного слоя, занимающего площадь приблизительно 16 × 12 м, залегающего под тонким слоем песка. В культурном слое, кроме керамики, обнаружено бронзовое обоюдоострое четырехгранное шило, длиной 5,6 см, и железный четырехгранный прутик (рис. 32—3-4)⁴.

подавляющее большинство фрагментов керамики с поля около хутора Семидворки и непосредственно с берега Дона может быть отнесено к срубной культуре. Сосуды — преимущественно баночной формы, вылеплены от руки. Тесто плотное, хорошо промешанное. Цвет черепков серый. Наружная, а в ряде случаев и внутренняя поверхность многих сосудов сглажены зубчатым штампом. Меньшая часть сосудов, судя по числу черепков, орнаментирована округлыми, удлиненно овальными квадратными вдавлениями (рис. 31—12-14).

Собранная нами керамика по характеру теста, орнаменту и форме сосудов совершенно сходна с той, которая в 1932 г. была обнаружена при раскопках стоянки в этом районе⁵.

Керамика срубной культуры встречается и дальше от хутора Семидворки, вниз по течению Дона.

3. На территории с. Рудкино, в различных местах на первой и второй террасах, между колхозом «Большевик» и вторым рудкинским паромом, по обе стороны от Рудкинской горы и на самой горе, на левом берегу балки Сухой лог, приблизительно в 100 м от дороги, идущей из с. Костенки в

¹ В книге В. И. Равдоникаса («История первобытного общества», т. II, Л., 1947, стр. 361, 362) эта стоянка названа стоянкой у с. Костенки, причем ошибочно указывается, что она расположена на правом берегу Дона.

² Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., ч. 2, стр. 112.

³ Там же, стр. 13.

⁴ При раскопках стоянки эпохи бронзы в Сталинском районе г. Воронежа Г. В. Подгаецкий также обнаружил, наряду с предметами из бронзы, и предметы из железа (Г. В. Подгаецкий. Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону, КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 6; «Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 158).

⁵ Археологический отдел МАЭ, коллекции № 736, 1184, 1213, 5209 и др. В. И. Равдоникас. Указ. соч., т. II, стр. 361, 362.

с. Рудкино, были собраны' фрагменты керамики, относящейся к катакомбной и срубной культурам.

4. В с. Костенках, на территории фруктового сада колхоза «Коллективный труд» и против него, в обресе второй террасы, обнаружены фрагменты керамики срубной культуры.

5. На территории Гольшевского городища (с. Архангельское) встречены черепки сосудов катакомбной культуры (рис. 31—15, 16).

Все известные ранее и собранные нами материалы говорят о том, что этот район в эпоху бронзы был густо заселен. Однако для обобщающих выводов необходимо в дальнейшем провести стационарные раскопки на некоторых пунктах и прежде всего на месте палеолитической стоянки Костенки IV и на поле северо-западнее хут. Семидворки.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КИММЕРИКА

*(Доклад, прочитанный на заседании Сектора первобытной археологии ИИМК
АН СССР в феврале 1951 г.)*

Передавая древнее предание об изгнании скифами киммерийцев из их владений в Северном Причерноморье, Геродот отмечает, что и в его время еще существовали в Скифии киммерийские переправы, киммерийские укрепления, область, называемая Киммерией, и так называемый Киммерийский Боспор¹. Греческие писатели более позднего времени продолжают связывать название города Киммерика, Боспора Киммерийского и горы Киммерия с жившими некогда на Боспоре киммерийцами².

Местоположение Киммерика может быть точно локализовано на основании сохранившегося у Псевдо-Арриана указания на существование у города стоянки для кораблей, защищенной от западных ветров, а напротив, в море, на недалеком расстоянии от материка,— двух скалистых, не очень больших островов³. Основываясь на данных античных писателей, а также на находках многочисленных каменных стен, расположение которых отчетливо прослеживалось в первой половине XIX в., Бларамберг и связывал остатки древнего поселения на западном склоне горы Опук, в районе трех невысоких холмов, расположенных между берегом Черного моря и соленым озером Элькен, с древнегреческим городом Киммериком⁴. Позже это поселение обследовал и описал Ю. Ю. Марти⁵.

Там же проводила работы экспедиция под руководством И. Б. Зеест⁶ в 1947—1949 гг. В 1948 г. на одной из площадей, вскрытых экспедицией, в ложине между двумя ближайшими к морю холмами, в нижнем слое, покрывавшем скалу, было обнаружено несколько фрагментов сосудов каткомбной культуры⁷.

¹ Геродот, IV, 12.² Страбон, VII, 4, 3; XI, 2, 5; Перипл безымянного автора, 886—889 (цит. по SC).³ Безымянный автор, 76 (цит. по SC).⁴ Бларамберг. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗООИД, 1848, т. II, стр. 1 сл.⁵ Ю. Ю. Марти. О результатах работ экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китэя и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе», 1927, стр. 51—56; его же. Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китэй, Акра. ИТОАИЭ, 1929, вып. II, стр. 126—131.⁶ ВДИ, 1949, № 3, стр. 92 сл.⁷ Там же, стр. 101, рис. 8.

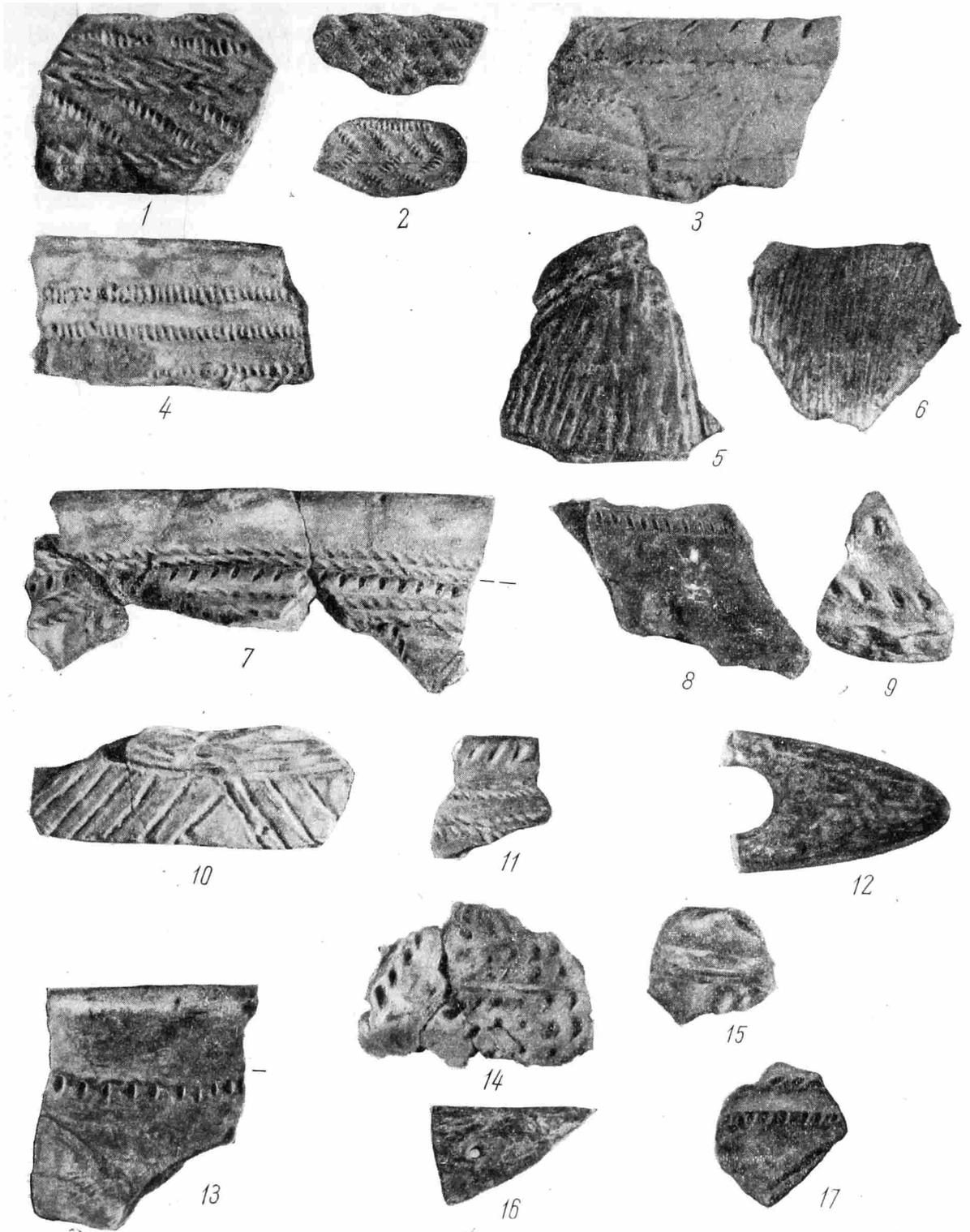

Рис. 35. Образцы керамики

1-11 — из раскопа Берегового; 12 — обломок каменного топора; 13-17 — из раскопа «Холм А»

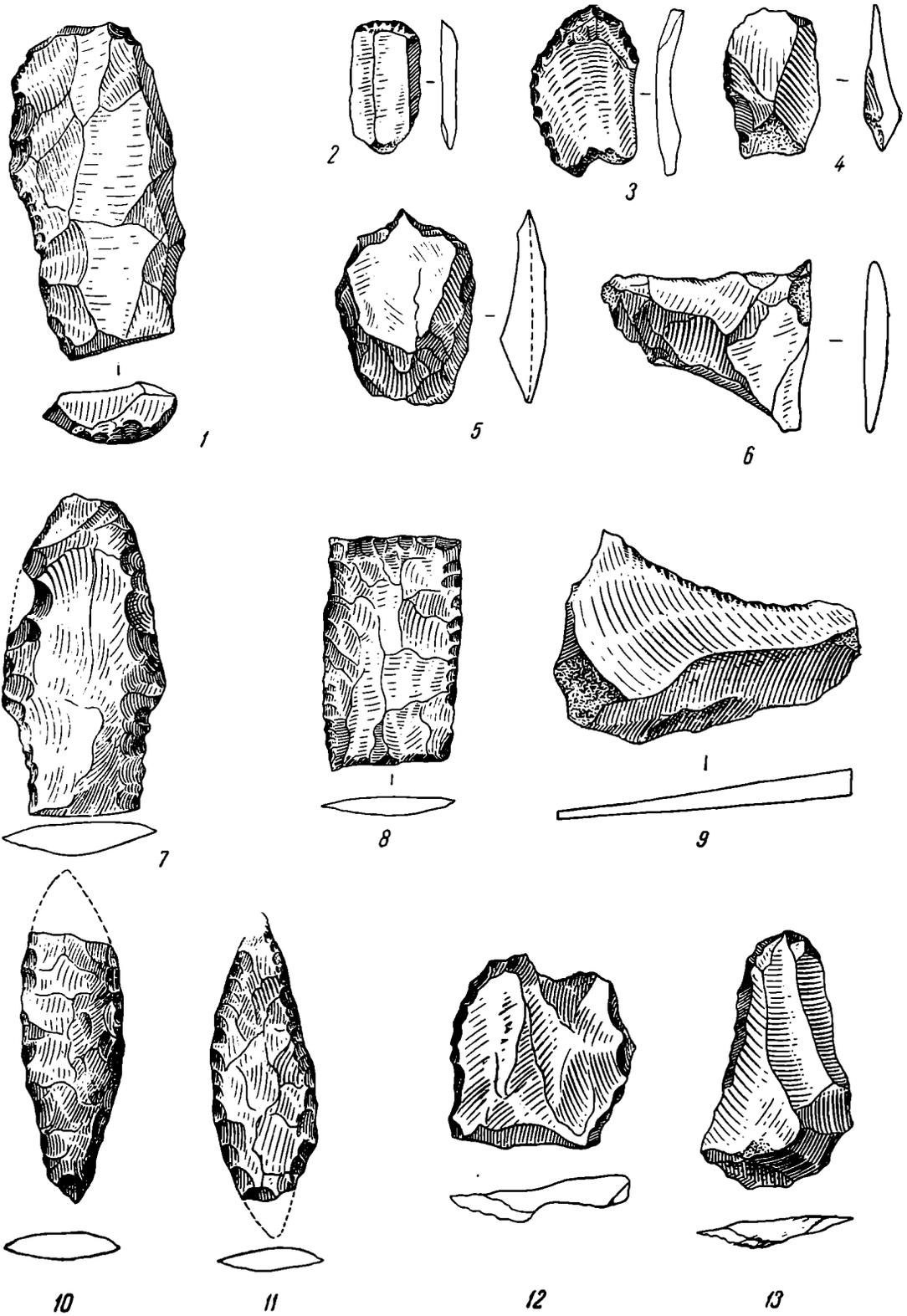

Рис. 36. Кремневые орудия из Киммерика

1 — ретушер; 2 — концевой скребок; 3, 4 — резцы из отщепов; 5, 6 — проколка и сверло; 7 — наконечник дротыка; 8 — вкладыш серпа; 9 — пялка; 10, 11 — наконечники стрел; 12, 13 — отщепы с ретушью по краям

Продолжая исследования Киммерика в 1950 г., археологическая экспедиция Керченского историко-археологического музея под руководством автора этой статьи, вскрыв в этом же районе площадь около 110 м² (раскоп Береговой), обнаружила под слоем эллинистического времени культурные наслоения эпохи бронзы. В рыхлой супеси яркочернового цвета, покрывавшей неровную поверхность скалы слоем 0,6—1,2 м, найдено много фрагментов сосудов, типы которых характерны для катакомбной культуры (рис. 35—1, 3, 5, 7), два кремневых наконечника стрел (рис. 36—10, 11), обломанный каменный шлифованный топор с просверленным отверстием (рис. 35—12), кремневые отщепы с ретушью и округлыми рабочими концами, носящими явные следы употребления (рис. 36—12, 13). Найдены

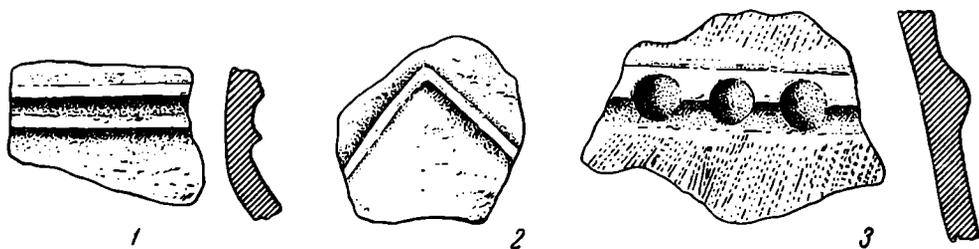

Рис. 37. Образцы керамики с валиками

также фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Поверхность большинства сосудов заглажена гребенкой с обеих сторон (рис. 35—6). Некоторые имеют прямые аналогии в керамике, обнаруженной В. А. Городцовым при раскопках катакомбных погребений в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской губернии¹. Эти сосуды покрыты различного рода узорами из крученой веревочки или нескольких рядов шнура.

Другая группа сосудов, стенки которых украшены валиком с вдавленными пальцем углублениями, аналогична керамике из катакомбных погребений Северного Кавказа (рис. 37—3). Такого типа сосуд, с плечиками, украшенными налепными валиками в виде зигзагов и поясков, был найден Веселовским в Усть-Лабе, а сосуд с валиками и веревочным орнаментом — Тизенгаузеном в 1866 г. близ Новочеркасска. Сосуды с подобного рода орнаментацией находили также на р. Маньче, близ хутора Веселого Ростовской области.

Наряду с такого типа керамикой в этом же слое были найдены черепки сосудов, изготовленных вручную, но несколько отличных от катакомбных. Так, например, фрагменты сосудов, плечи которых были украшены резным орнаментом (рис. 35—10). Совершенно такого же типа сосуды обнаружены на поселении, раскопанном А. Я. Брюсовым в 1948 г. в Крыму, около д. Щebetовки Судакского района². Такой же орнамент встречается на керамике, найденной у хутора Веселого на р. Маньче³.

К другой группе относятся найденные в Киммерике, в том же раскопе, черепки, орнаментированные валиками с прямой и косой насечкой (рис. 35—8, 9). Такие же валики украшали сосуды из Щebetовки⁴, и из поселения у хутора Веселого⁵. Этот же орнамент встречается на керамике Кобыкова городища⁶ и среди керамики кизил-кобинского типа из стоянок Алма I

¹ «Труды XII Археологического съезда в Харькове», т. I. Сосуды хранятся в ГИМ.

² Материал раскопок хранится в ГИМ. Коллекция № 561, инв. № 68—75.

³ Собр. Гос. Эрмитажа, коллекция № 1192, инв. № 253.

⁴ Собр. ГИМ, № 561—46, 58, 29.

⁵ Гос. Эрмитаж, № 1192—574.

⁶ Там же, № 409—224 и 252.

у деревни Саблы¹. Повидимому, к этой же группе относятся найденные в Киммерике фрагменты сосудов, на шейках которых имелись тонкие, вытянутые и несколько заостренные валики, расположенные в виде параллельных поясков или расходящиеся под углом (рис. 37—1, 2). Подобная орнаментация также встречалась в Щebetовке² и на стоянках кизил-кобинской культуры³.

Кроме того, в Киммерике, были найдены фрагменты сосудов баночной формы (рис. 38—10) с очень небрежно нанесенным веревочным и ногтевым орнаментом по плечам.

Каменные орудия из раскопа в Киммерике находят себе аналогии среди того же круга памятников, что и керамика.

Полированные каменные топоры с просверленным отверстием встречаются в Крыму не впервые⁴; часто их находят в катакомбных погребениях в курганах Северного Крыма и в Харьковской области⁵. Обушная часть такого топора обнаружена и в Щebetовке⁶. Кремневые наконечники стрел, такой же формы, как и в Киммерике, известны по материалам катакомб Изюмского уезда⁷ и городища Белозерского лимана⁸.

В. А. Городцов, подчеркивая разнообразие технических приемов изготовления кремневых орудий Херсонеса, датирует их рубежом II и I тысячелетий до н. э.⁹; этим же временем О. А. Кривцова-Гракова датирует городище Белозерского лимана¹⁰.

Небольшое количество добытого материала и недостаточные размеры вскрытых площадей¹¹ не позволяют с уверенностью установить хронологические рамки существования поселения эпохи бронзы в Киммерике. Повидимому, его можно отнести к периоду поздней катакомбной культуры и датировать второй половиной II тысячелетия до н. э., но, вероятно, оно существовало и в последующее время, о чем свидетельствуют обнаруженные в том же и в вышележащих слоях многочисленные фрагменты керамики более поздних типов.

Традиции катакомбной культуры держались здесь довольно прочно. Бросается в глаза сходство керамики и каменных орудий, найденных в Киммерике, с памятниками катакомбной культуры из более северных районов, в частности степного Крыма и Харьковской области. Интересно также отметить наличие сходных черт в культуре поселений Восточного Крыма, в частности у Щebetовки (у горы Челки) и в районе Киммерика, с культурами горного Крыма (стоянки у пещеры Кизил-Коба и Алма I). Но особенно характерным для памятников эпохи бронзы из Киммерика является их близкое сходство с материалом конца II — начала I тысячелетия

¹ Собр. Гос. Музея этнографии, инв. № 4288—37 и 42; Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», 1926, № 2, стр. 74 сл.

² Собр. ГИМ, № 561—180, 240.

³ Собр. Гос. Музея этнографии: из Кизил-Кобы, № 4106—6, 4249—43, из Алма I, № 4288—58 и 59.

⁴ В. А. Городцов. Каменные орудия, найденные на почве Херсонеса и его окрестностей. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе в 1927 г.», стр. 46. Собр. ГИМ: № 25721 из Херсонеса, № 19873 с Ай-Петри, № 44796 с р. Качи. Несколько разбитых топоров такого типа найдены в 1950 г. при раскопках городища Илурат близ Керчи.

⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, «Труды XII АС», т. I, стр. 193, табл. V.

⁶ Собр. ГИМ, № 561—64.

⁷ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 193, табл. VIII, 3.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Поселения бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 82, рис. 32—34.

⁹ Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе в 1927 г., стр. 46.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

¹¹ Слой эпохи бронзы на Береговом раскопе вскрыт на площади не более 23 м².

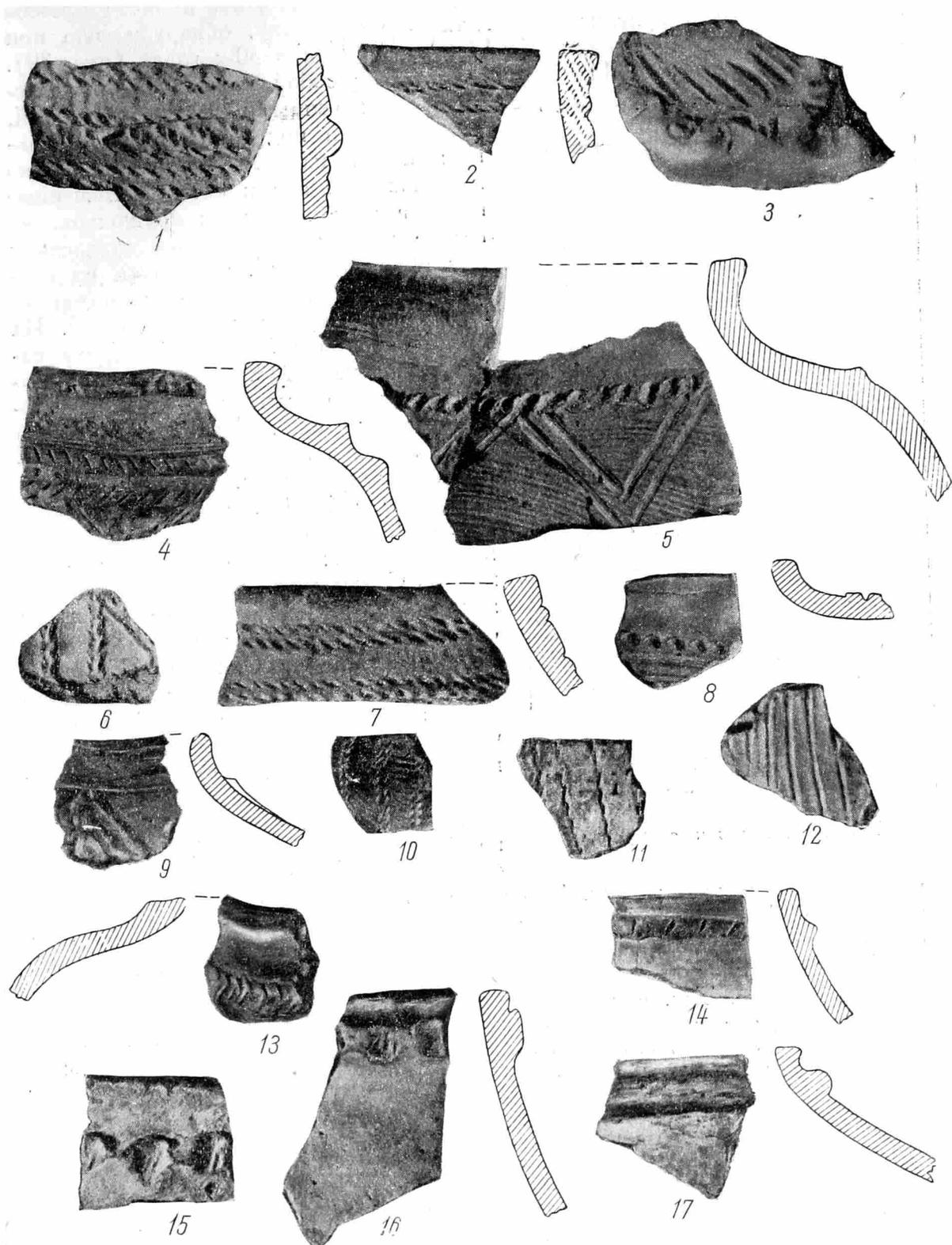

Рис. 38. Образцы керамики из раскопа «Холм А»

до н. э., находимым на различных поселениях Приазовья, Нижнего Дона и Северного Кавказа, что свидетельствует о наличии тесных культурных связей Восточного Крыма с этими районами. Вероятно, к эпохе бронзы следует отнести и оригинальную глиняную статуэтку, обнаруженную при земляных работах на западном склоне горы Опук в 30-х годах (рис. 39).

Статуэтка, высотой 11,7 см, представляет собой колонкообразное, несколько уплощенное туловище, с четко обозначенными выступами груди, с прижатыми под ними руками; большая почти плоская голова, рельефно выступающий нос и слегка намеченные глаза в виде выпуклых кружочков; на голове выступ со сквозным отверстием для подвешивания¹. Статуэтки из глины и алебаstra находили в курганах на юге нашей страны неоднократно². Их много собрано в Закавказье, среди памятников энеолита³. Киммерикская статуэтка сильно отличается от всех опубликованных ранее. Ближе всего к ней стоит женская глиняная фигурка с распростертыми руками, обнаруженная в Дагестане в 1880 г. в кургане Катарагачтапа⁴, хотя форма последней и разведенные руки сильно отличают ее от нашей. Среди многих статуэток-идолов, которые Г. Чайльд вслед за Эвансом⁵ связывает с эгейским миром, только одна, найденная в Сикеоне в Галации, несколько приближается к киммерикской, но и то лишь в своей верхней части. Некоторое сходство с нашей имеется и у глиняной статуэтки, обнаруженной в святилище на о. Родосе, но она, повидимому, принадлежит несколько более поздней эпохе⁶. Для киммерикской статуэтки особенно характерны

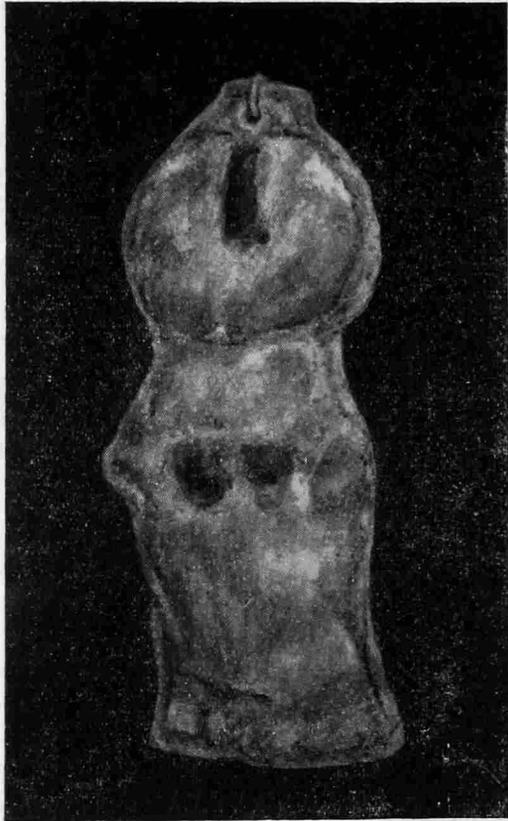

Рис. 39. Глиняная статуэтка

прижатые ниже груди руки. Это невольно напоминает два каменных изваяния из Тиритакки, датируемые догреческой эпохой⁷. Возможно, есть связь между нашей глиняной статуэткой и распространенным у населявших Крым племен культom женского божества, что отражено в свидетельствах древних авторов. Так, в словаре Гесихия Александрийского мать богов отождествляется с киммерийской богиней. Известен также культ Девы у тавров. Интересно, что поклонение женскому божеству сохранялось у горных племен Крыма и в значительно более позднее время⁸.

В Киммерике слой эпохи бронзы обнаружен и с восточной стороны горы Опук, на втором раскопе «Холм А», на расстоянии около 3—4 км от первого.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 91 и 187.

² Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Ю. России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, стр. 1 сл.

³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, табл. 2.

⁴ Веселовский. Указ. соч., стр. 2, рис. 1.

⁵ G. Child. Dawn of European civilisation. London, 1947.

⁶ K. Kinch. Vroulia. Berlin, 1914, стр. 102, табл. 19—1.

⁷ МИА, вып. 4, стр. 39, рис. 50—51.

⁸ Бертье-Делагард. Случайная находка близ Ялты. «Изв. Одесского об-ва ист. и древностей», 1907, т. XXVII, стр. 19—27.

На одной из спускающихся к морю береговых террас, на плато между скалистыми выступами известняковой породы, у края довольно глубокой ложбины, обнаружено в 1950 г. поселение эпохи бронзы. Под слоем жилого комплекса конца VI—V в. до н. э. находилась землянка, засыпанная до постройки жилища античной эпохи, и рядом с ней зольник, содержащий материал, очень близкий к найденному на раскопе Береговом: черепки битой посуды, кремневые орудия и отщепы. Повидимому, хозяйственный мусор выкидывался из землянок на склон холма и накапливался там в течение долгого времени. При сооружении на месте землянок каменного наземного жилища площадка была выровнена и часть зольника скинута в углубление заброшенной землянки; поэтому грунт, которым она засыпана, содержит наряду с черепками, относящимися к эпохе катакомбной культуры, и с прекрасно изготовленными каменными орудиями, возможно попавшими из нижних слоев зольника, также и керамику более позднего времени и даже фрагменты греческих амфор VI в. до н. э. На отдельных участках, под поднятыми каменными плитами мощеных двориков, обнаружены черепки примитивных глиняных сосудов баночной формы и кремневые орудия, изготовленные из отщепов, с ретушью по краям. Непосредственно на полу землянки и в золе двух очагов в виде углублений на дне землянки, заполненных камнями и золой, также найдены кремневые орудия и черепки глиняных сосудов, главным образом примитивной баночной или близкой к ней формы без орнамента. На уровне дневной поверхности слоя, относящегося ко времени бытования землянки, встречены черепки сосуда со слегка отогнутым краем, выпуклыми плечами и валиком на шейке, по которому были нанесены прямые вертикальные насечки (рис. 35—13).

Из всей керамики, найденной на раскопе «Холм А», некоторая часть которой была обнаружена в перемешанном грунте с фрагментами греческих сосудов VI в. до н. э., можно выделить несколько групп, различающихся по форме, орнаменту и способу обработки поверхности.

К первой группе относится керамика, сохраняющая традиции катакомбной культуры. Сюда относятся сосуды с гребенчатым заглаживанием обеих поверхностей, украшенные веревочным орнаментом. Среди черепков одни имеют отогнутый край, выпуклые плечи и валик на шейке, украшенный косой насечкой или рядом углублений, вдавленных пальцем. Другие принадлежат сосудам с суживающимся краем; они украшены рядами двойной крученой веревочки, а иногда штампом из плотно скрученного шнура. Особенно интересно орнаментирован сосуд со слегка отогнутым краем, под которым шел поясok из ряда вдавленных углублений, напоминающих своей формой и размером узор из сложенной спиралью веревочки, характерный для сосудов катакомбной культуры, но нанесенный каким-то другим, повидимому, твердым штампом, образующим не спираль, а группу углублений неправильной формы. Возможно, штампом служила круглая обломанная палочка. Ниже шел тройной ряд оттисков шнура, также характерный для орнаментации сосудов катакомбной культуры. Под ним имелись два параллельных валика с косыми насечками, сделанными в разных направлениях. Под валиками плечи сосуда орнаментированы треугольниками из вдавленного тройного шнура, в центре которых были углубления, нанесенные круглым штампом (рис. 38—4). Этот черепок найден под глинобитным полом помещения античного времени. На нем особенно ярко видна особенность керамики наиболее раннего слоя поселения: сохранение традиций катакомбной культуры в изготовлении сосудов, но упрощение приемов техники их орнаментации.

Упрощение и небрежность орнаментации видны и на других сосудах, например, на фрагменте с валиком, украшенным косым штампом из крученой

веревочки (рис. 38—1). Таким образом, здесь видны элементы, характерные для очень поздней катакомбной культуры, когда еще продолжали сохраняться старые способы изготовления керамики, которые, повидимому, уже вытесняются новыми, более упрощенными. Отдельные образцы этой группы имеют аналогии в материале Щebetовки, где также еще сохранились элементы катакомбной культуры в орнаментации керамики, но преобладает посуда более поздних типов. Там тоже встречены украшенные веревочным орнаментом сосуды. Один из них сочетал орнамент в виде треугольников из сложенной вдвое тонкой веревочки на плечах сосуда, украшенного валиком с прямой вертикальной насечкой¹.

Ко второй группе керамики можно отнести серию фрагментов, орнаментированных одиночной тоненькой веревочкой, наложенной в виде параллельных рядов (рис. 38—11). Подобный орнамент, так же как и узоры из параллельных удлиненных углублений, расположенных в виде елочки (рис. 38—13), встречается на керамике из второго слоя Кобыкова городища.

К третьей группе относятся сосуды с сужающимся горлом и нарезным орнаментом на плечах, сочетающимся с вдавленными ямками, а также с узорами из параллельных нарезных линий (рис. 38—8-12). Такой способ орнаментации встречался среди керамики, найденной в Щebetовке² и у хутора Веселого на р. Маныче³.

К четвертой группе можно отнести многочисленные черепки сосудов, украшенных различного рода валиками. Встречаются тонкие наlepные и вытянутые валики с острыми вершинками, такие же, как на керамике из раскопа Береговой, известные по материалам Щebetовки и стоянок кизилкобинской культуры (рис. 38—9 и 37—1, 2).

Есть сосуды с широкими гладкими или имеющими косую насечку наlepными валиками, прикрепленными почти под самым краем (рис. 38—14, 17), очень близкие к керамике из Обиточной — поселения, раскопанного О. А. Граковой на северном побережье Азовского моря⁴. Иногда валик прикреплен несколько ниже края, на шейке сосуда, что встречается на сосудах из Белозерского лимана⁵ или у хутора Веселого⁶.

К пятой группе относится керамика с наlepными валиками, украшенными вдавленным пальцем орнаментом (рис. 38—15, 16), подобная типам встреченным в Широкой балке (близ Ольвии) вместе с фрагментами чернофигурных греческих сосудов VI в. до н. э. Некоторые из таких черепков, найденных в Киммерике в раскопе «Холм А», обнаружены на полу помещения вместе с фрагментами греческих амфор VI в. до н. э.

В эту же группу, современную эпохе появления греков в Северном Причерноморье, нужно внести и горшки, слегка отогнутые края которых украшены вдавленными насечками. Все они найдены внутри помещений VI—V вв. до н. э.

Таким образом, отдельные группы керамики из раскопа «Холм А» должны быть отнесены к разным периодам: наиболее ранние, повидимому, к концу II тысячелетия до н. э., наиболее поздние — к VI—V вв. до н. э. Датировка промежуточных групп еще требует уточнения, так как недостаточность материала не позволяет окончательно установить, существовало ли на данном месте поселение непрерывно.

¹ Собр. ГИМ, № 561—82.

² Там же, № 561—245 и 68—75.

³ Собр. Гос. Эрмитажа, № 1192—253.

⁴ Собр. ГИМ, № 617—394, 413, 268, 439.

⁵ О. А. Крицова-Гракова. Указ. соч. КСИИМК, вып. XXVI, рис. 6, 7, 9, 33.

⁶ Собр. Гос. Эрмитажа, № 1192—150 и 574.

Анализ керамики из поселения на «Холме А» подтверждает выводы о близости культуры и о тесных культурных связях населения Восточного Крыма, Нижнего Дона и Северного Кавказа в период второй половины II и первой половины I тысячелетий до н. э. Особенно интересно наличие некоторых сходных элементов у культур Восточного Крыма и его горных районов, хотя основные, характерные для поселений кизил-кобинского типа чернолощенные сосуды с белой инкрустацией, сосуды с округлым дном и вдавленной ямкой и бомбовидные сосуды в Киммерике, как и в Щебетовке, до настоящего времени не найдены.

На раскопе «Холм А» обнаружено также много кремневых отщепов и орудий. Среди последних — ретушер (рис. 36—1), скребки из отщепов (рис. 36—3, 4), концевой скребок на пластине (рис. 36—2), сверло, проколка, пила, резец (рис. 36—5, 6, 9), пластинка с ретушью, сломанный наконечник дротика, употреблявшийся в качестве ножа (рис. 36—7), и кремневый вкладыш серпа (рис. 36—8). Высокое качество отжимной техники, применявшейся при обработке последнего, свидетельствует о большом навыке и высоком уровне мастерства изготовления кремневых орудий у жителей этого поселения. Техника изготовления и порода кремня, из которого сделаны орудия и многочисленные кремневые отщепы, тождественны на обоих раскопах. Повидимому, разрабатывался один и тот же выход кремневой породы.

Все кремневые орудия носят следы пользования ими. На кремневом вкладыше серпа следы полировки на обоих лезвиях, что свидетельствует о его долговременном употреблении. находка вкладыша позволяет судить о наличии развитого земледелия у жителей поселка, а многочисленные расщепленные кости животных, в том числе мелкого и крупного рогатого скота, свидетельствуют о развитии скотоводства. К находкам эпохи бронзы, повидимому, надо отнести и обломок стенки бронзового котла, хотя он и найден с материалом VI—V вв. до н. э., что могло быть результатом повреждения ранних слоев, в эпоху существования наземного жилища. К сожалению, небольшие размеры этого обломка не позволяют установить технику изготовления и форму котла.

Таким образом, поселения на обоих склонах горы Опук, повидимому, существовали одновременно, но первое, в районе раскопа Берегового, возникло несколько раньше и раньше закончило свое существование, тогда как второе, на восточном склоне, в районе раскопа «Холм А», продолжало существовать и значительно позже. Без сомнения, не может быть случайностью сохранение устойчивых традиций катакомбной культуры у жителей обоих поселений в районе древнего Киммерика, а также наличие этих традиций и в культуре соседнего, более западного, расположенного тоже вблизи моря поселения у дер. Щебетовки. Возможно, здесь мы имеем дело с единой культурой эпохи поздней бронзы Восточного Крыма, которую, следуя традиции, сохраненной нам античными писателями, мы должны связать с киммерийцами — народом, населявшим эти области до прихода скифов. Не противоречит этому и наличие общих черт в культуре населения района горы Опук и Нижнего Дона. Керамика доскифских слоев Кобякова городища и городища у станицы Елисаветовской, а также из поселения близ хутора Веселого Ростовской области¹ имеет большое сходство с керамикой из района горы Опук. И здесь и там характерно сохранение пережитков катакомбной культуры и близость отдельных ее элементов с памятниками, связанными с катакомбной культурой Северного Кавказа. В то же время есть некоторое сходство и с памятниками культуры горного

¹ К сожалению, мне остался недоступным материал из раскопок М. И. Артамонова поселения Красный Яр. По словам Артамонова, именно этот материал является наиболее близким к находкам в районе Киммерика.

Крыма (стоянки Алма I и Кизил-Коба), где элементы катакомбной культуры полностью отсутствуют. Отдельные фрагменты керамики из Киммерика очень близки также керамике Приазовья из поселения у Обиточной.

Таким образом, в районе древнего Киммерика найдены остатки поселений эпохи поздней бронзы, свидетельствующие о наличии здесь своеобразной культуры, сохраняющей традиции катакомбной эпохи и тесно связанной с культурами соседних областей и особенно с районами Нижнего Дона и Северного Кавказа.

Небольшие размеры вскрытых до настоящего времени площадей позволяют сделать пока лишь эти предварительные выводы, основанные главным образом на изучении керамики и каменных орудий. Дальнейшие раскопки помогут уточнить и расширить сделанные наблюдения.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

И. Т. КРУГЛИКОВА

ГЛИНЯНЫЙ ШТАМП ИЗ КИММЕРИКА

При раскопках Киммерика в 1948 г. в слое III в. был найден фрагментированный глиняный штамп с изображением птицы, держащей в клюве змею. Штамп сохранился не полностью, но по имеющимся частям можно уста-

Рис. 40. Глиняные штампы

1 — из Киммерика; 2 — из Румынии

новить, что он имел овальную форму, приближающуюся к кругу. Высота его около 11 см, ширина около 10 см. Одна сторона плоская, на ней вырезано несколько схематическое изображение птицы¹. Перья представлены в виде сильно углубленных треугольников. Длинные ноги заканчиваются тремя расходящимися пальцами с глубокими круглыми ямками на концах. Голова не сохранилась; зигзагообразная линия, спускающаяся вниз, вероятно, является схематическим изображением извивающегося тела змеи (рис. 40—1). На обратной стороне штампа, плохо заглаженной и неровной, сохранились следы выступа, заменявшего ручку.

¹ Собр. ГМИИ им. Пушкина; И. Б. Зеест. Раскопки в Киммерике в 1948 г. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 101.

Эта находка не единична. Подобные штампы найдены и в других городах Северного Причерноморья: Пантикапее¹, Фанагории², Илурате³ и Ольвии⁴.

Новая находка в Киммерике в хорошо датированном слое с характерным сопровождающим материалом позволяет установить действительное назначение штампов и время их бытования. Изучение вырезанных на них изображений имеет большое значение для проблемы религиозных представлений и культов жителей Северного Причерноморья.

В 1872 г. при раскопках Фанагории Забелиным найдены два почти круглых глиняных штампа⁵. На одном из них, диаметром 10—11 см, изображены два фантастических животных, стоящих друг против друга: птицеголовый крылатый гриффон и лошадь (или пантера), передние ноги которой переходят в ветви; под фигурами — выходящая из канфара виноградная лоза и гирлянда с лентами на концах, а наверху — павлин, пьющий из другого канфара. Сбоку — неясные очертания ящерицы (рис. 41—1). На обратной стороне штампа следы отбитой рукояти.

На втором штампе, диаметром 8—9 см, изображено четырехногое существо с птичьей головой и у его клюва извивающаяся змея. Голова змеи, как и на форме из Киммерика, дана в виде треугольника. Под ногами птицеголового существа ветвь дерева, сильно стилизованная (рис. 41—2). Способ нанесения изображения такой же, как и на штампе из Киммерика: очень глубокие вырезы, сделанные острием, на оборотной стороне выступ продолговатой формы, служивший ручкой.

В 1898 г. в Керчи (древнем Пантикапее), на горе Митридат, Шкорпил нашел штамп⁶ диаметром 9,5 см, на котором вырезана фигура бегущего оленя с ветвистыми рогами, держащего во рту змею, рядом священное дерево, а под ним лебедь, пьющий из канфара. Пустое пространство заполнено рисунком из листьев плюща и надписью, от которой сохранилась только одна буква «А»; с краю, по окружности всего штампа, шла линия круглых углублений (рис. 41—3).

При раскопках Ольвии в 1902—1904 гг. найден целый круглый штамп, диаметром 11 см, и половина другого, имевшие идентичные изображения, поскольку можно судить по сохранившейся части⁷. На них был вырезан павлин с поднятой и повернутой назад, к грозди винограда, головой. Над павлином и около него в укрупненном масштабе размещены различные символы священных растений — гроздь винограда, шишки пинии, плод граната и др. Всю композицию окружала идущая по краю линия из близко расположенных ямок, что сближает этот штамп с найденным в Пантикапее.

На обратной стороне штампа, формой своей напоминающего лепешку, сохранились следы ручки, прикрепленной в двух местах.

На штампе, обнаруженном в 1948 г. в Илурате, боспорском поселении II—III вв., вырезано изображение богини с широко разведенными руками, переходящими в ветви, а также летящей птицы и двух крылатых существ⁸.

¹ Собр. Гос. Эрмитажа, № 11, 1898—69; ОАК, 1898, стр. 16.

² Там же, № Т, 1872—83 и 84; ОАК, 1873, стр. 66.

³ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

⁴ Собр. Гос. Эрмитажа, № 14300; Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1898, стр. 101, рис. 140; ИАК, 1906, вып. 13, стр. 186, рис. 139 и 140; ОАК, 1874, стр. 33.

⁵ ОАК, 1873, стр. 66; Архив ИИМК, д. 1872, № 15, л. 6, 8, 10.

⁶ ОАК, 1898, стр. 16, рис. 11.

⁷ Толстой и Кондаков. Указ. соч., стр. 101, рис. 140; ИАК, вып. 13, стр. 185, рис. 139 и 140.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

Рис. 41. Глиняные штампы и оттиски с них
 1 и 2 — из Фанагории; 3 — из Пантыкаея

Все описанные штампы содержат изображения птиц, причем на трех из них птица — центральная и основная фигура, а на остальных она лишь одна из многих элементов композиции.

Наиболее близкой к киммерикскому штампу является первая группа. На штампе из Ольвии (1904 г.) фигура павлина, прием заполнения пространства круглыми впадинами и орнаментация края очень близки к изображению на форме для печения, найденной на о. Делосе и датируемой на основании стиля христианской эпохой¹.

Имеется также сходство и с рельефом на краснолаковом блюде III—IV вв. из Керчи, на котором в центре композиции — павлин с поднятой и повернутой назад, в сторону виноградной лозы, головой².

В стенной живописи склепов Северного Причерноморья павлин, стоящий в такой позе, встречается со II в.³, но наиболее близким к павлину ольвийского штампа является рисунок на стене Херсонесского склепа, открытого в 1909 г. и датируемого IV в.⁴ Таким образом, штамп из Ольвии, повидимому, можно отнести к III—IV вв. н. э., т. е. к тому же времени, что и киммерикский.

Вероятно, к несколько более позднему времени относится форма с изображением фантастического четырехногого животного с головой и туловищем птицы, найденная в Фанагории. Прimitивное стилизованное изображение напоминает фигуры птиц, вырезанные над входом в христианский склеп 1912 г.⁵, и рельефные фигурки птиц на ранне-средневековых черепицах Херсонеса⁶.

Повидимому, мы имеем дело с сохранением старых религиозных образов, которые в дальнейшем могли получить иное содержание.

Изображения на всех трех штампах принадлежат одному и тому же кругу религиозных символов, они связаны с содержанием композиций на остальных штампах и находят прямые аналогии в стенных росписях склепов Северного Причерноморья.

Каждый из помещенных предметов является атрибутом какого-либо божества. Так, пиния была священным деревом Кибелы. Изображения пинии, обвешанной шишками, или просто ее шишки служили символом великой матери богов или Аттиса; они почти всегда встречаются среди атрибутов Сабазия, так же как и птицы, характерные для обрядов Кибелы и Аттиса и символизирующие душу, свободную от тела.

Ветви плюща, виноградная лоза и кратер, постоянные атрибуты Диониса, относятся также и к культуре Сабазия.

С Сабазием, как с богом охоты, связываются звери, в частности олень. Среди атрибутов Сабазия и фракийского Диониса большую роль играет змея. Она тесно связана с кругом хтонических божеств и, вероятно, поэтому так часто встречаются ее изображения на табличках, относимых к культуре так называемого «дунайского всадника»⁷. Змея участвует в мистериях Сабазия. Демосфен, рисуя религиозные церемонии в честь этого бога, говорит о шествии его приверженцев, которые, приплясывая и крича, подбрасывали над головами священных змей⁸. А во время ночных мистерий,

¹ «Exploration archeologique de Delos». Paris, 1938, t. XVIII, стр. 230, табл. XVI, № 625.

² ОАК, 1866, стр. VI; Собр. Гос. Эрмитажа, № II, 1866—38.

³ Ростовцев. История античной декоративной живописи. СПб., 1914, табл. 64, 76, 105.

⁴ Там же, табл. 105, 1.

⁵ Там же, табл. 101, 1.

⁶ Собр. ГИМ, № 33-Т-261, 585 и др.; ОАК, 1895, стр. 93, рис. 238.

⁷ D. Tudor. Scavalieri danubiani. Ephemeris Dacoromana. T. VII, Рим, 1937, № 1, 6, 10, 20, 23, 25, 27, 29, 35, 62, 71, 76, 84, 93, 95, 106 и др.

⁸ «Demosphenis oratio de corona», 260.

когда инсценировалась священная свадьба, мистическое единение посвященного с божеством, мисты дают змее проползти по телу под туникой¹. На бронзовой пластинке Сабазий изображен со змеей в одной руке и шишкой пинии — в другой. Здесь же помещены кратер, птица, пиния, ящерица, черепахи, символы солнца и луны и Диоскуры².

На многочисленных votивных руках, посвящаемых этому богу, чаще всего встречаются изображения змеи, ящерицы, шишки и канфара³.

Культ змеи, повидимому, издавна был распространен у местного населения Северного Причерноморья. Со змееной богиней Геродот связывает одну из легенд о происхождении скифов⁴. Образ змееной богини часто встречается и в искусстве Северного Причерноморья⁵. Следы этого культа нашли свое отражение в погребальных памятниках доскифского населения нашего юга⁶.

Культ Сабазия включает в себя и элементы солнечного культа. Крылатые существа на штампах из Фанагории и Илурата, вероятно, тоже имеют связь с солнечным богом или с представлением о гриффоне, который уносит душу умершего к солнцу, так же как и лебедь, уносящий ввысь Аполлона, что мы видим на монетах Халкедона⁷. Лебедь связывается также с Афродитой Уранией, чей культ был широко распространен на Боспоре.

Поклонение высшему женскому божеству нашло отражение в композиции штампа из Илурата. Стоящие по обеим сторонам женской фигуры крылатые существа близко напоминают фантастическое крылатое существо фанагорийского штампа, а передние ноги второго животного, напоминающего лошадь, как бы перерастают в ветви, что опять перекликается с изображением ветвеобразных рук богини на илуратском штампе.

Почти все эти религиозные символы мы встречаем в настенной живописи керченских склепов. Все они входят в круг представлений о хтонических божествах.

Изображения оленя, павлина, канфара, священного древа жизни сочетаются со сценой жертвоприношений на стене склепа, открытого в 1891 г. Фигуры оленя перед деревом и павлина имеются в склепе 1872 г. Там же встречаются и образы зверей, стоящих друг перед другом в геральдической позе. Олень, виноградная лоза, канфар, змея, птицы, пиния и солярные знаки размещены на стенах так называемого склепа Себазиастов.

В этой связи интересна находка в 1930 г. в районе Букарешти (Румыния) глиняного штампа овальной формы⁸. Он, так же как и киммерикский, имел на одной стороне выступ в виде ручки, на другой, плоской, вырезана, очень схематично, фигура человека, стоящего с поднятыми вверх руками, причем отчетливо видны растопыренные пальцы; у его ног маленькая человеческая фигурка, над одной из поднятых рук канфар и лежащий одноручный сосуд над другой. Наверху круг с шестью перекрещивающимися линиями — солярный знак (рис. 40—2). Розетти, публикующий штамп, датирует его периодом I в. до н. э. — II в. н. э.

Сюжет на этом штампе, найденном на территории гето-фракийских племен, вдали от приморских городов, вероятно, должен быть связан

¹ Diod. IV, 4.

² Simon. Sabazius в словаре: Daramberg et Saglio, 5983.

³ Blinkenberg. Archeologische Studien. Leipzig, 1904, стр. 69 сл.

⁴ Геродот, IV, 9.

⁵ Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и туземных культов в Сев. Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.

⁶ И. В. Сяницын. Памятники предскифской эпохи в степях Н. Поволжья. СА, вып. 10, 1948, стр. 158.

⁷ Ростовцев. Указ. соч., стр. 289.

⁸ Dju V. Rosetti. Publicatiile Muzeului Municipiului București, № 2, 1935, стр. 69. рис. 1—2.

с распространением у фракийских племен культа Диониса или Сабазия, атрибуты которых имеются на изображении.

Таким образом, наши штампы свидетельствуют о распространении в первых веках нашей эры в городах Северного Причерноморья синкретического культа, включавшего в себя существовавшие здесь ранее культы великого женского божества, в значительной мере слившегося с привнесенными извне культами Кибелы, Деметры, Астарты, Афродиты и других богинь, а также элементы оргиастических фракийских и малоазиатских культов Диониса, Сабазия и Митры.

Распространение синкретических культов, среди которых большое значение имело поклонение хтоническим божествам, характерно для эпохи первых веков нашей эры. Такие культы получили широкое развитие в дунайских провинциях (например, культ «дунайского всадника»). Там, в среде местного населения, испытывавшего тяжелый гнет римского господства, с особой силой возродились прежние фракийские верования в бессмертие души¹, которые приняли формы распространенных в это время на Дунае культов, в значительной мере принесенных колонистами с Востока. Синкретический культ «дунайского всадника», имевший глубокие местные корни, но содержащий также иноземные элементы², распространился на Дунае благодаря присутствию легионеров, набранных в различных частях Римской империи, главным образом в ее восточных провинциях.

Особенности военной службы способствовали распространению веры в загробную жизнь. Постоянные опасности, связанные с профессией легионеров, были причиной появления всякого рода амулетов, ритуальных табличек из камня, мрамора, свинца, бронзы и глины с изображениями религиозных символов, связанных с культом всадника.

В городах Северного Причерноморья распространение синкретических верований с преобладанием веры в хтонические божества зависит, вероятно, от больших социальных изменений, происходивших среди местного населения в первые века нашей эры. Участвовавшие войны и нападения степных племен, тяжелый социальный гнет, обнищание огромной массы жителей, приток в города новых элементов из окрестных племен — все это способствовало развитию новых культов, главным образом мистических, связанных с верой в загробную жизнь. При этом много почитателей появилось у Сабазия, культ которого сам по себе синкретичен и соединяет элементы других культов: великой матери богов, Диониса, Митры и др. Кроме того, Сабазий, по верованиям мистов, был богом, дававшим надежду на загробную жизнь³.

Связь наших штампов с мистериями Сабазия подтверждается существованием обычая посвящать ему во время религиозных церемоний разного рода хлебцы и печенья. Демосфен, описывая формы этого культа, упоминает о подношениях мистами священных хлебов и печений⁴. Естественно, что на них изображались атрибуты бога, в честь которого происходили празднества. Обычай подносить священные печенья богам существовал в Греции издавна⁵. Возможно, что именно оттуда он проник в города Северного Причерноморья и получил здесь широкое распространение у местного населения.

Глиняные формы могли применяться для штампования ритуальных терракотовых медальонов, которые клались в могилу умершего и, возможно,

¹ Геродот, IV, 94, 95.

² Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 94 сл.; D. Tudor. Указ. соч., стр. 5; Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, СПб., 1913, стр. 59. стр. 78 сл.

³ F. Cumont. Die orientalischen Religionen in Römischen Heidentum. Berlin, 1914,

⁴ Demosphen. Pro corona, 260.

⁵ «Exploration archeologique de Delos», Paris, 1938, стр. 230, табл. XVIII.

представляли символы священных хлебцев. В жерченских гробницах найдены две такие терракотовые «лепешки» с изображением крылатых гениев смерти¹. Размеры их полностью совпадают с размером штампов, а содержание соответствует кругу представлений о хтонических божествах.

Может быть, при изготовлении упоминаемой выше краснолаковой чаши с большим рельефным медальоном, помещенным на дне, пользовались подобными штампами, тем более, что изображение и надпись, его окружающая, связывают чашу с ритуальными сосудами.

Можно констатировать, таким образом, что применение штампов было достаточно широким.

Находка же глиняного штампа в Киммерике, в помещении, где обнаружены склад зерна и орудия, свидетельствующие о наличии мукомольного производства, служит доказательством существования на Боспоре обычая готовить ритуальные хлебцы с сакральными изображениями. Это дает право связать с киммерикским штампом и другие, найденные в городах Северного Причерноморья. Все они, повидимому, связаны на Боспоре во II—III вв. синкретическими культурами «бога высочайшего» и великой богини, включавшими в себя местные религиозные культы, а также элементы культов Сабазия, Диониса, Кибелы и других, из которых заимствовались внешние формы. Эти верования получили большое распространение на Боспоре в силу особенностей его социального развития и в результате сходности элементов у этих культов с привычными религиозными представлениями населения Северного Причерноморья.

Синкретические культы на Боспоре были ступенью к монотеизму, что нашло отражение и на штампах.

Более ранние из них содержат изображения многих атрибутов различных божеств, на более поздних сохраняются лишь единичные, в частности птица и змея. Изображение птицы продолжает встречаться как религиозный символ и в христианскую эпоху.

И. К. СВЕШНИКОВ

СЕРПЕНТИНОВЫЙ ТОПОР В КОЛЛЕКЦИИ ЛЬВОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В археологической коллекции Львовского государственного исторического музея хранится каменный топор, обозначенный инвентарным номером А-4135. На топоре надпись на польском языке «Из Волыни», из чего можно заключить, что он найден на территории Ровенской или Волинской областей, т. е. той части Волыни, которая в 1920—1939 гг. входила в состав Польши. Топор поступил в Львовский исторический музей в 1940 г. вместе с другими археологическими материалами, переданными из бывш. музея Дзедушицких. Никаких более точных указаний о его приобретении в каталогах музея не имеется. Следовательно, упомянутую находку приходится рассматривать как случайную.

Топор сделан из черного камня с зелеными вкраплениями, которые располагаются с обеих сторон лезвия и с одной — в виде косых полосок — по проуху. Длина топора 13,6 см, максимальная ширина проуха 4,8 см. Проушное отверстие конической формы, расширено со стороны, обращенной к рукоятке, и сужено с противоположной стороны (рис. 42—1). Диаметр сверлины в нижней части топора (со стороны, обращенной к рукоятке) 2,4 см, в верхней 2,1 см, ширина лезвия 3 см. Обух в поперечном сечении овальной формы, удлинен по вертикальной линии (рис. 43—5); диаметры его 3,8 см и 3,3 см. По обеим сторонам проуха отчетливые грани, ребра которых четко обозначены только в нижней части топора (рис. 43—1). Лезвие и обух слегка опущены книзу, благодаря чему топор имеет дугообразную форму (рис. 43—3). Пестообразный обух немного расширен возле проуха. Проушное отверстие укреплено утолщением вокруг него; оно очень аккуратно просверлено без каких бы то ни было следов отклонения сверла и имеет в горизонтальном сечении форму правильного круга (рис. 42—1 и рис. 43—1, 2); на его стенках ряд мелких тонких кольцеобразных бороздок, заметных только под увеличительным стеклом. Верхний край сверлины немного выщерблен. Дуговидное лезвие топора опущено книзу; его верхняя часть несколько укорочена (рис. 42—2). Само лезвие тупое, заполированное, без признаков заточки, явно не приспособленное к работе. Поверхность орудия гладкая, тщательно отшлифованная. В одном месте на верхней части, между проухом и лезвием, небольшое зашлифованное углубление, очевидно дефект материала, который не удалось удалить обработкой. Возле углубления две небольшие белые полосы, отличающиеся большей мягкостью по сравнению с остальной поверхностью (так называемые карбонаты, встречающиеся часто в серпентине).

Петрологический анализ (определение показателя преломления под микроскопом и удельного веса), проведенный на кафедре петрографии Львовского университета имени И. Франко, позволил установить, что топор сделан из серпентина¹.

Изданный польским археологом В. Антоневишем, который отнес находку к памятникам медно-каменного века², топор был помещен в указанном

Рис. 42. Серпентиновый топор из коллекции Львовского музея

труде среди памятников типа так называемой шнуровой керамики и обозначен как происходящий с территории западного Подолья, что было явной ошибкой, судя по надписи на топоре.

Форма и материал, из которого он изготовлен, позволяют отнести его к группе топоров, представленных в Бессарабском кладе³. Особенно напоминает он нефритовый топор, обозначенный О. А. Кривцовой-Граковой номером третьим и представленный на табл. III, 1, 2; X и XV названной работы.

От этого топора наш экземпляр отличается меньшими размерами, узким, не оттянутым назад и еще более тупым лезвием и отсутствием пластичного ребра на верхней части. Петрологический анализ при обработке топоров Бессарабского клада не был произведен, и поэтому нельзя утверждать, что сделаны они не из того же материала, из какого сделан волынский топор.

Из известных до сих пор топоров этого типа волынский по своей форме ближе всего стоит к нефритовому (?) топору, найденному у с. Гайчул

¹ За проведение анализа приношу благодарность проф. В. С. Соболеву, заведующему кафедрой петрографии Львовского университета.

² W. Antoniewicz. *Archeologia Polska*, табл. X, 31. Варшава, 1928.

³ Э. Р. Штерн. Бессарабская находка древностей 1912 г. *МАР*, вып. 34, стр. 1, 1914; О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. Изд. ГИМ, М., 1949.

Мариупольского района ¹ (Мариупольский музей). Гайчульский топор отличается от нашего очень тонко обработанным, прекрасно заостренным лезвием, вертикальными ребрами по проуху и ребром, соединяющим лезвие с

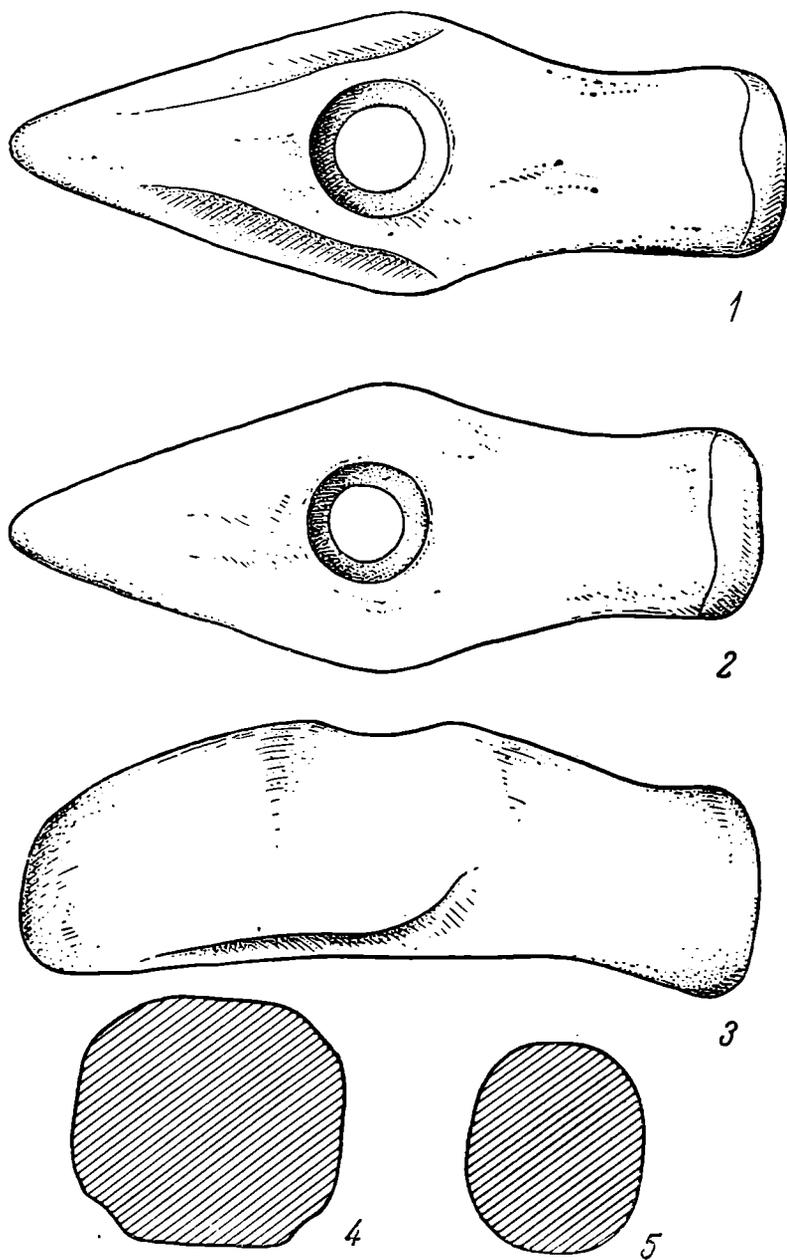

Рис. 43. Серпентиновый топор из коллекции Львовского музея

проушным отверстием на верхней части орудия. Гайчульский топор по своей форме близок известному мне медному топору, случайно найденному в 1939 г. в карьере кирпичного завода у с. Корытно Козинского района Ровенской области. Обнаружен он был в погребении возле скелета. На основании показаний рабочих, открывших погребение, не удалось установить, были ли еще какие-нибудь вещи возле скелета, а также положение самого скелета. Во время Отечественной войны топор, его зарисовки и фото пропали. Поверхность корытненского топора была покрыта тонким ровным

¹ П. Пиневич. Нефритова сокира-молот с узбережжя р. Гайчулу Маріупольської округи. «Антропологія», т. III, стр. 203—205, Киев, 1929, фото 1—2.

слоем коричневатой патины. Красноватый оттенок металла в проушной части, где патина была стерта, позволил предположить, что орудие сделано из меди. Дугообразное тупое лезвие, которое совсем не было отточено после изготовления, и почти цилиндрический обух опущены книзу. Согнутость не больше, чем у гайчульского экземпляра. Форма лопасти лезвия, форма обуха, а также поперечное утолщение с вертикальным ребром возле проушного отверстия у обоих экземпляров одинаковы. Размеры и пропорции тоже приблизительно одинаковы. У гайчульского топора имеется, кроме того, еще продольное ребро, соединяющее проушное отверстие с лезвием в верхней части. Эта деталь, хорошо отточенное лезвие и материал (камень), из которого топор сделан, отличают гайчульский экземпляр от корытненского.

К находкам описанного типа следует отнести обнаруженный А. Быдловским в 1903 г. в Яцковице б. Липовецкого уезда Киевской губернии, в кургане № 29, возле черепа, топор из черного камня, напоминающий своей формой и продольным ребром в верхней части находку у с. Гайчул¹.

К описанным топорам очень близки топоры, распространенные на Северном и Центральном Кавказе. Однако они обыкновенно более изогнуты; их лезвие и обух так сильно опущены книзу, что в проушной части образуется тупой угол², чего нет у наших экземпляров.

Оба волинских топора для территории, на которой были найдены, имеют явно импортный характер, доказательством чего является прежде всего материал, из которого они изготовлены; серпентин в природном виде на Волини не встречается. Широкое распространение топоров этого типа (Северо-западное Причерноморье, Волинь, Поднепровье, Приазовье) свидетельствует также о том, что они в свое время были предметом межплеменного обмена. Труднее ответить на вопрос, где именно находился центр их изготовления. На этот счет в археологической литературе существовали и существуют различные мнения. Э. Р. Штерн считает, что Бессарабский клад венгерского происхождения³, А. А. Спицын связывает эту находку с Восточной Европой и Западной Сибирью, а также с микенской культурой и относит ее к древнейшему периоду медного века⁴. А. А. Иессен высказывает предположение, что Бессарабский клад происходит из северо-западных областей Малой Азии и в половине II тысячелетия до н. э. или несколько позже был привезен сюда сухопутным или морским путем, связывающим Босфор с устьем Днестра⁵. По О. А. Кривцовой-Граковой⁶, каменные топоры Бессарабского клада — продукт производства населения областей Причерноморья и служат доказательством культурных связей с племенами соседних северных и западных районов. Под влиянием этих связей на всей упомянутой территории возникают одинаковые приемы в выделке боевых топоров. Бессарабский клад Кривцова-Гракова датирует 1400—1200 гг. до н. э.

¹ А. Budiowski. Mogiły w Jackowicy. «Swiatowit», т. VI, стр. 10, Варшава, 1905, рис. 9.

² А. А. Иессен. МИА, 1941, № 3, табл. 1, 1; А. Круглов и Г. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. Там же, табл. IV; Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. Там же, рис. 33—1, 2, 3; рис. 40—11; табл. X, 16; Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 6—2; его же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Рис. 11, 12; «Уч. зап. Кабард. н.-и. ин-та», т. V, 1950.

³ Э. Р. Штерн. Указ. соч.

⁴ А. А. Спицын. Бессарабский клад. Сборник статей в честь Уваровой. М., 1916.

⁵ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 19—20. В настоящее время, однако, автор этой работы не настаивает на приведенном выше мнении.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

Нам кажется, что при определении происхождения волынских серпентиновых топоров и других подобных изделий следует исключить прежде всего Венгрию и Малую Азию, как территории, снабжавшие в древности такими топорами Северо-западное Причерноморье, Волынь, Поднепровье и Приазовье. Местный (причерноморский) характер этого производства очевиден. Трудно все же предположить, что серпентиновые или нефритовые топоры изготовлялись повсеместно в тех районах, где сделаны подобные находки. Не только нефрит, самые близкие месторождения которого встречаются на Урале, Памире, северном склоне Куэн-Луны и в Китайском Туркестане, но и серпентин для упомянутой территории материал привозный. Ближайшие месторождения серпентина находятся в Закарпатье, Румынии (в Южных Карпатах), Силезии, на Урале и на Кавказе¹. В качестве ценного материала серпентин мог быть предметом обмена в виде сырья или готовых изделий из него. В археологии пока нет доказательств существования в древности широко развитого обмена серпентиновым сырьем.

С другой стороны, отсутствие полных аналогий нашим топорам в странах, где распространен серпентин, свидетельствует о том, что и там они не изготовлялись. Остается предположить, что во второй половине II тысячелетия до н. э. где-то в Причерноморье или Приазовье существовал центр изготовления серпентиновых топоров из привозного материала. Если бы они изготовлялись повсеместно, то их формы напоминали бы топоры, распространенные в разных культурных комплексах эпохи бронзы данной территории. Подобного явления, однако, не отмечено. Появление новых форм тоже должно было отразиться в местном производстве, однако и этого не отмечено. Повидимому, центр изготовления этих топоров существовал недолго и, возможно, был единственным.

Отсутствие двух совершенно одинаковых экземпляров несколько не противоречит нашему предположению: они все очень похожи друг на друга, а некоторые особенности деталей можно объяснить и другими причинами, например формой куска материала, из которого мастер делал топор². Каменные топоры, о которых идет речь, тесно связаны с металлургией: они подражают металлическим формам. Об этом ярче всего свидетельствует пластичное ребро на каменных топорах — деталь, характерная для металлических предметов, изготовленных при помощи литья в двухстворчатой литейной форме. Из каменных топоров бронзового века наши топоры по форме ближе всего к кавказским изделиям. Подобные находки были сделаны также на Урале. В кавказских и уральских серпентинах содержится значительное количество магнетита. Этой особенностью отличается и волинский серпентиновый топор: при его приближении стрелка компаса приходит в движение. Богатые медной рудой и серпентином Кавказ и Урал могли снабжать сырьем мастерские, а связь с Кавказом и Уралом порождала сходные формы изделий.

Возможно, что каменные топоры, имитирующие металлическое производство, предназначались для районов с отсталой металлургией. Однако они имели и другое назначение: это — парадное оружие, очевидно собственность родовой верхушки. Парадный характер волинских топоров не вызывает сомнения. Об этом ясно свидетельствуют лезвия без признаков заточки и ценный материал, из которого они сделаны. С серпентином, кроме того, могло быть связано представление о каких-нибудь его магических свойствах.

¹ Лодочников. Серпентины и серпентиниты. М.—Л., 1936. В Закарпатье серпентин открыт геологической разведкой Львовского университета в 1949 г.

² Мнение, уже высказывавшееся в археологической литературе. См.: Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 1941, вып. 3, стр. 270.

Датировка волынського серпентинового топора, а також і мідного корытненського не представляє особлих затруднень. Як указувалося вище, дослідники, займавшися подібними пам'ятниками в зв'язі з обробкою Бессарабського клада, приходять до одного і тому ж висновку: розпространення цих виробів припадає на другу половину II тисячоліття до н. е. О. А. Кривцова-Гракова ще більш уточнює цю дату, относя Бессарабський клад до 1400—1200 гг. до н. е. Це значно полегшує рішення нашої задачі, з яким культурним комплексом можна зв'язувати волинські топоры. Друга половина II тисячоліття до н. е.— це період розквіту в Верхньому Подністров'ї і на Волині пам'ятників так званої комаровської культури¹, яка датується 1800—700 гг. до н. е.² Детальне ознайомлення з пам'ятниками Західної Волині періоду середньої і пізньої бронзи дає картину заселення цієї місцевості тільки племенами комаровської культури. Повне відсутство пам'ятників інших типів — достатнє підґрунтя для визначення волинських серпентинового і мідного топоров як речей, використовуваних родом верхушкою цих племен. О наявності і широкому розвитку імущественної диференціації в період середньої і пізньої бронзи свідчать також багаті погребення з значним кількістю бронзових і золотих прикрас, відкриті в с. Комарові Станіславської області (Верхнє Подністров'є)³, а також широке розповсюдження такого дорогого і в більшості випадків привозного озброєння, як бронзові мечі⁴, які безумовно були озброєнням не рядового члена роду, а тільки видатних осіб.

На основі сказаного можна підвести наступні висновки. Волинський серпентиновий топор був виготовлений в другій половині II тисячоліття до н. е. в якомусь, зараз ще не визначеному точній локалізації центрі подібного виробництва в Причорномор'ї або Приазов'ї. Матеріалом для виготовлення служило, по всій ймовірності, кавказське або уральське сировина. Культурними зв'язями з цими районами слід пояснити і форми цих топоров, типологічною близькість до кавказських і уральських виробів. Готові топоры з згаданого центру виробництва були подражані металевими і призначалися для районів з більш відсталою, внаслідок відсутності родових руд, металургією. По призначенню серпентинові, нефритові (?) топоры, а також мідний корытненський топор були парадним озброєнням і отримувалися, очевидно, родом верхушкою племен, живших в другій половині II тисячоліття до н. е. в Причорномор'ї і Приазов'ї, а також на сусідніх територіях. Обидва волинські топора хронологічно збігаються з розквітом комаровської культури, знайдені на території її розповсюдження і, відповідно, повинні бути віднесені до пам'ятників, зв'язаних з цією культурною групою. Вони є ще одним доказом існування всередині племен комаровської культури імущественної диференціації і зміцнілої вже родовою верхушкою.

¹ T. Sulim irski. Cmentarzysko kurhanowe w Komarowie koło Nalicza i kultura komarowska. «Sprawozdania Polskiej Akad. Umiejętności», т. XLI, № 9, стр. 273, Краков; О. Ф. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», 1948, т. II, Київ.

² T. Sulim irski. Kurhany komarowskie. «Złoty Szlak», Станіслав, 1939, стр. 7, 9.

³ Там же, рис. 5.

⁴ W. Antoniewicz. Miecze bronzowe znalezione w Bielj Galicji. «Przegląd archeologiczny», 1921, т. I, стр. 28; 1925, т. II, стр. 11.

В. П. ЛЕВАШЕВА и Э. Р. РЫГДЫЛОН

ШАЛАБОЛИНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ,
ХРАНЯЩИЙСЯ В МИНУСИНСКОМ МУЗЕЕ

Самая большая коллекция бронзовых, так называемых «скифских» котлов хранится в Минусинском музее и состоит исключительно из местного материала, случайных находок из Минусинской котловины, собранных в

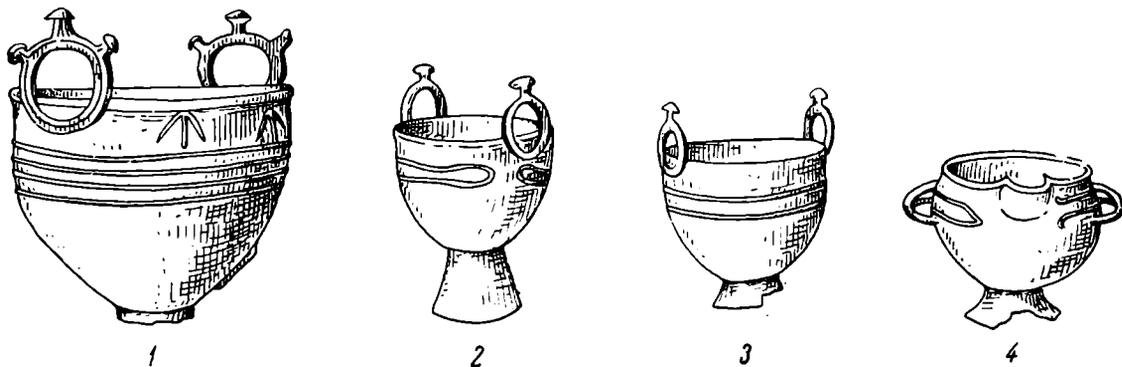

Рис. 44. Бронзовые котлы Шалаболинского клада (1—4)

течение 60—70 лет. Значительное число котлов этого рода, происходящих из Минусинского края, находится в центральных и местных сибирских музеях — в Красноярском, Омском, Томском и др.

Из случайных поступлений в Минусинский музей за последние десятилетия особенно интересен Шалаболинский клад 1938 г., состоящий из четырех бронзовых котлов (рис. 44) тагарской культуры, из которых три (меньшего размера) были вложены в один большой. Клад этот найден в 4 км к юго-западу от с. Шалаболина Курагинского района Красноярского края. Клад обнаружен колхозником С. Г. Мельниковым случайно, в оползне склона Березового лога.

Первый из котлов клада — самый большой (№ 12544), с отломанным поддоном; у края котла стоячие ручки в виде круглых колец с тремя гвоздевидными выступами наверху, причем нижний сегмент этих колец, орнаментированных с внешней стороны концентрическими желобками, сливается с корпусом, пересекая его слегка выпуклый бортик. Корпус почти полушарной формы, чуть заметно суживающийся к краю, в верхней расширенной части украшен пояском выпуклого литого шнурового орнамента в четыре ряда. Между пояском и бортиком симметрично расположены шесть трехконечных фигур в виде стрел или птичьих лап из такого же рельефного шнура (рис. 44—1). На нижней части корпуса имеются заплата, указывающие на долговременное употребление сосуда, и остатки отломанного,

повидимому усеченно-конического, поддона. Высота котла 46,5 см, наибольший диаметр 49,5 см, высота ручек 14 см.

Второй котел (№ 12545) такой же формы, но лучше сохранившийся, с целым усеченно-коническим поддоном, с такими же кольцеобразными ручками, но с одним гвоздевидным выступом, украшен пояском в две линии, изображающим как бы растянутый замкнутый круг шнура, загибы которого не доходят друг до друга под одной из ручек (рис. 44—2). На корпусе заплата, но не в нижней части, а у края. Диаметр котла 29,5 см, высота корпуса 22,2 см, поддона 10,5 см, ручек 7 см.

Третий котел (№ 12546) того же типа, что и второй, но с более низким поддоном. Орнамент изображает не замкнутый круг шнура, а как бы сложенный вдвое шнур, опоясывающий в две линии корпус, тоже не смыкаясь под одной из ручек, но так, что слева он кончается изгибом одного шнура, а справа обрывается в виде двух изогнутых концов (рис. 44—3). Часть поддона выломана; диаметр котла 33,5 см; высота корпуса 33 см, поддона 6 см, ручек 9 см.

Четвертый котел (№ 12547) иного типа. Корпус усеченно-шарообразный, у его края с обычным слегка отогнутым бортиком имеется носик-слив в виде корытообразного желобка; пара боковых ручек расположена не вертикально у края, а перпендикулярно корпусу сосуда на его выпуклой части. Ручки сделаны в виде полукруглых горизонтальных дужек с округлой верхней перемычкой, соединяющей середину ручки с краем котла под согнутым бортиком. Обычный орнамент в виде шнура опоясывает в два ряда верхнюю часть сосуда, проходя сквозь ручки (между горизонтальной дужкой и верхним концом перемычки) и не смыкаясь в передней части под носиком-сливом. Здесь имитируется сложенный вдвое шнур, округлый сгиб которого приходится влево от слива, а расходящиеся вверх и вниз концы — справа. Поддон — в форме усеченного конуса, высотой 9 см, край его выломан. Общая высота сосуда 27 см, диаметр края 21 см, корпуса в самом широком месте 25 см (рис. 44—4).

Форма и орнаментация первых трех котлов (за исключением орнамента в виде птичьих лап на большом котле) типичны для данного вида сосудов, найденных в большом количестве в Сибири, главным образом в Минусинской котловине. Четвертый котел представляет более редкую разновидность. Близкий к нему котел (тоже местного происхождения) с носиком-сливом, но с обычными вертикальными ручками у края, издан Д. Клеменцом¹, а аналогичные шалаболинскому экземпляру боковые ручки с перемычкой имеет хранящийся в ГИМ котел из Ачинска².

Место находок Шалаболинского клада было дважды обследовано археологами Минусинского музея³. Котлы найдены на правом берегу речки Шуш, правого притока р. Тубы, в устье Березового лога, в оползне, спустившемся с высокой береговой террасы, на которой в одном километре от места находки, над тем же Березовым логом, расположена ближайшая группа курганов тагарской культуры. Окрестные степи буквально усеяны курганами, а на обнажениях скал в разных пунктах около с. Шалаболина высечены писаницы⁴, также датируемые временем тагарской культуры⁵.

¹ Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, табл. VIII, рис. 1.

² ГИМ, № 47068.

³ В 1938 г. В. П. Левашевой и в 1948 г. Э. Р. Рыгдылоном.

⁴ И. Т. Савенков. Древние памятники изобразительного искусства на Енисее. М., 1910, стр. 195—199 и 225, табл. III; Андрианов. Обследование писаниц в Минусинском крае в 1907 г. «Изв. Русск. к-та для изучения Средней и Восточной Азии», 1908, стр. 42; К. В. Вяткина. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения. «Сборник МАЭ», т. XII, стр. 416—483.

⁵ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. «Труды РАНИОН», 1936, стр. 91—100.

В одинаковых условиях в 1940 г. разведкой кружка краеведов при Минусинском музее¹ на берегу речки Шуш, в 2,5 км к юго-западу от деревни Детлово Курагинского района, был найден еще один котел подобного типа². Из поступлений послереволюционных лет интересно отметить находку в 1937 г. бронзового котла с ручками в виде животных³, обнаруженного близ с. Тигрицкого, и найденные в 20-х годах близ с. Комаркова, на правом берегу Енисея, в 10—12 км ниже Минусинска, два котла и 23 обломка от разных экземпляров этого же вида сосудов, которые были вымыты водой в логу речки Сухая Чейя⁴. Последней находкой в Минусинской котловине

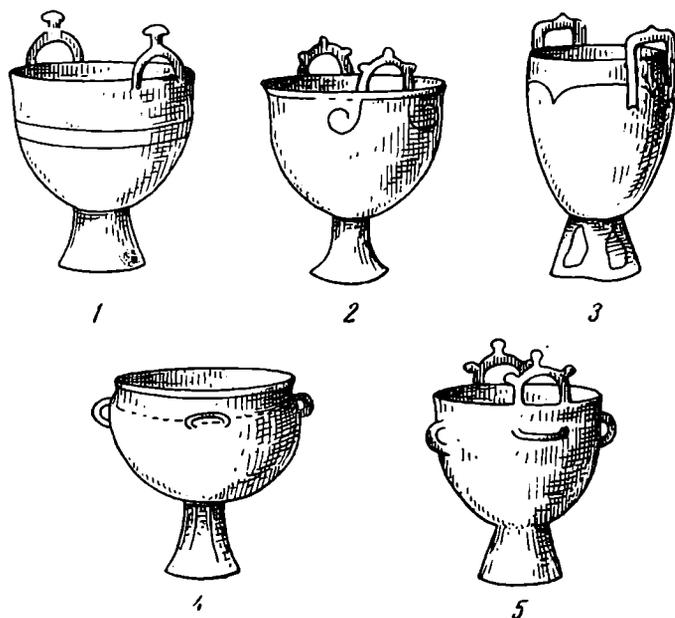

Рис. 45. Типы котлов, различающиеся по форме ручек

1 — сибирские и скифо-сарматские; 2 — скифо-сарматские; 3 — северокитайские (гуннские); 4 — семиреченские; 5 — смешанный тип

является поступивший в Хакасский областной музей котел, найденный в 1948 г. на левом берегу р. Енисея, на полях Октябрьского совхоза, в Верхней Бидже Хакасской автономной области. Подобного рода сосуды встречаются по всей степной и прилегающей лесостепной полосе Сибири, от Забайкалья до Казахстана, в Нижнем Поволжье и в степях европейской части СССР, откуда они и получили общее название «скифских». Близкие варианты бронзовых сосудов известны в Семиречье и Северном Китае. Сибирские и собственно «скифские» котлы близки друг к другу по форме, но отличаются некоторыми деталями. Для классического типа сибирского котла характерны ручки в виде замкнутого круга, с тремя или с одним гвоздевидным отростком в верхней части, влитые нижней частью в корпус (рис. 45—1). Ручки скифских котлов тоже бывают снабжены гвоздевидными отростками, но имеют вид дужек, нижние концы которых как бы влиты в верхнюю часть сосуда. Они или расходятся, загибаясь в ушки⁵, или просто смыкаются с краем котла (рис. 45—2). Кроме того, корпус европейских скифских котлов чаще имеет раздутость боков, а выпуклый шнуровой орнамент опоясывает сосуд не только прямыми горизонтальными линиями, но иногда и волнистой⁶.

Северокитайские котлы с поддоном и вертикальными ручками у краю контуру корпуса бывают близки к сибирским (хотя чаще встречаются более вытянутые), но поддоны их прорезные, а ручки или с прямоугольными углами (рис. 45—1-3), или в виде простых полукруглых дужек.

Отличительной чертой семиреченских котлов является то, что они имеют не поддон, а три ножки, хотя встречаются и на обычном кониче-

¹ Под руководством педагога-краеведа В. А. Зырянова.

² Минусинский музей, № 12851.

³ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, рис. 15.

⁴ Минусинский музей, № 1013—1040.

⁵ Из Саратовской губернии. ГИМ, дар А. К., каталог 1893 г., стр. 75, № 2018.

⁶ Котел из Херсонской губернии, ОАК. 1890, рис. 64.

ском поддоне (рис. 45—4). По исследованиям А. Н. Бернштама, «вне пределов Семиречья тип котлов на трех ножках, за исключением Китая, не имеет аналогий»¹. Характерные же для семиреченских котлов боковые ручки, расположенные симметрично (одна пара горизонтальных, другая — вертикальных дужек) на раздутой части корпуса, встречаются и в других районах, а в самом Семиречье иногда сочетаются с парой вертикальных ручек у края, как на скифо-сибирских сосудах (рис. 45—5).

Таким образом, намечаются как бы четыре провинции распространения бронзовых котлов: европейские степи, Сибирь, Семиречье и менее известный нам по материалу Северный Китай.

Иногда типичные для определенной провинции признаки встречаются и на находках из других отдаленных районов. Например, в Минусинском музее есть бронзовый котел из местных находок с прямоугольными ручками и вытянутым туловом², напоминающий северокитайский тип; форма и расположение ручек на четвертом котле Шалаболинского клада и на котле из Ачинска³ говорят о возможном проникновении в Красноярский край семиреченских традиций. В Минусинской коллекции имеется котел с шаровидным корпусом и вертикальными ручками, концы которых расходятся усиками подобно собственно скифским, но не по тулову сосуда, а у самого края. Скифские котлы из Херсонщины⁴ и Прикубанья⁵ бывают снабжены, кроме обычных вертикальных ручек у края, еще и горизонтальными дужками на боках, подобно семиреченским.

Семиреченские черты расположения боковых ручек по две пары обычны на казахстанских котлах⁶, причем здесь встречается и сочетание пары вертикальных скифо-сибирских с гвоздевидными выступами ручек у края сосуда, с двумя парами (вертикальной и горизонтальной) семиреченских дужек-ручек на боках⁷.

Что же касается прибайкальских находок бронзовых котлов, то изучавший их Г. П. Сосновский подчеркивает сходство с минусинскими⁸. Находки бронзовых котлов, к востоку от Енисея, в Забайкалье, и к западу, в Казахстане, исчисляются единицами. В то же время Минусинский музей располагает несколькими десятками целых сосудов этого типа и сотнями обломков отдельных экземпляров. Если к ним прибавить происходящие из Минусинской котловины многочисленные экземпляры, рассеянные по разным музеям, станет несомненным, что именно Минусинский культурный очаг был центром производства «скифских» котлов сибирского образца, которые справедливее было бы называть «минусинскими».

Прослеженное нами на приведенных образцах переплетение отдельных элементов скифских, сибирских и семиреченских бронзовых котлов позволяет предполагать их одновременное существование, что совпадает с высказанными ранее датировками.

Г. П. Сосновский говорит о скифских котлах: «В Южную Россию отдельные котлы проникли вместе со скифами приблизительно в VIII в. до Р. Х., а кончают свое существование с нашествием готов в III в. по Р. Х.

¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, т. XI, стр. 352.

² Минусинский музей. Сосуд экспонирован рядом с Шалаболинским кладом.

³ ГИМ, № 47068.

⁴ ОАК, 1890, рис. 64.

⁵ Ст. Воздвиженская Кубанской области, раскопки Н. И. Веселовского 1899 г., ГИМ, № 42511.

⁶ Устькаменогорский округ. ГИМ, № 25096.

⁷ Сосуд, найденный в Кургумском районе Восточно-Казахстанской области. Рисунок его любезно предоставлен нам С. С. Черниковым.

⁸ Г. П. Сосновский. Заметки об одной археологической находке. «Этногр. бюлл.», № 3, посвященный памяти М. Н. Хангалова. ВСОРГО. Иркутск, 1923.

Возможно, что наши сибирские бронзовые котлы окажутся более древними, чем южнорусские, но едва ли их давность восходит далее конца бронзового периода»¹.

А. Н. Бернштам, классифицируя семиреченские памятники, определяет время бытования бронзовых котлов V—III вв. до н. э.²

В первой классификации минусинских древностей, опубликованной С. А. Теплоуховым в 1929 г.³, появление минусинских бронзовых котлов датируется серединой I тысячелетия до н. э., чему не противоречит и последняя классификация южносибирских памятников С. В. Киселева⁴.

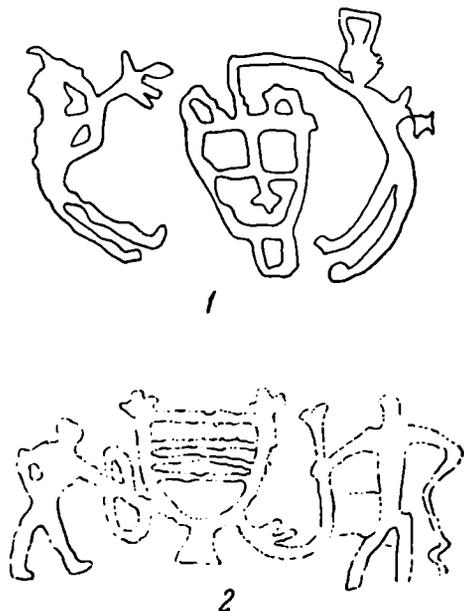

Рис. 46. Наскальные изображения бронзовых котлов (Хакассия)

1 — Кывыл-кая; 2 — Сулек

В Сибири, в частности в Минусинской котловине, эти сосуды бытовали в эпоху тагарской и таштыкской культур, т. е. во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры. Правда, ни одного котла не встречено до сих пор в погребениях с хорошо датируемыми комплексами, однако имеются изображения их на писаницах тагарской культуры, а копирующие их форму глиняные сосуды встречаются в погребениях, начиная со II стадии тагарской культуры, т. е. с V—III вв. до н. э.; следовательно, самые оригиналы, которым подражали в глине, могли существовать и раньше V в. до н. э. Особенно же большое распространение подражания «скифским» котлам не только в глине, но и в виде крохотных бронзовых миниатюр получают в таштыкское время. Подобные миниатюры бытовали и в европейских степях. Так, на Кубани миниатюрный бронзовый котел найден в сарматской могиле I в.⁵ Следовательно

но, и крупные бронзовые котлы также продолжали существовать одновременно со своими копиями. Установить, какие именно из сосудов большой минусинской коллекции представляют древнейшие экземпляры и к какому точно веку относится описываемый Шалаболинский клад, в настоящее время не представляется возможным.

О назначении бронзовых котлов говорят изображения на писаницах и свидетельство Геродота. Последний сообщает, что скифы «жертвенное животное обдирают, очищают мясо от костей и бросают его в котлы туземного производства... Затем зажигают кости животных и на них варят мясо. Если котла не окажется, то все мясо сбрасывают в желудки самих животных, подливают воды и под ними кости зажигают. Кости горят отлично, а очищенное от костей мясо легко помещается в желудках. Таким образом, бык и всякое другое животное сжигают сами себя»⁶. Сибирские наскальные рисунки являются прямой иллюстрацией к этому рассказу (рис. 46). На них изображены большие котлы типично сибирской формы, около них люди, мешающие что-то в котлах, подкладывающие под них топливо или

¹ Г. П. Сосновский. Указ. соч.

² А. Н. Бернштам. Указ. соч.

³ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, гл. V и VII. М., 1949.

⁵ Там же, стр. 164 и 236.

⁶ Геродот, IV, § 61.

поправляющие углы. Очевидно, это изображения сцен какого-то ритуала, возможно связанного именно с варкой мяса жертвенных животных, о которой говорит Геродот в приведенном выше рассказе. Самая форма сосудов обусловлена назначением — варки на кострах при малой затрате топлива. Г. П. Сосновский, связывая «скифские» котлы со степью, говорит о приспособленности их формы для употребления в безлесных местностях: «Высокий поддон служил для более удобной постановки сосуда в горящий костер, топливом для которого являлся кизяк, кости животных, сухая трава. Недостаток горючего материала в степи побуждал человека экономить его и устраивать свои сосуды так, чтобы огонь нагревал их наибольшую поверхность»¹. Еще удобнее для нагрева с наименьшей затратой топлива форма семиреченского котла на трех ножках, однако скифо-сибирская форма с поддоном имеет свои преимущества как более легкая для отливки и более прочная для кочевого быта.

Поскольку сосуды связаны с ритуалом, становится понятным, что их не ставили в могилы рядовых людей, так как это было не личное, а родовое имущество, своего рода «священные» сосуды. Недаром почти у всех скотоводческих народов Сибири существуют легенды о медных котлах, якобы установленных на высоких горах, в таинственных местах, в священных рощах и т. п.

Находимые в погребениях глиняные сосуды обычного размера, вылепленные по образцу больших котлов, могли иметь и просто бытовое назначение кубков, так как среди них встречаются рюмковидные экземпляры без ручек, с чеканным орнаментом, свойственным обычной керамике того времени². Что же касается миниатюрных котелков из бронзы, то они, вероятно, играли роль амулетов³, изображений священного предмета — ритуального котла.

¹ Г. П. Сосновский. Заметка об одной археологической находке. «Этногр. бюлл.», № 3, ВСОРГО, Иркутск, 1923.

² Коллекция Минусинского музея. В частности, сосуды из большого таштыкского склепа на Уйбатском чаатасе; раскопки В. П. Левашевой, 1936.

³ С. В. Киселев. Указ. соч.

Д. Б. ШЕЛОВ

ПАНТИКАПЕЙСКИЕ МОНЕТЫ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III ВЕКА
ДО НАШЕЙ ЭРЫ С НАДЧЕКАНКАМИ

III век до н. э. характеризуется на Боспоре глубочайшим денежным кризисом, выразившимся в прекращении собственной чеканки серебряной и золотой монеты, в быстром и все прогрессирующем падении веса медных монет, в резком ухудшении стиля изображений на них, в огромном количестве перечеканок и надчеканок монет, свидетельствующих о неустойчивости денежной системы. Кризис начинает изживаться лишь в последней четверти III в. до н. э., когда вновь возобновляется в Пантикапее чеканка серебряной монеты, а медная монета получает более устойчивый вес¹. Но и в течение трех первых четвертей III в. боспорские власти неоднократно предпринимали попытки преодолеть кризис выпуском новых серий медной монеты с новыми типами, которые должны были обеспечить доверие к выпуску и предохранить его от обесценения. Однако очень скоро монеты и этих новых серий обесценивались и подвергались ряду последовательных надчеканок и перечеканок. Видимо, последним звеном в длительной цепи монетных выпусков является серия пантикапейских монет, на лицевой стороне которых изображена голова Посейдона, а на оборотной — Прора и надпись ПАНТИ². Монеты этой серии очень редко встречаются без надчеканок; обычно они имеют небольшие надчеканки, представляющие в круглом поле голову Афины или голову сатира³. Часто одна монета имеет обе надчеканки, причем в тех случаях, когда они попадают на одну сторону и частично совпадают, можно заметить, что надчеканка с головой Афины перекрывается надчеканкой с головой сатира⁴.

Нас интересует первая надчеканка — голова Афины, изображенная в профиль вправо в высоком коринфском шлеме. И общий стиль изображения и детали его совершенно точно совпадают с лицевым типом одного из номиналов медных монет Левкона II. Этот правитель Боспора в третьей четверти III века до н. э. впервые в истории боспорской чеканки выпустил серию медных монет от своего имени, а не от имени города Пантикапея. А. Н. Зограф высказал очень убедительное предположение, что целью этого выпуска монет от имени царя, равно как и введения новых монетных

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 1950, вып. 16, стр. 177 сл.

² П. О. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXII, 153.

³ Там же, табл. XXII, 154 сл.; А. Е. Зограф. Указ. соч., табл. XLI, 13.

⁴ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, 1941, вып. 4, стр. 152. Тот же случай наблюдается и на одной монете из раскопок 1948 г. в Фанагории (№ 31).

типов, была стабилизация денежного курса и предотвращение обесценивания новых денег¹. Видимо, цель в какой-то мере была достигнута, по крайней мере нам неизвестно надчеканок или перечеканок на этих медных царских монетах. Серия царской меди состояла из трех номиналов², средний из которых имеет на лицевой стороне изображение той же головы Афины в коринфском шлеме вправо, а на оборотной — изображение молнии. Голова Афины на монетах Левкона II, повидимому, является заимствованием с известных статеров александровского типа, выпускавшихся в эллинистическую эпоху многими монетными дворами.

Совершенно точное совпадение изображения головы Афины на медных монетах Левкона II и на указанных выше надчеканках пантикапейских монет позволяет предположить, что и эти надчеканки были сделаны тем же царем. Видимо, Левкон II, стремясь упрочить и стабилизировать денежное обращение на Боспоре, не только предпринял выпуск медной монеты с совершенно новыми типами от своего имени, но и городскую монету, находившуюся в это время в обращении, подверг клеймению одним из этих типов, чтобы подтвердить ее курс. Предположение вполне соответствует и хронологическим вычислениям. А. Н. Зограф, на основании целого ряда признаков, датирует разбираемые пантикапейские монеты с надчеканками третьей четвертью III в. до н. э.³, т. е. тем же временем, к которому относится выпуск царской медной монеты Левконом II.

В связи с надчеканенными пантикапейскими монетами нельзя вспомнить об одном рассказе в сборнике военных новелл Полиена⁴: «Левкон, нуждаясь (однажды) в деньгах, объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему (свои) наличные деньги для того, чтобы они были перечеканены и (таким образом) остались годными. Подданные принесли ему (все), что у них было; тогда он наложил новый штемпель и на каждой монете надписал двойную (против прежней) стоимость; таким образом, он выручил (в свою пользу) половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан»⁵.

Приведенный эпизод, равно как и другие рассказы Полиена о Левконе, принято относить к боспорскому архонту Левкону I. Нам уже приходилось в другой связи говорить об ошибочности подобного мнения и о том, что Левкон, упоминаемый Полиеном, по всем признакам — второй правитель этого имени, царствовавший на Боспоре в третьей четверти III в. до н. э.⁶

Рассказ о перечеканке монеты во всяком случае не может быть отнесен ко времени Левкона I по следующим причинам. Денежная операция, о которой идет речь, могла быть произведена только над медной монетой, как неполноценной, в значительной степени условной. При этом предполагается, что полноценная монета, золотая и серебряная, не выпускается, иначе операция не имела бы никакого смысла. Между тем во время правления Левкона I (389—349 гг. до н. э.) мы наблюдаем как раз обратную картину: регулярно чеканятся золотые статеры и серебряная монета и почти полностью отсутствует выпуск меди. Только в первые годы правления Левкона I, еще в первой четверти IV в., были выпущены, видимо в очень небольшом количестве, медные монетки двух мельчайших номиналов. Они очень быстро исчезли из обращения, и никаких надчеканок или перечеканок на них никогда не встречается. В дальнейшем чеканка меди была возобновлена уже только после смерти Левкона I, в 30-х годах IV в. Кроме

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 182.

² П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIV, 1—3, 8—9, 10.

³ МИА, вып. 4, стр. 154; вып. 16, стр. 179.

⁴ Polyen., Strateg., VI, 9, 1.

⁵ Перевод В. М. Клембровского, SC, I, стр. 564; ВДИ, 1948, № 2, стр. 216.

⁶ См. нашу статью «Феодосия, Гераклея и Спартокиды». ВДИ, 1950, № 3.

того, мы вообще не знаем на Боспоре случаев перчеканки или надчеканки каких-либо монет в IV в. до н. э. Наоборот, денежное обращение III в. до н. э., характеризующееся выпуском исключительно медной монеты, обилием перчеканок и постоянными финансовыми затруднениями, отвечает всем тем условиям, которые необходимы для понимания рассказа Полиена. Поэтому самый рассказ следует определенно относить к Левкону II, а не к Левкону I.

Сопоставляя этот вывод с указанными выше фактами надчеканок на пантикапейских монетах третьей четверти III в. до н. э., мы можем высказать предположение, не лишенное некоторого вероятия, что именно эта перчеканка Левконом II ходячей пантикапейской монеты отразилась в несколько искаженном виде в рассказе Полиена. Что же касается осмысления мероприятия, то оно принадлежит самому Полиену или его источнику и находится в полном соответствии с экономическими воззрениями древности; вспомним, что совершенно такие же деяния приписывались и Гиппию и Дионисию старшему.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
Зап. УОЛЕ — Записки Уральского отделения любителей естествознания
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИРАО — Известия Российского археологического общества
ИТОАИЭ — Известия Таврического отделения археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
IGRP — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
OGIS — Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
RE-P.-W.-K. — Real Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft Pauly — Wissowskroll
SC — B. Latyshev, Scythica et Caucasica
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Б. А. Рыбаков.</i> Русские земли по карте Идриси 1154 года	3
<i>В. И. Мошинская.</i> О некоторых каменных скульптурах Прииртышья	45
<i>В. М. Раушенбах.</i> Керамика шигирской культуры	55
<i>Т. В. Блаватская.</i> Надпись на сосуде из Киммерика	69
<i>А. Н. Мелихов.</i> Серебряное блюдо из Красной Поляны	74

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. И. Тереножкин.</i> Поселения и городища в бассейне реки Тясмина	80
<i>А. Н. Москаленко.</i> Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дснху	99
<i>И. Т. Кругликова.</i> Памятники эпохи бронзы из Киммерика	108

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>И. Т. Кругликова.</i> Глиняный штамп из Киммерика	119
<i>И. К. Свешников.</i> Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея	126
<i>В. П. Левашева и Э. Р. Рыдылон.</i> Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее	132
<i>Д. Б. Шелов.</i> Пантикапейские монеты третьей четверти III века до нашей эры с надчеканками	138
Список сокращений	141

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Н. П. Аузин*

*

РИСО АН СССР № 4897 Т-01885. Издат. № 3356
Тип. заказ № 1643. Подп. к печ. 15/III 1952 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 12,33+2 вклейки
Бум. л. 4,5. Уч.-издат. 13. Тираж 2000.

Номинал по преискуранту 1952 г. 8 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
40	6 св.	Шардканем	Шаруканем
40	вклейка рис. 14	Берзина	Березина
71	7 св.	τῆς τοῦ δαίνοϋ	τῆς τοῦ δαίνοϋ
73	10 св.	ἐπίκτητοϋ	ἐπίκτητοϋ
73	12 св.	καὶ	καὶ
73	5 св.	Παταίκοϋ	Πάταίκοϋ
77	18 св.	Н. И. Смирнова	Я. И. Смирнова
123	34 св.	Себазиастов	Сабазиастов
125	17 св.	синкретическими	с синкретическими
138	4 св.	А. Е. Зограф	А. Н. Зограф
139	22 св.	нельзя вспомнить	нельзя не вспомнить